

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт социологии и регионоведения

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА НА ДОНУ: ИНТЕГРАЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2022

УДК 323.1:39(=19)(470.61)(035.3)
ББК 66.041.12+63.521(=51)(235.7)я44
А83

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор, директор научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований Пятигорского государственного университета *М. А. Аствацатурова*;

доктор социологических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета
М. А. Васьков

Авторский коллектив:

Л. В. Батиев, А. В. Бедрик (ответственный редактор), Н. К. Бинеева, О. А. Нор-Аревян, В. Г. Пантелеев, Ю. С. Панфилова, Г. А. Матвеев, С. М. Саядов, Е. Л. Щукина, И. Н. Назарьян

А83 Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности : монография / Л. В. Батиев, А. В. Бедрик, Н. К. Бинеева и др. (отв. редактор А. В. Бедрик) ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. – 224 с.

ISBN 978-5-9275-4324-3

Представленная научная монография является совместным трудом группы исследователей института социологии и регионоведения ЮФУ и научных сотрудников ЮНЦ РАН. В книге на основе социологических исследований 2011, 2018 и 2021 гг. делается попытка осмыслить роль армянской диаспоры в развитии донского региона, проблемы интеграции и сохранения этнокультурной идентичности донских армян.

Книга предназначена научным сотрудникам, преподавателям, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся армяноведением.

УДК 323.1:39(=19)(470.61)(035.3)
ББК 66.041.12+63.521(=51)(235.7)я44

ISBN 978-5-9275-4324-3

© Институт социологии и регионоведения ЮФУ, 2022
© ЮНЦ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел 1. Понятие и признаки диаспоры	7
Раздел 2. Донская армянская община: историко-демографический очерк	30
Раздел 3. Самоидентификация армян Дона и взаимоотношения с исторической родиной	58
Раздел 4. Армянский язык: воспроизводство, ожидания и запрос на изучение	81
Раздел 5. Оценка внутренней коммуникации армянской общины Ростовской области	100
Раздел 6. Общая оценка деятельности общины и ее потенциала в сохранении языка и других элементов армянской культуры	122
Раздел 7. Адаптационные и интеграционные возможности представителей диаспоры в регионе проживания	145
Заключение	173
Список источников и литературы	180
Сведения об авторах	196
Приложение	198

ВВЕДЕНИЕ

Феномен армянской нахичеванской общины и проблемы сохранения этнокультурной идентичности с различных сторон исследовался историками и социологами. Уникальность этого феномена состоит в том, что его история как бы повторяется, воспроизводя в новый исторический период однотипные проблемы и задачи, а также схожие подходы и способы их решения.

История армянской колонии на Дону начинается с Указа императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 г. о переселении армянского населения Крыма, которое основало город Нор-Нахичеван и пять армянских сел. В начале XX в. впервые была создана Армянская национально-культурная автономия в условиях революции и гражданской войны. Вновь подобная структура возникает в конце XX в. в условиях перестройки, последующего распада СССР и миграционного бума. Сменились эпохи и поколения, за счет иммиграции почти вдвое выросла численность армянского населения Ростовской области, но цели и задачи остались прежними – сохранение этнокультурной идентичности.

Исследование этого феномена имеет не только конкретно-историческое значение, оно позволит поставить вопрос о преемственности истории армянской общины на Дону, роли и значении исторической памяти в сохранении этнокультурной идентичности, механизмах, способах самоорганизации этнических групп при интеграции в социокультурное пространство региона.

Эмпирическую базу монографии составили материалы трех масштабных социологических исследований, проведенных в пе-

риод 2011–2021 гг. в Ростовской области, а также данные, полученные ростовскими учеными и специалистами в области арменоведения.

Исследование на тему «Армянские диаспоры Юга России: социологический портрет и проблемы идентичности» в 2011 г. было проведено Южно-Российским филиалом Института социологии РАН (сегодня Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН), объем выборки составил 2000 респондентов из числа представителей армянской диаспоры, постоянно проживающих в регионе. География опроса: г. Ростов-на-Дону, Мясниковский район Ростовской области.

Исследование в 2018 г. было проведено исследовательской группой ЮНЦ РАН с целью получения развернутой и детальной картины этносоциокультурных процессов, происходящих в настоящее время в общине. Исследование выполнялось в двух форматах: одна, более узкая, выборка включала членов армянских культурных центров/обществ ряда городов области, вторая – более массовая, «рядовых» представителей областного армянского населения. Первая выборка (ядро общины, этноактивисты) составила 146 респондентов, из которых 46,9 % мужчин и 53,1 % женщин. География опроса: г. Ростов-на-Дону, г. Таганрог, г. Белая Калитва. Вторая выборка (армянское население области) составила 416 человек, из которых 44,5 % мужчин и 54,3 % женщин. География опроса: г. Ростов-на-Дону, г. Таганрог, г. Белая Калитва, Мясниковский район.

Исследование армянской диаспоры в Ростовской области в 2021 г. было проведено в рамках международного проекта, реализуемого в четырех странах: России, Бельгии, Франции, Великобритании. Опрос представителей армянской общины в мае-июле 2021 г. был реализован сотрудниками Центра арменоведения Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Центра прикладных социологических исследований ИСиР ЮФУ, волонтерами Нахичеванской-на-Дону армянской общины, студентами ИСиР ЮФУ. Объем выборки составил 969 респондентов, из них 55 % мужчин и 45 % женщин. Более половины

опрошенных на момент опроса состояли в браке (58,7 %). Эмпирический материал был собран методом анкетного опроса по инструментарию, разработанному коллегами из Армянского института, финансируемого Фондом Гюльбенкяна (<https://www.armeniandiasporasurvey.com/privacypolicy>). Структура анкеты (74 вопроса) включала вопросы об идентичности и ее основаниях, родном языке, об отношении к политическим событиям, религии, беженцам, локальному сообществу и исторической Родине, о поддержке социальных связей, событиях в Нагорном Карабахе. География опроса: г. Азов, г. Аксай, г. Батайск, г. Волгодонск, г. Новочеркасск, г. Ростов-на-Дону, г. Таганрог; Мясниковский район – село Чалтырь, село Большие Салы, село Крым, хутор Ленинаван, хутор Ленинан; Егорлыкский район – хутор Кавалерский, хутор Шаумяновский; Азовский район – село Кулешовка; Красносулинский район – г. Красный Сулин. Статистическая обработка и анализ эмпирической информации проводились с применением программы SPSS, версия 26.0.

Коллектив авторов выражает признательность за помощь в организации и проведении исследования депутату Законодательного собрания Ростовской области, председателю правления Ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община» Арутюну Арменаковичу Сурмалян и председателю Донского союза армянской молодежи Геворку Григорьевичу Григоряну. Кроме того, авторский коллектив благодарит следующих сотрудников Института социологии и регионоведения ЮФУ за помощь в обработке данных и оформлении результатов исследований: к.с.н., ассистента кафедры конфликтологии и национальной безопасности Г. И. Чикарову, стажеров-исследователей В. В. Рак и А. Д. Гугуляна.

РАЗДЕЛ 1

Понятие и признаки диаспоры

Расширение международной миграции и увеличение численности этнических групп, проживающих за пределами своих исторических ареалов, в отрыве от национальных сообществ, сопряженные с феноменом «возрождения этничности», становятся важнейшими факторами глобальной и внутренней политики. Международная миграция последние десятилетия бьет все рекорды: общее число международных мигрантов в мире на 2019 год достигает 272 миллиона человек. Меньше чем за десятилетие, с 2010 года, их число выросло на 51 миллион¹. А по текущим оценкам, в 2020 году в мире насчитывалось около 281 миллиона международных мигрантов, что составляет 3,6 процента от мирового населения². В России «во втором квартале 2022 года на миграционный учет с регистрацией по месту пребывания встали 4,16 млн иностранцев, при этом работу в качестве цели приезда указали 3,12 млн человек (75 %). Это рекордно высокое квартальное значение за весь

¹ Россия заняла четвертое место в мире по числу принятых мигрантов [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2019/09/18/rossiia-zaniata-chetvertoe-mesto-v-mire-po-chislu-priniatyh-migrantov.html> (дата обращения: 05.11.2022).

² World Migration Report 2022 [Электронный ресурс] // International Organization for Migration: [сайт]. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive> (дата обращения: 05.11.2022).

период доступной статистики с 2017 года»¹. Всего мигрантов в РФ насчитывается 11,6 млн чел.²

Характерной чертой современных государств все более становится этнокультурное и религиозное многообразие. Это относится, в том числе, к совсем еще недавно достаточно однородным этнически и религиозно государствам. Прогнозы исследователей различных взглядов о маргинализации диаспорных групп оказались одинаково ошибочными: «Последние годы XX столетия и начало нового века ... принесли с собой очевидную активизацию фактора этничности и, соответственно, повышение социально-политической, культурной и экономической роли этнических групп и этнонациональных диаспор в жизни современных обществ», «оказалось, что способность диаспор оказывать влияние на ход событий в культурной, экономической, социальной и, главное, политической жизни постоянно возрастает и будет возрастать и впредь»³. Ориентация на мультикультурализм означает, что развитие в указанном направлении будет продолжаться, по всей видимости, ближайшие десятилетия.

Эпоха глобализации характеризуется не только аккультурационно-ассимиляционными процессами в мировом масштабе и на уровне отдельных государств. Она дает также (помимо роста миграций) и новые возможности (толерантность принимающего общества, политика мультикультурализма, информационные ресурсы современного общества, высокая мобильность населения,

¹ В РФ во втором квартале 2022 года въехало рекордное за шесть лет число трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/15417683> (дата обращения: 05.11.2022). Работу в качестве цели приезда в страну указали 3,12 млн иностранцев. По оценке Всемирного банка Россия находится в первой десятке стран, откуда делаются денежные переводы в страны происхождения мигрантов (в 1995 г. – на 6 месте, в 2020 – на 7). См.: World Migration Report 2022 [Электронный ресурс] // International Organization for Migration: [сайт]. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive> (дата обращения: 05.11.2022).

² World Migration Report 2022.

³ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–163.

активность диаспоральных организаций и пр.) для укрепления этнокультурной идентичности.

Ренессанс этничности¹ и противоречивый (разнонаправленный) характер этносоциальных отношений ставят перед наукой новые проблемы, заставляя пересматривать некоторые, казалось бы, устоявшиеся понятия и подходы, к числу которых относятся и ключевые для этнологии понятия нации и диаспоры. Сегодня в научном пространстве достаточно успешно сосуществуют конкурирующие определения понятия «нация» – от различных версий примордиализма (Пьер Ван ден Берге², Клиффорд Гирц³, Ю. Бромлей⁴, Л. Гумилев⁵ – биосоциальное, эволюционно-историческое направления, этногеномика) до конструктивизма, объясняющего нацию как воображаемую общность на основе сконструированной идентичности, этничность трактовалась как продукт манипулирования массами со стороны элит (Бенедикт Андерсон⁶, Эрик Хобсбаум⁷, Эрнст Геллнер⁸, В. Тишков); пост-

¹ *Smith A. D.* The ethnic revival. 1981. New York: Cambridge University Press, 1981. XXIV. 240 p.; *Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981. X. 290 p.; The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity / J. A. Fishman, M. H. Gertner, E. G. Lowy, W. G. Milán ... Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985. XVI. 531 p.

² *Van den Berghe P. L.* The Ethnic Phenomenon. New York: Elsevier, 1981. XIV. 301 p.

³ *Гирц К.* Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.

⁴ *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

⁵ *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://vmk78.narod.ru/Gumilev_Ethnogenez.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

⁶ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 286 с. См. также: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

⁷ *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

⁸ *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 319 с.

конструктивизма и инструментализма (Дэниел Белл¹, Натан Глейзер², К. Янг³).

Нет единства и в определении понятия диаспоры. Быстрый рост числа этнических групп, проживающих в иноэтничном окружении, их многообразии и историческая изменчивость самого феномена диаспоры делают очевидной необходимость на основе комплексных междисциплинарных исследований существенным образом скорректировать, дополнить и расширить знание о диаспорах, выработанное в процессе изучения их классических вариаций (еврейской, армянской и др.).

Расширение предметного поля диаспороведения началось примерно полвека назад. Израильский профессор Г. Шеффер отмечает, что «до начала 1980-х гг. ученые и политические деятели в большинстве своем либо игнорировали, либо недооценивали значимость феномена диаспоры и всего того, что с ним связано»⁴. Основатель и редактор издаваемого в Торонто журнала «Диаспора» Х. Толочян пишет о том, что «термин “диаспора”, прежде применявшийся лишь к евреям, грекам и армянам, стал приобретать с конца 1960-х гг. современное значение. Еврейскоцентристская па-

¹ *Bell D. Ethnicity and Social Change // Ethnicity. Theory and Experience. New York, 1989. P. 141–177.*

² *Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. Cambridge: Massachusetts Massachusetts Institute of Technology Press, 1963 (second expanded edition M.I.T. Press, 1974. 363 p.); Glazer N., Moynihan D. P., Schelling C. S. (ed.). Ethnicity: Theory and experience. Cambridge: Massachusetts, Harvard University Press, 1975. 512 p.*

³ *Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф. [25–27 янв.] 1993 г. / [отв. ред. В. А. Тишков]. М.: Наука, 1994. 313 с. «Суть дела сводилась таким образом к тому, чтобы этничность понималась не как некоторая данность, но как результат созидания, как инновационный акт творческого воображения. ... Процесс социального конструирования происходит и на индивидуальном, и на групповом уровнях; в ходе бесчисленного множества взаимодействий в обыденной жизни индивиды участвуют в постоянном процессе определения и переопределения самих себя. Самосознание понимается таким образом не как некая “фиксированная суть”, а как “стратегическое самоутверждение”». См. указ. соч. С. 117.*

⁴ *Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. С. 162.*

радикала понимания диаспор была видоизменена под влиянием дискурсивной власти различных групп, притязующих на диаспоральный статус. Таким образом, эволюция значения слова “диаспора” – это “результат изменений в политике дискурсивных режимов и в то же время продукт внедискурсивных феноменов”¹.

Этнический ренессанс привел к тому, что в западной науке, «несмотря на свое относительно недавнее появление, область исследований диаспоры за последние десятилетия пережила метеоритный взлет, породив впечатляющее количество научных работ в гуманитарных науках. Часто рассматриваемые как ответвление от постколониальных исследований, диаспоральные исследования развились из схожих координат в смежные дисциплины гуманитарных наук»².

В советской науке само понятие диаспоры не было популярным. И дело здесь не только в том, что для российской и советской империй «было характерно территориальное рассеяние народов, и это не способствовало образованию диаспор»³. На самом деле в Российской империи существовало достаточно много компактно живущих этнических групп. Но в имперский период ни мире в целом, ни в России не существовало такой практической, а заодно и теоретической проблемы как таковой.

Сохранялись компактные этнокультурные группы и в годы советской власти. Однако СССР и РСФСР представляли собой федерации, построенные на принципах многоуровневой национально-территориальной государственности (включая различные уровни

¹ *Tölölyan K.* Rethinking diaspora (s): Stateless power in the transnational moment // *Diaspora: a journal of transnational studies*. 1996. Т. 5. № 1. Р. 3–36; См.: *Третьяков В.* Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // *Новое литературное обозрение*. 2014. № 3. С. 49–61.

² *Král F.* Mapping Diaspora Studies: (Un)settled Past, Heterogeneous Present, and Multidisciplinary Future(s) // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2011. № 3. Р. 391.

³ *Кондратьева Т. С.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс] // Исторический фонд «Перспектива : [сайт]. URL: Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия – Перспективы (perspektivu.info) (дата обращения: 07.11.2022). См. также: *Кондратьева Т. С.* К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // *Актуальные проблемы Европы*. 2009. № 4. С. 17–43.

автономии). Национальные образования (от районов до сельсоветов) также создавались на административно-территориальной основе (к их числу относился и армянонаселенный Мясниковский район Ростовской области)¹. Но после небольшого периода (середина 1920 – начало 1930-х годов) политики усиленной «коренизации» (то есть всемерного поощрения, в том числе административными методами, национального компонента в местах компактного проживания этнических групп) был взят курс на построение единой исторической общности – советского народа, – и в этих условиях выпячивание проблемы диаспоры (национальных районов и т.п.) было неуместным (для этнических групп, имеющих государственность за пределами СССР, наличие национально-культурных административно-территориальных образований оказалось и вовсе опасным, как это показала, например, депортация греков).

В новейшей истории России исследовательский интерес к диаспорной проблематике проявился лишь в 1990-х годах², после распада СССР, массовых постсоветских миграций и общего роста национального (этнического) самосознания и превращения его в одну из движущих сил общества. К числу факторов, обусловивших развитие российского диаспороведения, следует прибавить также следование постсоветской науки в фарватере западной³.

Одновременно с ростом популярности предмета исследования и нового термина возникли и «сопутствующие» проблемы – понятие потеряло научную четкость и приобрело свойство публицистического термина. Все авторы пишут о том, что общепринятого строгого определения понятия «диаспора» не существует⁴. Более того,

¹ Экстерриториальная культурно-национальная автономия, по-видимому, слишком сильно напоминала большевикам программу идеологически заклеянного Бунда.

² Кондратьева Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 17–43.

³ См.: Третьяков В. Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 49–61.

⁴ Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 127; Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 2005. № 3. С. 8–17; Тишков В. А. Исторический феномен диаспо-

«едва ли не каждый исследователь трактует его по-своему и дает ему собственное определение – серьезные дискуссии о его смысловой нагрузке десятилетиями ведутся даже в рамках одних и тех же научных дисциплин»¹. Такая ситуация характерна и для западного дискурса. На деле термин «диаспора» все активнее используют для самоназвания, в результате чего дискурс меньшинств заменяется или, по крайней мере, дополняется дискурсом диаспор². Недостаточность теоретического осмысления проявляется также и в том, что «диаспора зачастую определяется на примере конкретной общности, которая в этом случае подвергается эссенциализации. Однако такие определения не универсальны, и развитие эпистемологию диаспороведения возможно лишь путем сравнительно-

ры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43; *Кондратьева Т. С.* К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 17–43; Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2011. С. 8–44.; *Обидина Ю. С.* Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2012. Вып. № 4–5. С. 5–18; *Дин Ю. И.* Термин «диаспора» в российской науке и корейская община Сахалина // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2013. Вып. X. С. 161–170; *Авдашкин А. А.* Диаспора: Происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. № 2(40). С. 107–111.

¹ *Кондратьева Т. С.* К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 17–43; См. также: *Дятлов В. И.* Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8; *Он же.* Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] // ДемоскопWeekly : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (дата обращения: 07.11.2022); *Шнирельман В.* Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 6–33; *Мелконян Э.* Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспоры. 2000. № 1–2. С. 6–28; *Абрамян Л.* Армения и диаспора: расхождение и встреча // XXI век. 2005. № 2. С. 137–155; *Попков В.* «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22; *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 435–490; *Vertovec S.* Three Meanings of “Diaspora”, Exemplified among South Asian Religions // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 1997. Vol. 6. № 3. P. 277.

² *Третьяков В.* Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 49–61.

го анализа»¹. В итоге исследователи приходят к даже выводу о том, что «термин этот никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является»².

Остановимся чуть подробнее на распространенных (в словарях, справочниках и учебных изданиях) определениях понятия «диаспора». Знаменитый словарь Брокгауза-Ефрона определял понятие диаспоры достаточно узко: «Диаспора (греч. «рассеяние»), обозначение евреев, рассеянных со времени Вавилонского пленения, вне Палестины»³. Более расширенный вариант определения в этом же издании также имел в виду еврейское рассеяние, но уже говорил и о других обособленных религиозных группах: «Диаспора (греч. «рассеяние») – так называлась у евреев, говоривших по-гречески, и в Новом Завете совокупность евреев, рассеянных, со времен Вавилонского пленения, вне Палестины, среди языческих народов, в Египте и Малой Азии, а с I в. нашей эры это название было перенесено евреями-христианами на единоверцев, живших вне церковных общин. В новейшее время это название употреблялось гернгутерами, которые звали так всех живших вне общин братьев своей секты. Теперь между католиками под именем Д. подразумеваются католические общины в иноверных странах»⁴.

В «Большой советской энциклопедии» (1972 г.) общая концепция определения диаспоры сохраняется, но расширяются причины образования трансграничных групп и этнический список диаспор: «Диаспора (греч. *diasporá* – рассеяние), пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения. Д. образовывались в результате насильственного выселения,

¹ *Butler K. D. Defining Diaspora, Refining a Discourse // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. 2001. № 2. P. 195 (на англ. яз.). Цит. по: Третьяков В. Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 49–61.*

² *Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24–33; Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. 3 (121). М.: Наука. 2000. С. 207–236.*

³ *Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I. Вып. 2. Диаметр – Донинское. СПб., 1907.*

⁴ *Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. 1893. Т. X: Десмургия – Домициан. С. 741.*

угрозы, действия экономических и географических факторов. Первоначально термин “Д.” применялся к проживанию евреев вне Палестины, особенно после их изгнания в начале 6 в. до н. э. вавилонским царем II, а затем в 1–2 вв. н. э. – римлянами. В дальнейшем термин “Д.” применялся и к некоторым др. этническим (например, армяне, ирландцы, китайцы) и религиозным (например, ранние христиане) общностям»¹. Советский энциклопедический словарь определял диаспору как «совокупность евреев, расселившихся (со времени Вавилонского плена, 6 в. до н.э.) вне Палестины; постепенно термин стал применяться и к др. религ. и этнич. группам, живущим в новом р-не своего расселения»².

В. И. Козлов – автор статьи в академическом издании 1995 г. – предложил двоякое толкование термина: «а) в узком смысле – совокупность мест поселения евреев после разгрома Вавилоном Израильского царства (6 в. до н.э.) и увода живших там евреев в плен, позже – совокупность всех мест расселения евреев по странам мира вне Палестины; б) в широком смысле – для обозначения мест расселения тех или иных этнических групп, оторвавшихся от родной территории этнической (см.): армянская Д., ирландская Д. и т.д. К Д. не относятся случаи расчленения территории этнической политико-государственными границами, при сохранении компактности расселения; так, русские в Сев. Казахстане не относятся к русской Д., а в Таджикистане – относятся; венгры на юге Словакии не относятся к венгерской Д., а в Великобритании отно-

¹ Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 8. Дебитор-Евкалипт / глав. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 591 с.

² Советский энциклопедический словарь. Изд. 4. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 389; Западные словари в этом отношении мало чем отличаются от российских. Так, «Оксфордский on-line словарь дает следующее определение понятия “диаспора”: “Диаспора – существительное. Рассеивание евреев за пределами Израиля, евреи, живущие за пределами Израиля, рассеивание или распространение какого-либо народа из своей первоначальной родины (имеется в виду процесс), люди, которые были рассеяны или распространились из своей первоначальной родины (имеется в виду следствие вышеозначенного процесса – группа, сообщество)”. См. об этом: *Авдашкин А. А.* Диаспора: происхождение и развитие понятия // Социум и власть. 2013. № 2(40). С. 107.

сятся и т.п.»¹. Новым моментом стал также ответ на вопрос решения вопроса о том, куда следует относить этнические группы, оказавшиеся за пределами национального государства в результате политических катаклизмов (распад СССР и др.).

В статье Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыковой «Дiasпора как объект социологического исследования», опубликованной в 1996 г., авторы предложили в качестве квалифицирующего признака диаспоры наличие ее самоорганизации: «Дiasпора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»².

Я. В. Леверовская в энциклопедической статье также выделила дополнительно такую характеристику диаспоры, как наличие определенной самоорганизации этнической общности, проживающей компактно в иноэтничном окружении, самовоспроизводство, и отметила связи с исторической родиной: «Для Д. характерна консолидация представителей того или иного народа и их компактное расселение в местах нового проживания. Д. имеет необходимые формы самоорганизации, которые позволяют ей оставаться относительно самостоятельным организмом, выполнять культурно-просветительские функции, поддерживать и развивать свои этнические традиции, обычаи, духовную культуру, а также культурные связи со своей исторической родиной. Активно участвуя в экономической деятельности, представители различных диаспор создают собственные национально-культурные центры, которые способствуют сохранению их самобытности»³.

¹ Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / под общ. ред. акад. Ю. В. Бромлея и проф. С. И. Вайнштейна; отв. редактор выпуска доктор ист. наук, проф. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с.

² Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 37.

³ Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с.

Типичными авторами «Демографического понятийного словаря» называли следующие черты диаспоры: «рассеяние по отношению к родине, коллективная память и мифологизация утраченной родины, возвратная миграция (репатриация), чувство солидарности с этническими собратьями и пр.». Кроме этого, к основным признакам диаспоры были отнесены «пребывание этноса за пределами страны происхождения, отрыв от исторической родины, сохранение национальной самобытности и содействие ее развитию, устойчивость к ассимиляции, наличие организационных форм своего существования, осуществление социальной защиты своих членов»¹.

Авторы «Словаря социолингвистических терминов» обращают внимание читателей на диаспоры, которые «могут существовать также и в рамках данного многонационального государства – за пределами основного места компактного проживания этноса»², отдельно отмечают использование термина «диаспора» применительно к совокупности «этнических групп близкородственных народов (или близких в культурном отношении народов), проживающих за пределами своей исконной территории. Например, наименование «черкесская диаспора», а также особую разновидность «языковой», а не «этнической» диаспоры, такой как «русскоязычная диаспора», образовавшаяся после распада СССР»³.

В 1999 г. с выходом в свет в России специализированного независимого научного журнала «Диаспоры» оживилась и дискуссия вокруг определения понятия диаспоры. В статье В. И. Дятлова в качестве модельного случая рассматривается рассеяние еврейского народа. Автор считает для диаспоры «принципиально важным то, что рассеяние превратилось в образ жизни, в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума». И далее – невозможность опоры на «национальный очаг» «заставляла искать такую опору только в себе, в своей общине и совокуп-

¹ Демографический понятийный словарь / под ред. Л. Л. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. М., 2003. С. 88.

² Аналогичный подход характерен и для другого издания. См.: Нации и этносы в современном мире. Словарь-справочник. Ред. Росенко М. Н. СПб.: ИД «Петрополис», 2007. 174 с. (автор статьи – Ю. А. Евстигнеев).

³ Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 57–58.

ности таких общин». С другой стороны – «многовековая жизнь в чужеродном окружении заставляла интегрироваться в местный уклад жизни, искать свое место в социальной структуре и экономике, воспринимать языки, культуру, обычаи, образ жизни окружающих». Жизненно важной задачей было найти в принимающих обществах свою экономическую нишу. Обязательной предпосылкой выживания становилась чрезвычайно высокая степень адаптивности, а залогом сохранения идентичности была корпоративность, общинность. Это В. И. Дятлов считает возможным назвать ключевой характеристикой классических диаспор. Переход к индустриальному обществу резко уменьшил внешнее давление и дал новые возможности «свободного выбора не только профессии и места жительства, но и гражданства, религии, языка, национальности», а заодно и запустил мощные ассимиляционные процессы. В то же время мощные миграционные процессы, а также распад СССР и Югославии позволяют говорить о «новых диаспорах»¹.

В. А. Шнирельман сделал акцент на психологической травме как обязательном следствии вынужденного неблагоприятными обстоятельствами (война, голод, насильственная депортация и пр.) расселения за пределы изначального этнического ареала. «Методом лечения последней служил поиск “золотого века” в глубоком прошлом» народа, который автор назвал «диаспорическим синдромом», ведущим автоматически к расцвету «этногенетической мифологии»². «Таким образом, типичной чертой диаспорического сознания является комплекс неполноценности, который и стремятся преодолеть творцы мифологических версий прошлого»³.

А. Ю. Милитарев акцентировал внимание на неоправданно и неправомерно расширительном (за пределами собственно еврей-

¹ См.: Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–23.

² Шнирельман В. А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 6; Тишков В. А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. 2003. № 2. С. 160–184; Дятлов В. И. Диаспоры: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–139; Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 2005. № 3. С. 8–17.

³ Шнирельман В. А. Мифы диаспоры. С. 28.

ского рассеяния) использовании термина «диаспора». По его мнению, расплывчатость и отсутствие строгой или универсальной дефиниции не дают основания считать диаспору научным термином. А. Ю. Милитарев выделил ключевые позиции на примере еврейской диаспоры (рассеяние, воспринимаемое самими евреями как наказание, идея возвращения на «землю обетованную», на «родину предков», «историческую прародину») и предложил набор признаков, наиболее характерных для еврейских диаспорных групп разных стран и периодов¹.

Как реакция на чрезмерную расплывчатость, у современных авторов возникает стремление максимально четко ограничить значение термина, исходя, в том числе, из этимологии, когда значение актуального понятия сводится к исходному смыслу термина. Понятие «диаспора» пытаются ограничить историко-этимологическим подходом сводя диаспору (греч. *diaspora* – «рассеяние») к совокупности евреев, расселившихся вне Палестины. При таком подходе «первоначальный смысл термина зачастую настолько превалирует, что общее определение и характеристика диаспоры даются с оглядкой на еврейское рассеяние как на классический, идеальный тип, в то время как оно представляет собой скорее тип исключительный»². У. Сафран в 1991 г. предложил рассматривать еврейскую диаспору как «парадигматический идеальный тип» и выделяет на этой основе критерии «диаспоризации»: «1) расселение из исходного “центра” в два или более места; 2) сохранение коллективной памяти или мифа о родине; 3) убеждение переселенцев, что они не полностью приняты новым окружением; 4) вера в то, что родина – их настоящий дом и что однажды они туда вернуться; 5) убеждение, что следует быть преданными сохранению или восстановлению отчизны; 6) поддержание связей, постоянная самоидентификация с нею тем или другим способом»³. По

¹ Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24–33.

² Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // 21-й ВЕК. 2005. № 2. С. 137.

³ Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. 1991. Vol. 1. № 1. P. 83–84.

такому же пути пошел и российский исследователь А. Ю. Милитарев, предложивший набор черт, выявленных на основе анализа еврейской диаспоры, назвав это набор не более чем грубой рабочей схемой¹.

В вышедшей одновременно с первым номером журнала «Диаспора» статье В. А. Тишкова были описаны и некоторые очевидные недостатки общеизвестных определений. Так, автор отмечал «слишком расширенное понимание категории диаспора, включающее все случаи крупных человеческих перемещений на транснациональном и даже на внутригосударственном уровнях в исторически обозримой перспективе». В. А. Тишков полагал, что «проблема с традиционным определением диаспоры состоит в опоре этого определения на объективные факторы самого акта перемещения человека или его предков из одной страны в другую и сохранения особого чувства привязанности к “исторической родине”»².

Можно, конечно, согласиться с замечанием В. А. Тишкова о том, что ни одна из даже ограниченного им круга «бесспорных» (но не без исключений!) диаспор («армянская, магрибская, турецкая, палестинская, кубинская, греческая и, возможно, современная китайская и прошлая польская диаспоры») «не подходит под “идеальный тип”, который У. Сэфрэн фактически сконструировал на примере еврейской диаспоры. Но даже и в последнем случае имеется масса несоответствий»³. Действительно, даже классическая еврейская диаспора сегодня не полностью соответствует предложенным критериям. Но весь смысл идеального типа и состоит в том, что он является «идеальным», абстракцией или экстрактом из эмпирического множества социальных явлений или объектов. «Идеальный тип представляет собой заведомое упрощение и идеализацию сложности и многообразия социальных явлений, осуществляемое исследователем в целях систематизации данного ему эмпирического материала и дальнейшего его сопоставления и изучения». Идеальный тип, согласно М. Веберу, «формируется одно-

¹ См.: Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 2005. № 3. С. 8–17.

² Исторический феномен диаспоры // Этнопанорама. 2000. № 2. С. 2–12.

³ Там же.

сторонним акцентированием одной или более точек зрения и синтезом очень многих расплывчатых, более или менее разрозненных, имеющих налицо или по временам отсутствующих конкретных индивидуальных явлений, которые организуются в соответствии с этими односторонне подчеркиваемыми точками зрения в единую логическую конструкцию». Вебер утверждал, что взятый в своей «концептуальной чистоте» идеальный тип не может быть найден в эмпирической реальности¹.

Но, тем не менее, эта методологическая поправка не решает вопрос об определении понятия диаспоры, и не лишает справедливости замечание о конкретных несоответствиях современной еврейской диаспоры (как, впрочем, и других) предложенному набору признаков. Изъян конструкции в данном случае заключается в неисторическом подходе к предмету исследования, который претерпел в XX и претерпевает особенно в нынешнем веке серьезные трансформации. В критической статье Йона Стрэттона отмечено, что «выдвинутые Сафраном критерии анахронистичны – они приложимы лишь к некоторым группам евреев в XX в.: вторая их половина “работает” только с учетом существования израильского государства-нации и вообще описывает только современную ситуацию. Вступление евреев в современность предполагало обновление их опыта в терминах нации-государства»². Новейшие исследования показывают, что «для нового поколения евреев Израиль больше не является “землей обетованной” и что они чувствуют себя дома там, где живут, будь то одна часть света или другая»³.

Мы наблюдаем не просто изменчивость отдельных диаспор. В современном мире появились кардинально отличные от образо-

¹ Швырев В. С. Идеальный тип [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c181709923b7e0d63380c> (дата обращения: 13.11.2022).

² Stratton J. (Dis)placing the Jews: Historicizing the Idea of Diaspora // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 1997. № 3. P. 324. Цит. по: Третьяков В. Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 49–61.

³ Третьяков В. Конец диаспор?; Aviv C. S., Shneer D. *New Jews: The End of the Jewish Diaspora*. New York: New York University Press, 2005. XVI. 214 p.

вания классических диаспор причины и обстоятельства трансграничных миграций значительных групп населения. Современные диаспорные образования, как правило, возникают в иной форме и характеризуются иными последствиями – помимо бегства от военных действий и угрозы истребления, массовая миграция чаще всего обусловлена социально-экономическими причинами и не сопровождается упразднением национального государства и рассеянием всего (основной массы) этноса. Кроме того, «существующий сейчас набор диаспор состоит из многих “хронологических слоев”: среди них есть те, что сформировались еще в период Античности, в Средние века и в Новое и Новейшее время (особенно в XIX и XX вв.); порожденные недавними потоками трудовой миграции в Северную и Южную Америку, Европу и ряд территорий Ближнего Востока; кроме того, некоторые “диаспоры” еще только становятся таковыми»¹.

Принципиально меняется отношение принимающих сообществ к мигрантам: если классический еврейский тип диаспоры характеризовался социальным отчуждением и существенными ограничениями прав диаспоры, то сегодня, напротив, государственная политика ориентирована на обеспечение равноправия, толерантности, реализацию концепции мультикультурализма, социальную поддержку мигрантов. Коренным образом может отличаться и поведение этнокультурных и религиозных групп, проживающих в иноэтничном (инонациональном) окружении, по отношению к принимающему сообществу.

Активизация фактора этничности означает повышение роли этнических групп и диаспор в жизни современных обществ². Произошли реальные изменения в жизни самих диаспорных сообществ. Новые «диаспоры» демонстрируют «не столько ориентацию на культурные корни в каком-то особом месте и желание возврата, сколько стремление воссоздавать культуру (часто в сложной и обновленной форме) в различных местонахождениях»³. Они «все активнее влияют на ситуацию в местах своего проживания, а также

¹ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 170.

² Там же. С. 163.

³ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнопанорама. 2000. № 2. С. 2–12.

выходят на региональный и международный уровень принятия решений во всех частях планеты»¹. Есть, конечно, и противоположная тенденция. Разрастание и активность диаспор отмечены в начале XXI в. «во многих странах приема нарастанием враждебности против иммигрантов и членов диаспор, возрождением расистских и националистических идей»².

Попытки втиснуть в традиционные определения понятия все сложное многообразие диаспор обречены на неуспех еще и потому, диаспора не просто сложное явление, диаспора – это процесс³ и характеристики диаспор могут меняться – в ту или иную сторону, либо к ассимиляции, либо, напротив, восстановлению этнического самосознания. «Возможно и даже неизбежно существование большого количества переходных, промежуточных вариантов, “полу-диаспор” с разной степенью идентификации себя со “своим” сообществом и с обществом страны-хозяина»⁴.

Итак, при максимальной генерализации можно выделить два основных подхода к определению диаспоры, две крайние точки в дискуссиях: 1) выделение «идеального типа» диаспоры и/или перечисление признаков «классической» (еврейской) диаспоры (еврейская, армянская и некоторые другие); 2) ориентация на простой факт наличия на территории государства иноэтнической группы, сохраняющей свою идентичность.

Первый подход в своем крайнем проявлении фактически упраздняет всю проблематику, сводя диаспору к ее историко-этимологическому истоку – историческому факту рассеяния еврейского народа. Но и при таком ограничении остается вопрос об определении природы современных еврейских сообществ, когда исчезли многие ключевые для диаспоры обстоятельства (появление национального государства, общее изменение социального и правового статуса еврейских общин, потребность в этнической кон-

¹ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 166.

² Там же. С. 162.

³ Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77.

⁴ Вишневецкий А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. 2000. Т. 3. С. 127.

солидации в интересах самосохранения, возможность возвращения на историческую родину и т.п.). И уж тем более традиционные определения «не вполне адекватно отражают суть “новых” диаспор; сравнительно недавно сформировавшихся в этом качестве (после Второй мировой войны); дремлющих, но переживающих сейчас стадию пробуждения и, наконец, зарождающихся диаспор»¹. Последователи второго, максимально широкого подхода, определяя диаспору как «этническую группу людей, живущих вне страны своего происхождения»², ведут к бесконечному расширению предметного поля и полной утрате определенности понятия: «из-за постмодернистской небрежности в терминологии, он имеет тенденцию охватить настолько широкий круг явлений, что возможна потеря не только еврейского, но и даже расширенного понимания того, что такое “диаспора”»³. Оба подхода фактически ведут к отказу от исследования современных этнокультурных общин, проживающих в иноэтническом окружении, в категориях диаспороведения.

Концепции диаспоры (так же, как и нации) классифицируются, исходя из методологических оснований, на примордиалистские и конструктивистские. В. А. Тишков, критикуя с конструктивистских позиций сторонников первого подхода, в качестве главного недостатка интерпретации феномена диаспоры называет эссенциалистскую реификацию диаспоры «как коллективных тел (“устойчивых совокупностей”!), причем не только как статистических множеств, но и как культурно гомогенных групп, чего при более чувствительном анализе установить почти не удастся. “Более того, – пишет Джеймс Клиффорд – автор одного из лучших очерков о теории диаспоры, – в разные времена своей истории в обществах диаспоризм может вспыхивать и затухать (wax and wane) в зависимости от меняющихся возможностей (установление и снятие пре-

¹ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 176.

² Краткая Российская Энциклопедия. М.: Большая Российская Энциклопедия, ОНИКС, 21 век, 2004. Т. 1.

³ Абрамян Л. Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // 21-й ВЕК. 2005. № 2. С. 137.

град, антагонизмы и связи) в принимающей стране и на транс-государственном уровне»¹.

Феноменологический подход представлен в работе Сандры Со Хи Чи Ким: «Диаспора должна быть понята как феномен, который возникает, когда перемещенные субъекты, переживающие утрату “истока” (в буквальном или символическом смысле слова), закрепляют идентификации, связанные с этими местами истока, в последующих поколениях посредством механизмов постпамяти, то есть памяти о не пережитом, унаследованной памяти, памяти-воображения»². «Дискурсивный подход к диаспоре» предлагают А. Климт и С. Любкеман. Для них диаспора является «особым способом воображать, изобретать, конструировать и презентировать себя»³.

Представляется, что конструктивистский, «феноменологический» и дискурсивный подходы не могут отменить примордиальную основу этнической (этнонациональной) идентичности. Можно говорить сколько угодно правильные слова о конструировании себя как диаспоры, о роли памяти (постпамяти), о конструировании идентичности и т.п., но все это останется словами, если не будет реального субъекта (субъекта-объекта) этих манипуляций. С другой стороны, верно и то, что не всякое этническое сообщество, и тем более разрозненные, дисперсно проживающие вне территории своего государства или исторического ареала «инородцы» осознают себя и действуют как диаспора.

Можно согласиться с тем, что предложенные исследователями дефиниции являются слишком узкими, а «жизнь современных диаспор гораздо сложнее и многограннее, чем тех, что стали базой для имеющихся теоретических построений»⁴. Кроме того, необхо-

¹ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.

² Kim Sandra So Hee Chi. Redefining Diaspora through a Phenomenology of Postmemory // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2007. № 3. P. 337. Цит. по: Третьяков В. Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) // Новое литературное обозрение. 2014. № 3. С. 49–61.

³ Цит. по: Третьяков В. Конец диаспор?

⁴ См.: Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 175. Автор, в свою очередь, ссылается на работы Х. Толочяна, У. Сафрана, Р. Коэна.

димо учесть, что стандартные определения диаспоры были «основаны на предположении об их преходящем характере и неизбежности исчезновения в ходе аккультурации и ассимиляции»¹. Но жизнь показывает излишний пессимизм при оценке судьбы диаспор. В противоположность этому Г. Шеффер утверждает, что «1) диаспоры и созданные ими трансграничные структуры будут существовать, даже если произойдет аккультурация и сообщество “гибридизируется”; 2) примордиальная основа идентичности сохранит свою значимость и, в итоге, 3) несмотря на неизбежность ассимиляции определенной части диаспоры, ее ядро преодолет все искушения, выдержит давление извне и сохранит лояльность родине и этнической группе».

В силу невозможности выработки единого определения понятия «диаспора» появляется желание классифицировать явления, обозначаемые соответствующим термином². Еще один возможный выход из ситуации видится в том, чтобы определить диаспору через перечень характерных признаков. Так, например, Р. Коэн предлагает следующий набор:

«(1) рассеяние по отношению к своей изначальной родине, часто насильственное; (2) в альтернативном варианте – экспансия за пределы родины в поисках работы, с торговыми целями или для удовлетворения более далеко идущих колониальных амбиций; (3) коллективная память и мифологизация утраченной родины; (4) идеализация воображаемого наследия отцов; (5) возвратное движение; (6) сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся долгое время; (7) беспокойные отношения с обществами-хозяевами; (8) чувство солидарности с этническими собратьями в других странах; (9) возможности выдающейся созидательной и обогащающей жизни в странах-хозяевах, проявляющих терпимость»³.

¹ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 175.

² Пример такой классификации см.: Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. С. 162–184.

³ Cohen R. Global Diasporas. London, 1997. P. 180. Цит. по: Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки и современность. 2000. Т. 3. С. 127.

Перечень из восьми пунктов предложил У. Сафран: «1) члены группы или их предки переместились из определенного исходного “центра” в один или более “периферийных”, или иностранных, регионов; 2) они сохранили коллективную память, представление или миф о своей первоначальной родине – о ее физическом местонахождении, истории и достижениях; 3) они уверены, что не стали, а возможно, и не могут стать полностью своими для “принимающего” общества, и поэтому чувствуют себя в некоторой степени отчужденными и изолированными; 4) они считают родину своих предков своей истинной, идеальной родиной, куда они или их потомки в конечном счете, возможно, вернутся (или должны вернуться), когда позволят условия; 5) они уверены, что должны коллективно поддерживать существование, безопасность и процветание своей первоначальной родины или способствовать ее восстановлению; 6) они продолжают относить себя к этой родине, персонально и/или через коллективные идентичности, и этим обстоятельством в существенной степени определяются их этнокоммунальное сознание и солидарность; 7) они хотят оставаться меньшинством, передавая последующим поколениям культурное (религиозное) наследие родины предков; 8) их культурная, религиозная и/или политическая связь с родиной существенным образом отражается в их общественных институтах»¹. Еще один набор признаков был предложен А. Ю. Милитаревым:

«Принадлежность к меньшинству населения.

Корпоративность.

Ограниченность сфер трудовой деятельности.

Ущемленность в правах.

Запрет или ограничение на изменение социального статуса, в первую очередь, на вхождение в высшие сословия, землевладение и военную карьеру.

Изолированность от других групп населения, выражающаяся в:

¹ *Safran W. Describing and Analyzing of Diaspora: An Attempt at Conceptual Cleansing, Paper presented at the conference «Diasporas: Transnational Traditions and the Politics of the Homeland». University of California at Berkeley. November 12–13, 1999. Цит. по: Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча // XXI век. 2005. № 2. С. 137.*

6.1) негативном отношении к апостазии – вынужденному или добровольному переходу в другую религию или конфессию;

6.2) запрете или ограничении на смешанные браки;

6.3) обитании на компактной замкнутой территории, в гетто.

Ассимиляционные тенденции, выражающиеся в:

7.1) апостазии, характеризующейся переходом почти исключительно в религию доминантного населения (титульной нации);

7.2) игнорировании запрета на смешанные браки, заключаемые почти исключительно с представителями доминантного населения;

7.3) стремлении вырваться из гетто, с территории проживания своей диаспорной группы;

7.4) интенсивном освоении языка и культуры доминантной группы;

7.5) активном проникновении в наиболее престижные сферы деятельности вне территории проживания и традиционного круга деятельности своей диаспорной группы.

8. Диаспорное сознание – сознание общности с родственными диаспорными группами, включающее в себя:

8.1) общность происхождения;

8.2) общность культурной истории;

8.3) общность первоначальной территории обитания (“прародины”);

8.4) общность языка до рассеяния;

8.5) восприятие рассеяния как изгнания;

8.6) восприятие рассеяния/изгнания как наказания свыше;

8.7) идею возвращения на историческую прародину;

8.8) восприятие себя как “чужаков” и “пришельцев” среди автохтонных групп¹.

Наборы признаков, конкретизирующих понятие «диаспоры» достаточно близки и расхождения кажутся не столько значительными, а расширение или сужение списка критериев (признаков) поз-

¹ См.: Милитарев А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24–33.

воляет включить (исключить) ту или иную этнокультурную (конфессиональную) группу в число диаспор¹.

При нынешнем состоянии вопроса об определении понятия «диаспора» логичным представляется использование набора предлагаемых признаков в качестве маркеров (критериев) при исследовании конкретных этнических общин. Это позволит, во-первых, подвергнуть объект исследования предметному (целенаправленному) анализу и оценить его на предмет «диаспорности», во-вторых, понять, насколько применимы те или иные признаки к конкретным ситуациям (объектам в их историческом развитии), в-третьих, сделать выводы, необходимые для возможного в дальнейшем конструирования определения понятия диаспоры.

¹ См. напр.: *Safran W.* Diaporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora*. 1991. Vol. 1. № 1. P. 83–84; Диаспоры в современных обществах // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 1991. № 1; *Милитарев А. Ю.* О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // *Диаспоры*. 2005. № 3. С. 8–17; *Cohen R.* Global Diasporas. London, 1997. P. 180; *Тишков В. А.* Диаспора как коллективная память и как предписание [Электронный ресурс] // Институт этнологии и антропологии РАН : [сайт]. URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n43_diaspor.html (дата обращения: 15.11.2022); *Butler K. D.* Defining Diaspora, Refining a Discourse // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2001. № 2. P. 192; *Шнирельман В. А.* Мифы диаспоры // *Диаспоры*. 1999. № 2–3. С. 6; *Авксентьев А. В., Авксентьев В. А.* Этнические группы и диаспоры Ставрополя (краткий справочник). Ставрополь: СГУ, 1997. С. 7; *Аствацатурова М. А.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (на материалах Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2003; *Брубейкер Р.* «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // *Диаспоры*. 2005. С. 44–71.

РАЗДЕЛ 2

Донская армянская община: историко-демографический очерк

От Нахичеванской армянской колонии (1799–1870 гг.) к старожильческой диаспоре (1870–1917 гг.)

Обзор истории армянской общины на Нижнем Дону дает значительный материал к дополнению и корректировке характеристики феномена диаспоры. В первую очередь речь может идти об обстоятельствах формирования будущей диаспоры. Как известно, формирование на Дону армянской общины Нового времени¹ относится к 1779 г. Она возникла в результате организованного царским правительством в 1778–1779 гг. переселения армян жителей городов и сел Крыма. Таким образом в судьбе данной этнокультурной группы армян переплелись два способа образования диаспоры – скрытый в веках вынужденный исход с территории исторической родины (Анийское царство) с последующим промежуточным итогом – оседанием на несколько веков в Крыму, и добровольное (организованное российскими властями) переселение из Крыма в низовья Дона. Классический вариант диаспоризации – исход из Ани дополнился новой версией – переселением «по приглашению». Поэтому классическая ар-

¹ Мы не рассматриваем разрозненные свидетельства о наличии армян на Нижнем Дону в древности и Средние века, в силу 1) недостаточности сведений и 2) полном отсутствии преемственности между более ранним пребыванием армян на Дону и Нахичеванской армянской колонией, сформировавшейся в конце XVIII в.

мянская диаспора Крымского ханства, донская армянская община приобрела дополнительный характер «диаспоры по приглашению».

В данном случае «диаспора по приглашению» не термин ради термина. Будучи приглашенным, армянское сообщество получило особый – привилегированный – статус в России. Типичная характеристика диаспоры преломляется в таком случае весьма своеобразно. Инаковость армянской общины по отношению к принимающему сообществу, ее определенная замкнутость на себе и т.п. не дополнялись ущемлением в правах и пр. (ср. с набором признаков А. Ю. Милитарева). Напротив, переселенцы из Крыма получили дополнительные возможности.

Права и привилегии («преимущества»), пожалованные 14 ноября 1779 г. русской императрицей, «торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена»¹ гарантировали самоуправление донских (крымских) армян, их автономию. Поэтому для обозначения Новой Нахичевани и армянских сел на Дону используют термин «колония». Единственная оговорка состоит в том, что традиционно (и в армянской историографии в том числе) колониями обычно называют поселения на территории государств, с которыми у материкового государства есть определенные договоры о статусе переселенцев. В случае с нахичеванской колонией такого договора не было, но был указ Екатерины II, положения которого подтверждались последующими императорами вплоть до «эпохи великих реформ». Исходя из этого факта мы должны признать, что армянская община (на первом этапе исторически более правомерным будет термин «колония»), если рассуждать в понятиях диаспороведения, может быть определена как «приглашенная» диаспора².

Построенные переселенцами город Новая Нахичевань и пять сел вокруг него образовали на землях, дарованных Екатериной II, само-

¹ *Сперанский М. М.* Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое // Типография II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии. 1830. Т. XX. № 14943.

² Тожественным в этом отношении является статус греческого населения, переселенного одновременно с армянами из Крыма. К числу таких приглашенных применительно к России можно отнести также немецкую диаспору (немецкие колонии).

достаточный организм, способный к расширенному воспроизводству как в демографическом, так и социально-экономическом и культурно-религиозном отношении. Успешное укоренение и эффективное освоение малонаселенного Донского края, автаркия армянской колонии и ее устойчивость, сохранение и воспроизводство традиционного уклада жизни, этнокультурных и религиозных характеристик крымских армян на Нижнем Дону были обеспечены рядом факторов. Помимо чисто экономических оснований (достаточное количество земли, выделенной правительством под хозяйственное освоение и строительство города и сел, государственная помощь, налоговые и иные льготы), следует отметить и факторы институционального характера. Крымские армяне, организованно переселенные на фактически пустующие земли Нижнего Дона, не были разрозненной массой. Они представляли собой сложившийся социокультурный организм с глубоко укоренившимися социальными, религиозными и хозяйственными институтами, который был «пересажен» на другую почву в достаточно короткие сроки. Важную роль сыграло не просто компактное совместное расселение с образованием единого округа в составе города и пяти сел с этнически однородным населением, но и самоуправление, дарованное грамотой Екатерины II «торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена»¹.

Система самоуправления была основана на жалованной грамоте Екатерины II от 14 ноября 1779 г. и армянских «правах и обыкновениях». К их числу относился Армянский судебник. Свидетельств о том, что у армян-переселенцев из Крыма были какие-либо писанные сборники обычаев и т.п., не имеется. Правовой основой жизни армянской колонии стали Армянский (Астраханский) су-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ-1). Т. 20. № 14942. Подтверждено Павлом I (ПСЗ-1. Т. 24. № 18811. 4 января 1798 г.). Право Нахичевани, как и других городов, имеющих особые права и привилегии, на иное «учреждение, сообразно коему сей город управляет быть должен», было вновь подтверждено 4 июля 1897 г. императором Павлом I. См.: ПСЗ-1. Т. 24. № 18033. Именной указ, объявленный генерал-прокурором. Об управлении города Нахичевана по примеру прочих городов, на особых правах состоящих. Видимо в последний раз права и привилегии были подтверждены Александром I в 1802 г. См.: *Келле-Шагинов И. М.* Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. С. 239, 251.

дебник, привезенный из Астрахани в Нахичевань архиепископом Иосифом Аргутинским-Долгоруким (Овсепом Аргутяном) из Астрахани¹, «Союз единения»², «Правило нерасторжимое и условие вечное»³, «Каноны духовного суда»⁴, Устав сиротского суда⁵, «Инструкция смотрителям армянских селений ведомства Нахичеванского армянского магистрата»⁶.

¹ Армянский Судебник был написан на армянском языке в Астрахани во второй половине XVIII в. Составителями Судебника были Саркис Иоаннов, Григор Сафар Кампаниан, Егиазар Григорьян, о чем они и извещали в Предисловии к созданному им собранию. См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 660. Оп. 1. Д. 477. Л. 11. Судебник стал действующим кодексом не только в Астрахани, но и в Нахичевани-на-Дону, Моздоке и Кизляре).

² «Союз единения» («Дашнадрутюн миабанутян»). Этот документ, принятый 26 мая 1795 г., своего рода устав города и округа, закрепивший систему органов самоуправления Нахичеванской армянской колонии и порядок их деятельности на последующие десятилетия.

³ Традиционные нормы повседневной жизни, систематизированные и утвержденные нахичеванским обществом в тридцати девяти статьях. Тридцать девять статей этого сборника под угрозой суровых штрафов и других наказаний требовали «сохранить только тот образ жизни, быт, привычки, одежду, что они с собой принесли из Крыма». *Шахазиз Е.* Исторические зарисовки. Тифлис, 1903. С. 23 (на арм. яз.).

⁴ «Канонь» были составлены архиепископом Иосифом Аргутинским в 1781 году к учреждению духовного суда в Нахичеване. «Каноны духовного суда» прекратили свое действие после того, как 11 марта 1836 г. были утверждены и 10 апреля «распубликовань» «Положения о управлении делами Армяно-Григорианской церкви в России». См.: 11 марта 1836 г. Высочайше утвержденное положение о управлении делами Армяно-Григорианской Церкви в России, распубликованное 10 апреля // ПСЗ-II. Т. 11. № 8970.

⁵ Локальный нормативный акт, принятый нахичеванским обществом на сходе в 1812 г. Задачей Сиротского суда было установление опеки над малолетними сиротами и вдовами, управление наследным имуществом до достижения сиротами совершеннолетия. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405 Оп. 42. Д. 6812. Л. 122–137.

⁶ Инструкция определяла статус смотрителей – их подчинение Нахичеванскому магистрату, характер их службы – совместно с сельскими старостами они составляют сельскую полицию, и подробно расписывала их права и обязанности. Точное время составления инструкции неизвестно, ясно только, что она была появилась на свет после 14 апреля 1822 г., поскольку в самой инструкции есть отсылка на изданный в этот день высочайший указ. См.: Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 790. Оп. 1. Д. 47. Л. 68–76.

В числе органов общественного самоуправления в Нахичевани мы видим – собрание армянского общества, магистрат, суд девяти, шестигласную думу, совет 24 (позже, на некоторое время, – 36) попечителей, городского голову, сиротский суд, армянский духовный суд, купеческую, мещанскую, ремесленную и сельские управы. Особое место в управлении Нахичеванской армянской колонией занимала армянская церковь в лице архиепископа Иосифа Аргутинского-Долгорукого. И хотя его власть как духовного предводителя российских армян формально ограничивалась лишь духовной сферой жизни нахичеванцев, на практике авторитет пастыря и его влияние распространялись намного шире, охватывая все принципиальные вопросы организации самоуправления Нахичеванской колонии. Однако после его смерти влияние духовенства на дела в Нахичевани не просто уменьшилось, Духовный суд Нахичевани оказался полностью подчинен магистрату.

Самоуправление было построено по этническому принципу – армянским обществом переселенцев из Крыма на основании жалованной грамоты Екатерины Великой от 14 ноября 1779 г. Вплоть до шестидесятых годов XIX в. в ведении нахичеванского самоуправления находились все вопросы, относящиеся не только к хозяйственной жизни Армянского округа, но и функции административные, полицейские и даже судебные (за исключением уголовных дел, а также коммерческих споров).

К середине XIX в. население Нахичевани-на-Дону и армянских сел со множеством хуторов представляло собой гомогенную в этническом отношении массу. Нахичеванские армяне сохраняли традиционный (утвердившиеся за несколько веков пребывания в Крыму) уклад жизни и соответствующий менталитет, нахичеванский диалект армянского языка (с субдиалектами), приверженность Армянской апостольской церкви, паломничество к святым местам в Армении, связь с исторической родиной (в том числе участие в освободительной войне), а также с другими армянскими общинами мира (самые известные эпизоды связаны с так называемым индийским наследством)¹. Закрытость колонии обеспечивала за каждым из его граждан ряд преимуществ (владение землей, освобождение от нало-

¹ Патканян Р. История Новой Нахичевани. Нахичевань н/Д., 1917. С. 56–57.

гов и воинской повинности и пр.). Она же была средством защиты этнокультурной самобытности нахичеванских армян.

Современные исследователи насчитали всего 13 695 армян (из них 191 человек ранее проживал в Тамани)¹, переселившихся из Крымского ханства в Азовскую губернию. Автор весьма содержательных мемуаров нахичеванский купец и общественный деятель И. М. Келле-Шагинов указывал, что по первой поименной переписи в 1779 г. насчитывалось четырнадцать тысяч душ армян всех возрастов – 7155 лиц мужского пола и 6845 – женского пола². Благодаря исходной значительной численности переселенцев колония на протяжении многих десятилетий развивалась за счет внутренних резервов и даже ограничивала приток иногородних. В течение первых десяти лет – до 1787 г. армянская колония теряла население, низшая отметка численности – 10 112 чел. Сокращение произошло вследствие естественной убыли (высокой смертности и низкой рождаемости) из-за тягот обустройства в тяжелых и непривычных условиях, а также в связи с самовольным возвращением переселенцев обратно в Крым³.

В период с 1784 г. и по 1793 г. включительно численность армян Нахичеванской колонии держалась на средней отметке в 10 364 чел. В 1796 г. по результатам пятой ревизии в Нахичевани было насчитано 1797 дворов, 8487 жителей (мужского пола – 4338 и женского – 4149). В пяти армянских селениях было учтено 372 двора и 2020 селян (1065 мужского и 955 женского пола). Все население округа в городе и селениях составило 10 507 человек⁴.

¹ Аваков П. А. «О селениях... армянских, вышедших из Крыма, Вашей светлости донести я должен» // Исторический архив. 2018. № 6. С. 170.

² Келле-Шагинов И. М. Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. С. 244.

³ Араджиони М. А. Формирование армянских общин в Восточном Крыму (конец XVIII – первая половина XIX веков) // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. С. 81; См. также переписку 1790–1791 гг. о брожении среди армянских поселян, желающих вернуться в Крым. – Национальный архив Армении. Ф. 139. Ново-Нахичеванский армянский магистрат (1780–1918 гг.). Оп. 1. Ф. 329. Д. 240.

⁴ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 1. Ростовский на Дону уезд и Таганрогское градоначальство. Сост. Статистическим отделением Екатеринославской губернской земской управы. Екатеринослав: Печатано в губернской типографии, 1884. С. 58.

В 1807 г. согласно «Статистическому описанию торгового города Нахичевани», подготовленному по поручению таганрогского градоначальника барона Балтазара Кампенгаузена, в Нахичевани проживало 8876 человек (4427 мужчин и 4449 женщин). Большинство из них составляли мещане – 7614 чел. (3818 муж., 3796 жен.) и купцы – 790 чел. (муж. 375, жен 415). Любопытно, что продолжался, хоть и очень незначительный, приток «вновь вышедших из заграницы армян» – 106 чел. (69 муж. и 37 жен.)¹.

По подсчетам А. А. Скальковского, население Нахичевани на 1822–1823 гг. составляло 10 362 жителей обоего пола, а сел – 8973² (для сравнения – в Таганроге в это же время – 8088 жителей, Ростове – 4925)³. Близкие цифры приведены и в «Отечественных записках» за 1824 год: жителей Нахичевани – 9501 чел., пяти армянских сел – 3089⁴. На 1828 год численность нахичеванцев, по данным В.Б. Бархударяна, вновь находится на уровне девяти тысяч (8997 чел.)⁵.

При этом Нахичеванский армянский округ (г. Нахичевань-на-Дону и пять окрестных сел) примерно до 1840-х годов оставался этнически однородным. По сведениям, представленным Нахиче-

¹ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ). Ф. 68. № 232. Л. 5; См. также: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444.

² Численность поселян, приводимая А. А. Скальковским, представляется весьма завышенной – она никак не соотносится с данными по последующим годам.

³ *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. II. С 1796 по 1823. Одесса, 1838. С. 320.

⁴ Отечественные записки. 1824. Ч. 23. № 64. С. 283.

⁵ *Бархударян В. Б.* История армянской колонии Новая Нахичеван. 1779–1917. Ереван: Айастан, 1996. С. 96. Явным диссонансом выглядят цифры, приведенные у Н. А. Мурзакевича: В Нахичевани «церквей новопостроенных две, лавок каменных черепицею крытых 180, заводов 9, сафьяновых 4, красивый бумажных вещей 1, шелковых турецкой фабрики 2, и мастеровых домов 2, купеческих и мещанских домов каменных 337, мазанок 23, деревянных 1688, купцов, мещан и цеховых 1040». См.: *Мурзакевич Н. А.* Описание городов и уездов Азовской губернии [Электронный ресурс] // Записки Одесского общества истории и древностей: [сайт]. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1780-1800/Opis_gorodov_Azov_gub/text.htm (дата обращения: 09.01.2022). Можно предположить, что в издание вкралась опечатка, и речь должна идти о 10 тысячах, а не одной тысяче жителей.

ванским магистратом в ответ на запрос таганрогского градоначальника по состоянию на октябрь 1840 г. в Нахичевани насчитывалось всего жителей – 11 821 (5811 муж. и 5010 жен.). Из них духовенство 58 чел., купцов 1-й гильдии – 3, 2-й гильдии 5, 3-й гильдии 561, мещан 9607 чел. Церквей в городе было 6 каменных, домов каменных – 353, деревянных – 1865, 1 светское учебное заведение, 32 фабрики и завода, в которых работали 194 чел., лавок – 385 и 5 питейных заведений. Городские доходы составили, судя по отчету, всего 2594 руб. 28 коп. серебром¹.

Весь конец XVIII и, как минимум, первую треть XIX в. колония росла почти исключительно за счет своего расширенного воспроизводства. Более того, сама нахичеванская община выступала своего рода донором, направляя своих членов в другие города Северного Кавказа и других регионов России для развития торгово-промышленной деятельности².

Заметную долю в приросте населения составлял пришлый неармянский рабочий люд. По данным офицеров Генерального штаба, в 1850 г. общая численность армян в Нахичеванском округе составляла 17,4 тыс. чел., из них в Нахичевани проживал 11 591 чел.³ А в 1853–1857 гг. численность жителей Нахичевани выросла с 13,6 тыс. до 14,5 тыс. чел. При этом три тысячи из них (21 %) были пришлыми, из которых 2,8 тыс. – государственные или помещичьи крестьяне⁴. По подсчетам В. Б. Бархударяна, к концу 1850-х годов русские составляли 15–17 % населения Нахичевани и округа⁵. Екатеринославский губернский статистический комитет

¹ Государственный архив Ростовской области (далее ГАРО). Ф. 579. Оп. 1. Д. 85. Л. 4–6.

² См. напр.: *Казаров С. С.* Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). Ростов-на-Дону: ООО «Ковчег», 2012.

³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 4. Екатеринославская губерния. СПб.: В тип. департамента Генерального штаба, 1850. С. 20, 163.

⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб.: Тип. департамента генерального штаба, 1862. С. 12, 126, 341.

⁵ *Бархударян В. Б.* История армянской колонии Новая Нахичеван. 1779–1917. Ереван: Айастан, 1996. С. 94.

за 1861 год насчитал в Нахичевани 15 464 жителя обоого пола, выделив в их числе около двух тысяч представителей разных сословий, которых можно отнести также к неармянскому населению¹.

К 1864 г. речь идет 9387 армяно-григорианах и уже о 2,5 тыс. православных в Нахичевани (26 % от 11,9 тыс. горожан) и 1,2 тыс. в сельском округе². Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 г. показывает 2914 православных жителей и 13 444 армяно-григориан³. В 1875 г. население Нахичевани составляло 16 258 человек⁴. Согласно отчету атамана Войска Донского, в 1888 г. за счет прибавления к ОВД Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда число армян в области увеличилось на 25 895 душ⁵. Это, соответственно, почти полностью жители Нахичевани и армянских сел (и пока еще небольшая часть жителей Ростова, Таганрога и др.). К концу XIX в. общая численность жителей Нахичевани выросла до 28 тыс. человек.

Таким образом, на протяжении всего периода полуавтономного существования г. Нахичевань достаточно устойчиво сохраняла этническую однородность. Но уже с середины XIX в. отчетливо видна тенденция к ее размыванию за счет русского населения. В связи с бурным развитием экономики в пореформенные десятилетия XIX в. наблюдался активный приток в Нахичевань переселенцев из Малороссии и великорусских губерний. Этнодемографическая ситуация постепенно менялась, но сведения о численном соотношении русского и армянского населения города в конце XIX в. противоречивы.

¹ Экономическое состояние городских поселений Евр. России в 1861–62 гг. Ч. 1. СПб., 1863. С. 37.

² Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав, 1864. С. 189, 73.

³ Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. Екатеринослав, 1867. Часть 1 и 2. С. 188–189.

⁴ Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1875 г. Екатеринослав, 1875. С. 20.

⁵ Областной Войска Донского наказной атаман. Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1888 г. Ч. 2: Часть гражданская. Новочеркасск, 1889. 90 с.

По данным всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной 28 января (9 февраля) 1897 г., на территории Области Войска Донского проживало 27 118 чел. исповедующих армяно-григорианскую веру. Абсолютное большинство из них – 25 554 чел. – проживало в Ростовском округе. Уровень урбанизации с 79 % в 1793 г. уменьшился к рубежу XX в. до 56 % (Нахичевань – 8,3 тыс. чел., Ростов – 2,2 тыс. чел.). В прочих городах число армян было небольшим – 648 чел. в Новочеркасске, Таганроге – 410 чел. Сельское армянское население Области Войска Донского в целом составляло 15 755 чел.¹ Почти все они были зарегистрированы в Ростовском округе. География сельского присутствия почти не расширялась на протяжении XIX и в начале 1900-х годов².

Согласно переписи 1897 г., в Нахичевани-на-Дону численность наличного населения составляла 28 427 душ обоего пола (постоянного населения – 28 256 душ). При этом абсолютно преобладало русское население – 19 224 чел., или 68 % (носителей великоросского языка – 16 085, малорусского – 2486, белорусского – 633 чел.). Армянский язык назвали родным лишь 8277 чел. (29 %). Однако данные текущего учета, приводимые погодно в отчете войскового наказного атамана Войска Донского, дают противоположное соотношение. В 1899 г. войсковые власти насчитали в Нахичевани 30 883 жителя. Родилось 1359, умерло 1014 чел., естественный прирост составил 345 чел. Причислено иногородних к крестьянскому сословию 66, прибыло на жительство посторонних лиц 3457 чел. Общая прибыль 4882. Исключено из мещан и крестьянских сословий 79 чел., выбыло из города посторонних лиц 4023, общая убыль 5116. Православных в Нахичевани проживало 9748 чел., армяно-григориан 20 212, исповедующих другие религии 772³. Пропорция между русским и армянским населением Нахичевани-

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Область Войска Донского. СПб., 1905. С. 78–79, 82–83.

² *Суций С. Я.* Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов/Д.: Изд-во Копи-центр, 2015. С. 87.

³ Областной Войска Донского наказной атаман. Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1899 г. Ч. 2: Часть гражданская. Новочеркасск, 1900. С. 10.

на-Дону, как видим, прямо противоположная – примерно две трети составляют армяне и одну треть – русские и представители других народов.

Эти данные и выводы подтверждаются, с некоторыми отклонениями, и сведениями из специального исследования «Города России». По его результатам в Нахичевани армяне составляли в 1904 г. 63,8 % населения, русские 33,1 %, турко-татары 0,4 %, поляки 0,4 %, евреи 2 %, немцы 0,2 %, прочие 0,1 %. Доля армянского населения составляет не 68 %, как это следует из данных наказного атамана, а 63,8 %. Доля русского (православного) населения 33,1 %.

Впрочем, уже в следующие годы доля армянского населения, по данным наказного атамана, уменьшается. Происходит это не за счет уменьшения численности армяно-григориан, а за счет увеличения числа русских в общей массе населения. И только по состоянию на 1910 г. по итогам аналогичного исследования «Города России» в 1910 г. соотношение между русским и армянским населением Нахичевани резко меняется. Численность православных выросла до 23 544 чел. (54 %), а армяно-григориан уменьшилась до 18 411 (42 %)¹. По сведениям статистического сборника, в Ростове-на-Дону на 1914 г. проживало 10 244 последователя армяно-григорианской церкви (5 % от общего числа в 204 тыс. 875 горожан)².

В конце XIX – начале XX вв. снижается и уровень территориального единства донских армян. Еще в 1859 г. армян (армяно-григориан) в Ростове было всего 194 чел.³, в Азове – 17, Таганроге 19⁴. Это означало, что армянская община на то время была доста-

¹ Города России 1910 г. СПб., 1914. С. 252. Население Нахичевани по вероисповеданию распределялось следующим образом: православных – 23 544, армян – 18 411, магометан – 615, иудеев – 328, римско-католиков – 298, протестантов – 190, прочих – 36 чел.

² Статистический сборник по г. Ростову-на-Дону. 1914. Ч. 1: № 1–6. Январь-июнь 1914 г. / [Ростов. н/Дону гор. стат. бюро]. Ростов н/Д., 1915. С. 33.

³ А. А. Скальковский писал об отсутствии армян в Ростове в 1846 г. и о всего 112 армянах, постоянно проживающих в Ростове в 1863 г. См.: *Скальковский А. А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна, 1749–1863 гг.* Екатеринослав, 1865–1866. 2, II. С. 41.

⁴ Памятная книжка для Екатеринославской губернии на 1860 г. Екатеринослав: В типографии губернского правления, 1860. С. 16–21.

точно консолидированной¹. Но этногеографическая ситуация менялась довольно быстро, особенно в XX в. Применительно к 1888 г. указывается уже 1680², а к 1910 г. – 8 тыс. армян, постоянно живущих в Ростове³. Статистический сборник по Ростову-на-Дону показывает на 1914 г. уже 10 244 армянина среди его жителей⁴. Экономический фактор (возможность более успешного ведения торгово-предпринимательской деятельности) перевешивает идею компактного проживания в рамках одной территориальной общности, характерную для диаспорного образа жизни. Тем более что Нахичевань и Ростов фактически уже стали одним городом.

Волна беженцев из Турецкой Армении в годы Первой мировой войны и Геноцида 1915 г. не привела к существенному изменению этнодемографической ситуации в Нахичевани. Еще до апреля 1915 г. в Нахичевани-на-Дону было зарегистрировано 1208 беженцев. Их разрешили переселять исключительно в армянские селения Ростовского округа⁵. Они могли составить заметную долю от старожильческого армянского населения в селах, куда расселялись по просьбе Армянского комитета. Однако в отличие от армян, переселившихся из Крыма, беженцы начала XX века не представляли собой сложившийся социальный организм, «пересаженный» на новую почву. Эта многочисленная, но разрозненная масса была включена в очень хорошо сложившееся структурированное сообщество соплеменников. В этом одна из причин того, что иммиграционное пополнение, связанное с Геноцидом 1915 г., не образовало какой-либо сплоченной группы, и по крайней мере, частично смешалось с донскими армянами. Исклю-

¹ Это, впрочем, не препятствовало «освоению» нахичеванским купечеством других регионов Юга России.

² *Смирнов С. Д.* К вопросу о населении, рождаемости и смертности г. Ростова-на-Дону: из Санитарного Бюро Ростовской-на-Дону Городской Управы. Ростов-на-Дону: Электротпечатня М. И. Турцевич, 1905. С. 7–8.

³ *Бархударян В. Б.* История армянской колонии Новая Нахичеван. 1779–1917. Ереван: Айастан, 1996. С. 94.

⁴ Статистический сборник по г. Ростову на Дону. 1-я часть. № 1-6. Январь-Июль 1914. Ростов-на-Дону, 1915. С. 33.

⁵ *Мирзоян С. С.* О деятельности общественных организаций Ростова-на-Дону и Ново-Нахичевани по оказанию помощи беженцам (1915–1916 гг.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 143.

чение составило армянское население х. Шаумяновск, образованного в 1920-е годы беженцами из Западной Армении¹.

1860–1870-е годы стали переломными в истории колонии. Она полностью теряет уже и так урезанную автономию. Нахичевань-на-Дону из центра колонии превращается в обыкновенный заштатный российский (хоть и населенный армянами) город, целиком встроженный в общероссийскую систему городского общественного самоуправления.

Превращение Нахичевани в заштатный город означало упразднение также Нахичеванского армянского округа и включение армянских сел в Ростовский уезд Екатеринославской губернии, а с 1887 г. – Ростовский округ Области Войска Донского. В 1875 г. завершился перевод потомков переселенцев из Крыма «в общий состав сельских обывателей». Их причислили к разряду поселян-собственников и подчинили ведению общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений. Общественное управление в селениях решено было устроить на основаниях «Общего положения о крестьянах» 19 февраля 1861 года, все делопроизводство вести на русском языке. Еще более чувствительным для поселян стало подчинение их общим правилам при отбывании общей воинской, а равно воинской квартирной повинностей².

В это же время более отчетливо проявляются аккультурационные процессы: среди нахичеванцев растет интерес к образованию и изучению европейских языков, меняются, приобретая европейский характер, ранее патриархальные быт и нравы, одежда нахичеванских армян. Как отмечали современники, «жизнь нахичеванских армян окончательно разбила вековое предубеждение относительно их замкнутости и невежества. Обычаи и нравы в общественной и домашней жизни почти приняли характер европейский»³.

¹ Другие армянские хутора, образованные в это же время – «Микоян» и «Арарат», не сохранились. См.: *Акопян В. З.* Донской Шаумян. К истории западноармянских поселений на Дону // Нахичевань-на-Дону: история и современность (К 240-летию переселения армян на Дон): материалы международной научной конференции, г. Ростов-на-Дону, 18–19 октября 2019 г. С. 18–35.

² ПСЗ-II. Т. 50. № 54506.

³ Донско-азовский календарь на 1887 год. Ростов-на-Дону, 1886. С. 123–126.

С утратой статуса колонии с дарованной внутренней автономией, всех прав и привилегий (за исключением земельной собственности), армянская община Дона (население бывшего Нахичеванского армянского округа) уже во второй половине XIX – начале XX в. фактически превращается в диаспору. Тем не менее вплоть до Февральской революции 1917 г. армянское меньшинство Нахичевани сохраняло безусловное преобладание в управлении городом, занимая практически все места в городской думе и управе¹. (Исключение составляла полицейская власть, к управлению которой нахичеванские армяне после 1866 г. не допускались.) Вкупе со значительными экономическими возможностями нахичеванцев и пониманием городской верхушкой своей социальной миссии это позволило беспроблемно реализовать городскую политику с учетом национально-культурного своеобразия и превратить армянскую диаспору в один из центров армянской культуры. Доминирование обеспечивалось не просто численным большинством армянского населения Нахичевани-на-Дону вплоть до начала 1910-х годов², но и господством армянской по своему составу финансово-экономической элиты города³. Этот мощный и разнообразный со-

¹ Батиев Л. В. «Нахичеванская армянская община» – первая форма национально-культурной автономии на Дону в 1918–1919 гг. // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 163–164.

² Батиев Л. В. Численность и этнический состав населения Нахичевани-на-Дону: перепись 1897 vs данных полицейского учета // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы IV Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2021. С. 86–94.

³ Избирательное право было в этом отношении союзником городской армянской элиты. Избирательная система по Городовому положению 1870 г. была основана на имущественном цензе (владение недвижимостью, осуществление торговой или производственной деятельности в городе, которые облагаются соответствующими налогами или сборами в пользу города) и организована в соответствии с прусской трехкуриатной системой. Городовое положение 1892 г. ужесточило имущественный ценз и уменьшило число горожан, имеющих право выбирать и быть избранным. Так, на выборах гласных Нахичеванской-на-Дону городской думы на четырехлетие 1893–1897 гг., прошедших 5 марта 1893 г., максимальное число избирателей составило 210 чел. См.: Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы. 1893. № 10. С. 3.

циальный капитал позволял общине устойчиво сохранять свои доминирующие позиции в городской жизни вплоть до 1917 г., хотя с течением времени общая конкуренция со стороны неармянского населения Нахичевани возрастала. «Этнический переворот» произошел благодаря кардинальной демократизации избирательного права Временным правительством: из 64 гласных нахичеванской Думы, избранных на период 1917–1920 гг., лишь 14 были этническими армянами¹.

Потеря этнического большинства в Нахичевани (армянские села оставались этнически гомогенными) и управленческих рычагов в городе по итогам выборов 1917 г. «дополнялась» ассимиляцией (обрусением) нахичеванцев. К концу XIX в. «покрой одежды, вывезенный нахичеванцами из Крыма, в городе совсем вывелся, уступив место европейской моде»; в селах он сменяется формой одежды и обуви соседних русских крестьян. «Нахичеванский разговорный язык... в городе близок к исчезновению, так как молодое поколение уже не говорит по-армянски, а в устах старого поколения ... превратился в грубый уличный жаргон... в нем многие обороты и даже целые предложения выражаются на русском языке». И даже на селе «в самобытности языка уже начала образовываться брешь»². Это подвигло армянскую интеллигенцию и представителей торгово-промышленной и финансовой верхушки к созданию в 1918 г. первой национально-культурной автономии армян Нахи-

Даже несмотря на грубое вмешательство Ростовского градоначальника И. Н. Зворыкина, своей властью внесшего в избирательные списки дополнительно 213 русских избирателей (25 % от прежнего списка) на выборах в городскую думу на 1913–1917 гг., абсолютное большинство получили гласные из армян (45 мест из 60). См.: *Батиев Л. В.* Нахичеванская на Дону армянская община как первая форма национально-культурной автономии на Дону // *Новое прошлое.* 2020. № 4. С. 160–177.

¹ *Сидоров В.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 5. Ростов-на-Дону: Гефест, 1999. 430 с.

² *Шахазиз Е.* Нахичеван и нахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2005. С. 151, 162; *Келле-Шагинов И. М.* Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. С. 271.

чевани-на-Дону и Ростова¹ (в котором, как уже отмечалось выше, на 1914 г. проживало более десяти тысяч армян).

Армянские сельские поселения со второй половины XIX в., выйдя из административного подчинения Нахичевани-на-Дону, превратились в старожильческие территориальные сообщества со все еще однородным армянским населением, устойчиво воспроизводящим свою этнокультурную специфику. Любопытно, что при создании «Нахичеванской армянской общины» в 1918 г. в нее были включены только армяне города Нахичевани и Ростова, армянские села оказались вне этой организации.

Армянская община Дона в советский и постсоветский периоды

Советский период характеризовался превращением армянской городской общины в дисперсное этническое меньшинство и сохранением компактного армянского большинства в традиционных армянских селах. Перепись 1920 г. насчитала в Донской области² 41,7 тыс. армян. В 1926 г. перепись в пяти округах, составивших позднее Ростовскую область, зафиксировала 46,5 тыс. армян. Общее число жителей Ростова и Нахичевани составило 308,1 тыс. чел., из которых армян – 17,6 тыс. чел (5,7 %). В сравнении с дореволюционным периодом произошла убыль армянского населения двух городов. Уже в 1914 г. в Ростове и Нахичевани суммарно проживало как минимум 32 тыс. чел. Убыль к 1926 г. почти двукратная!

Армянское сельское население в 1926 г. составило 25,5 тыс. человек. В Мясниковском районе проживали 24 159 армян. Итого традиционный ареал донских армян (горожан и селян) насчитывал 41,8 тыс. жителей. К переписи 1939 г. размеры армянской общины Ростовской области увеличились до 49,4 тыс. человек. Из них в Нижнем Подонье было сосредоточено более 45 тыс. армян

¹ См.: *Батиев Л. В.* «Нахичеванская армянская община» – первая форма национально-культурной автономии на Дону в 1918–1919 гг. // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 160–177.

² Таганрогский округ не вошел тогда в состав Донской области.

области (91,4 %). Процесс ускоренной урбанизации страны затронул и донские армянские села – число поселян сократилось до 20,3 тыс. человек, а армян-горожан выросло до 29 тыс. Армяне сохранили традиционный ареал в городе – в 1939 г. до 60 % проживало в Пролетарском и Первомайском районах Ростова (бывшей Нахичевани и смежной территории).

В новых социально-политических реалиях в 1926 г. произошло восстановление армянского самоуправления, но только для «старых» армянских сел – был образован Армянский национальный район, как отвечающий «непосредственному желанию самого армянского населения Донского округа в соответствии с условиями быта и языка этого населения»¹ с центром первоначально в г. Нахичевани². В 1926 г. был образован Мясниковский национальный район, административным центром которого стала Нахичевань. После присоединения Нахичевани-на-Дону в 1928 г. к Ростову райцентр переместился в село Крым, а с 12 сентября 1929 года – в село Чалтырь (в 1939 г. армяне составляли в нем 82 % жителей – 7,64 тыс. человек). Появление своего национального района создавало условия для сохранения родного языка, национальной культуры и коллективной памяти. Еще более значимым фактором этнокультурной жизни сельских армян Дона оставался близкий к моноэтническому состав их поселений, старожильческий в своем абсолютном большинстве.

Главной задачей национальных районов в СССР являлось вовлечение национальных групп в социалистическое строительство, поднятие их политического, экономического и культурного уровня, сохранение и развитие национального языка и культуры. В это время на Нижнем Дону активно издавались армянские газеты – «Ленини джампов» («Ленинским путем», 1925–1931 гг.); «Мурчмангах» («Серп и молот», 1931–1937 гг.); «Грох» («Штурм», 1937 г.); «Большевик»; открылись техникум для подготовки учителей армянских школ Северо-Кавказского края, Армянский дом и Нацио-

¹ История Мясниковского района [Электронный ресурс] // Межпоселенческая центральная библиотека Мясниковского района: [сайт]. URL: // http://www.chaltlib.ru/articles/history/Date_osnov (дата обращения: 17.11.2022).

² Молот. 1926. 12 мая.

нальный дом культуры и искусств, объединявшие этнические общины, армянский клуб «Мурч-Мангах» («Серп и Молот»); ростовское радио по субботам, с 18.30 до 19.30, вещало на армянском языке, при библиотеке открылся отдел армянской литературы¹. В армянских школах Мясниковского района преподавание велось на армянском языке. Районная газета «Коммунар» (издавалась с конца 1920-х годов) печатала материалы и на армянском языке². Как результат – к концу 1930-х годов 95 % сельских жителей называли родным именно армянский язык, тогда как среди горожан этот показатель достигал 70.

Отход от политики «коренизации» в середине 1930-х гг.³ привел к отказу от статуса «национального», хотя Мясниковский район существует и сегодня (короткий перерыв в его истории связан с нахождением его в 1963–1965 гг. в составе Неклиновского района). Наличие административно-территориального образования, населенного преимущественно армянами, – важный фактор сохранения армянской идентичности, даже несмотря на общегосударственную политику построения единой общности – советского народа.

Потери военного времени привели к тому, что в 1959 г. армянское население Ростовской области составляло те же 59 тыс. человек, продолжился процесс урбанизации (28 980 чел., или 64,9 %) и сокращение сельского населения (17 312 чел., уменьшение на 15 %). В дальнейшем рост численности армянского населения области был небольшим 8,7 % (с 49,3 до 53,6 тыс. чел. в 1970 г.). Еще меньше был прирост к 1879 г. – 6,1 % и 56,9 тыс. человек. Большой прирост (10 %) в последнее десятилетие советской власти объясня-

¹ См.: *Малхасян А. Г.* Печатное слово донских армян // Нор-Нахичеван. 2009. № 21.

² *Тер-Саркисянц А. Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 313.

³ О завершении этого процесса было заявлено в декабре 1933 г. на III Всероссийском совещании уполномоченных по делам национальностей. См.: *Сивков С. М., Иванцов И. Г.* Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917–1930-х гг. // *Oriental Studies*. 2013. № 6(3). С. 96–101. К началу 1940 г. все общественные национальные институты оказались под негласным запретом.

ется нарастающим потоком иммигрантов из республик бывшего СССР. В итоге, прежде всего, за счет механического прироста армянская община Ростовской области составила 62,6 тыс. человек.

С начала 1950-х годов в школах были введены параллельные классы – с преподаванием на русском или на армянском языках, по выбору родителей. Начиная с 1956–1957 гг. все школы перешли на обучение только на русском языке, армянский был совсем исключен из школьной программы. С 1965 г. в школах района было введено изучение армянского языка как отдельного предмета начиная со второго по девятый классы трижды, а в 10–11 классах – дважды в неделю¹.

Последние годы СССР и постсоветский период оказались самыми «урожайными» для армянской иммиграции. Произошло почти двукратное увеличение численности армян в Ростовской области – от 62,6 тыс. чел. в 1989 г. до 110 тыс., по данным переписи 2002 г.² В Ростове-на-Дону армянская община выросла на 13 тыс. – до 44 тыс. человек. Безусловно, максимальную роль в этом сыграл механический прирост за счет иммиграции, поскольку естественный прирост у старожильческого армянского населения уже начале 1990-х сократился практически до нуля, а к их концу ушел в минус.

Большая часть иммигрантов конца 1980-х – начала 1990-х годов – жители Азербайджана и Нагорно-Карабахской автономной области³. К ним прибавляются иммигранты из Грузии, где в сравнении с 1989 г. численность армян уже к 2014 г. сократилась на

¹ Подробнее см.: *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. С. 313–314.

² Распределение населения Ростовской области по национальности. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Стат. сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2005. С. 9–19. Экспертные оценки определяют численность армян процентов на 20 % выше.

³ По подсчетам Г. А. Погосьяна, Азербайджан вынуждены были оставить почти 369 тыс. армян, из них 264,3 тыс. остались в Армении, а остальные затем переехали в Россию, Европу и США. *Погосян Г. А.* Армянское общество в трансформации. Ереван: Лусабац, 2003. С. 311; Армяне. М.: Наука, 2012. С. 521. По последней Всесоюзной переписи 1989 года в Азербайджанской ССР число армян составило 390 505 человек. По сравнению с переписью 1979 г. (475 486 чел.) оно успело сократиться на 85 000 человек.

269 тыс., т.е. более чем на 60 %¹. Если из Азербайджана поток мигрантов был залповым и вскоре прекратился, то из самой Армении поток, начавшись со страшного Спитакского землетрясения, хоть и уменьшился, но не иссяк окончательно. То же самое можно сказать и о Грузии, где уменьшение армянского населения за период с 2002 по 2014 г. составило 80,8 тыс. чел. Изначально более половины мигрантов едут туда, где обосновались родственники, друзья и знакомые. Ростов и Ростовская область остаются поэтому одним из традиционных центров притяжения для иммигрантов (еще более притягательными оказались Ставропольский и Краснодарский края). После резкого роста армянского населения региона к 2002 г. приток в Ростовскую область практически остановился – официальные цифры переписи 2010 г. дают увеличение всего на 0,7 тыс. чел.² Однако на деле только по оперативным данным ФМС в период с 2002 по 2010 г. ростовская диаспора за счет мигрантов увеличилась на 6 тыс. человек³. Тем не менее количественный фактор развития армянской общины, по всей видимости, если не исчерпал себя, то, по крайней мере, потерял свою значимость⁴.

В настоящее время основной ареал армянского населения составляют Ростов-на-Дону и Мясниковский район Ростовской области, освоенные армянами – крымскими переселенцами уже в конце XVIII в. (78,3 % армянского населения области в 1989 г., 59,6 % в 2002 г., и всего 57,5 % в 2010 г.). Около 60 тыс. армян по-прежнему живут в пределах бывшего Нахичеванского армянского округа и Ростова-на-Дону. Но в целом благодаря активному имми-

¹ Итоги переписи населения: За 12 лет число армян в Грузии сократилось на 32 % [Электронный ресурс] // news.am: [сайт]. URL: <https://news.am/rus/news/325167.html> (дата обращения: 17.11.2022).

² Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Ростовской области. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1: Статистический сборник / Ростовстат. Ростов н/Д., 2013. С. 4–20.

³ *Суций С. Я.* Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов н/Д.: Изд-во Копи-центр, 2015. С. 102.

⁴ Демография на 1 июля 2016 года; Оценка численности постоянного населения на 1 января 2016 года и в среднем за 2015 год (опубликовано 09.03.2016) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 17.11.2022).

грационному притоку последних десятилетий ареал армянской общины значительно расширился¹, охватывая не только ближайшие к областному центру города (Аксай – 16 км, Батайск – 12 км, Новочеркасск – 37 км, Азов – 38 км), но и более отдаленные города (Таганрог – 75 км, Новошахтинск – 75, Гуково – 110 км, Каменск-Шахтинский – 142 км, Волгодонск – 189 км).

Ниже, на основе монографии С. Я. Суцего приводится таблица с указанием численности армян в ряде старых и новых центров расселения армян в Ростовской области.

Численность армян в населенных пунктах Ростовской области по данным переписи 2010 г.²

Поселение	Число армян
г. Ростов-на-Дону* ³	41 282
с. Чалтырь*	11 183
г. Шахты	4266
с. Крым*	4143
г. Таганрог	3036
с. Большие Салы*	2784
г. Батайск	2664
г. Новочеркасск	2544
х. Шаумяновск***	1622
х. Ленинаван**	1242
г. Аксай	1195
г. Волгодонск	1024
г. Азов	944
г. Красный Крым**	877
г. Новошахтинск	858
г. Каменск-Шахтинский	825
г. Сальск	762
г. Гуково	660
ст. Кагальницкая	608
г. Красный Сулин	526

¹ См.: Суцкий С. Я. Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов н/Д.: Изд-во Копи-центр, 2015. С. 98–107.

² Там же. С. 260–261.

³ Отмеченные * пункты основаны переселенцами из Крыма в 1779 г. (город Нахичевань стал частью Ростова-на-Дону в конце 1928 г.), ** – хутора, основанные их потомками в 1920-х годах, *** – основан в это же время беженцами от геноцида.

Окончание таблицы

Поселение	Число армян
х. Ленинакан**	437
п. Матвеев-Курган	436
ст. Егорлыкская	435
п. Каменоломни	419
г. Морозовск	416
с. Султан-Салы*	410
г. Белая Калитва	395
с. Кулешовка	390
с. Несветай*	187

В 2010 г. наибольший удельный вес армян был в хуторе Шаумяновском Егорлыкского района – 86,5 %, в старожильческих армянских селах в с. Крым – 83,9 %, с. Чалтырь – 73,4 %, в Больших Салах – 79,9 %, Султан-Салы – 60,3 %, Несветай – 36,9 %. В хуторах Красный Крым – 82,7 %, Ленинакан – 72,6 %, Ленинаван – 72 %.

Армянская община Ростовской области сегодня достаточно разнородна, как по времени переселения на Дон, так и по стране (региону) исхода и его причинам, по особенностям языка (диалекта), степени владения армянским литературным языком (как правило, восточноармянским вариантом), грамотности, употреблению армянского языка в быту, бытовой культуры и самосознания. Она представляет собой сочетание диаспорных групп нескольких типов, от первичной колонии, сформированной «приглашенной» диаспорой, до жертв Геноцида 1915 г., переселенцев советского периода, жителей Азербайджана, бежавших от погромов и резни в конце советской власти, и экономических мигрантов 1990–2010-х годов.

В коллективном исследовании, проведенном исследователями ЮФУ в 2011 г., предлагается выделить пять групп: 1) армяне из Армении; 2) «бакинские» армяне, к которым прибавляются армяне из Нагорного Карабаха, а также из Грузии и других кавказских республик; 3) среднеазиатские; 4) русские (имеется в виду старожильческое армянское население, прежде всего донские (крым-

ские) армяне; 5) трудовые мигранты¹. С. Я. Суций предлагает выделить четыре группы: 1) старожильческую группу; 2) постсоветских иммигрантов; 3) иммигрантов из Армении; 4) трудовых мигрантов². На наш взгляд, по этнокультурным основаниям достаточно выделения трех основных групп: донские (крымские) армяне (старожильческая община), иммигранты из Армении, «(за)кавказские» армяне (переселенцы из Азербайджана и Грузии), к которым можно прибавить и относительно небольшое число переселенцев из Средней Азии (зачастую это те же «кавказские» армяне). Термин «бакинские» армяне, так же, как и термин «ереванские», не совсем корректен, поскольку не охватывает множество переселенцев из других городов и сел. А обозначение «кавказские» армяне имеет определенную историю употребления в литературе и самими переселенцами. Трудовые мигранты сегодня большей частью те же жители Армении (доля граждан Грузии уже не так велика)³.

В старожильческом армянском населении, помимо донских (крымских) армян, можно обнаружить представителей названных групп, но только в совершенно другой пропорции – с абсолютным преобладанием донских (крымских) армян. Мигранты советского периода слишком немногочисленны. Они, как правило, достаточно

¹ Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / отв. редактор Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 17–21. Проведенные ранее исследования армянской диаспоры в других регионах дали сходные результаты. В Саратовской области К. Мокин выделяет кроме трех названных «среднеазиатских армян» и трудовых мигрантов. Автор также отмечает, что «для диаспоры важным является не проблема выбора альтернативного направления в формировании идентичности и самоопределения, а проблема синтеза выбранных культурных ориентиров и создания особого типа диаспорной идентичности». Мокин К. Диаспоры: Диаспорная идентичность в динамике: конвергенция и энтропия (изучая армян Саратовской области) // Диаспоры. 2006. № 4. С. 163.

² Суций С. Я. Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов н/Д.: Изд-во Копи-центр, 2015. С. 71.

³ Следует также учитывать, что поселившиеся в России трудовые мигранты (иммигранты) включаются в соответствующую стране исхода группу. А сезонные рабочие – это уже отдельная категория и отдельный предмет для исследования.

укоренены в ростовское общество, а по этнокультурным характеристикам примыкают ко второй или третьей группам.

Избираемая новыми группами армянской общины экономическая стратегия может отличаться от сложившегося образа жизни старожильского армянского населения – иммигранты более активны (не без авантюризма, что, впрочем, характерно и для других подобных сообществ).

Важный момент в характеристике диаспоры – самосознание этнокультурной группы, ее отношение к национальному армянскому государству, к стране исхода и к России. В этом отношении названные группы также обладают определенными особенностями. Донские (крымские) армяне прошли долгий путь от колонии к сильной самодостаточной диаспоре, от диаспоры к «национальному району» в РСФСР. Утратив юридический статус национального района, армяне сохранили фактически район (с небольшим временным перерывом в 1962–1965 гг.) с преобладающим в целом армянским населением и достаточно однородными в этническом отношении селами. Соответственно сохранилось и преобладание армянского элемента в управлении районом и селами. Армянская идентичность донских (крымских) армян не подлежит сомнению. В то же время за более чем двухвековой период проживания в России у них сложилась и устойчивая российская идентичность. По результатам небольшого анкетного опроса, проведенного А. Е. Тер-Саркисянц в 1994–1997 гг. в Краснодарском (110 мужчин и 118 женщин) и Ставропольском (56 мужчин и 56 женщин) краях, а также Ростовской области (74 мужчины и 84 женщины), своей родиной назвали Россию 68,1 % донских армян, 30,6 % ответили, что у них две Родины – Армения и Россия¹.

Чувствовать себя диаспорой – значит, несмотря на благожелательное отношение к своей новой родине, видеть свою чужеродность. Донские (крымские) армяне не хотят считать себя на донской земле чужими, и для это у них есть основания. Они такая же органическая часть южнороссийского общества, как и другие этносы.

¹ Тер-Саркисянц А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 344, 352.

Видимо в этом одна из причин таких результатов опроса. В то же время среди иммигрантов новой волны ответы на вопросы анкеты существенно отличаются от приведенных выше. При этом донские (крымские) армяне никак не отказываются от своего «армянства», армянского языка (по данным переписи 1989 г. 69 % армян выбрали в качестве родного языка армянский), культуры и т.п., хотя и готовы считать себя отдельной специфической группой. Как верно отмечал А. Г. Вишневский, «для людей, оказавшихся в рассеянии, возможно не только коллективное сознание пребывания на чужой земле, которая противопоставляется утраченной собственной родине, но и альтернативное ему коллективное сознание обретения новой родины, когда рассеяние не ведет к “диаспоризации”»¹. Кроме этого, у донских (крымских) армян сохраняется в памяти и другая, более близкая по времени, чем Армения, родина – Крым.

Фактор отчуждения, который считают одним из характерных для диаспоры, в отношении донских (крымских) армян не срабатывает. Напротив, для старой диаспоры кроме долгой истории компактного проживания в регионе и местного самоуправления, характерна глубокая укорененность, полная интеграция во все структуры общества. Этот фактор более применим к мигрантам новой волны. Активная интеграция в принимающее сообщество в целом считается одной из характерных черт армянской диаспоры. Однако новая волна переселенцев не может еще похвастаться такой интеграцией (чего не скажешь уже об их детях, которые родились или закончили школы в России). Для нее более важной остается фактор исторической родины, земляческих связей. Для армян из Армении этот фактор дополняется как минимум наличием родственных, дружеских и т.п. связей с остающимися в Армении. Экономические мигранты (выходцы, прежде всего из Армении) не подпадают под классическое определение диаспоры по причине исхода, но они оставили свою родину – национальное государство и в большей степени обладают этнонациональным самосознанием и тягой к Армении. Они и их дети знают не только разговорный, но и литературный армянский язык,

¹ Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // *Общественные науки и современность*. 2000. Т. 3. С. 115–130.

письменность, историю страны, вероятность их возвращения на Родину гораздо больше, чем у других групп армян. Эта характеристика удачно накладывается на одну особенность современных диаспорных процессов, о которой пишет В. А. Шнирельман: «Отличительная черта нашего времени ... заключается в нарастающем взаимном тяготении между диаспорой и метрополией»¹.

В худшем положении в этом смысле оказываются беженцы и вынужденные переселенцы из Азербайджана, у которых разрушены традиционные связи и которые испытывают двойственное отношение к стране исхода. У тех из них, кто не смог в силу разных причин социально-экономического характера и проблем с интеграцией в армянское сообщество Армении, образ исторической Родины (Армении) может быть менее притягательным. Во всяком случае, идея возвращения в Армению не обязательно присутствует в наборе их диаспорных характеристик. (То же самое относительно идеи возвращения в Армению можно сказать и о донских (крымских) армянах.) Они же в массе своей хуже знают армянский язык (литературный язык и письменность) и поэтому в большей степени могут быть подвержены ассимиляции. С другой стороны, «кавказские армяне» лучше знают русский язык (обучение в республиках Закавказья чаще велось на русском языке), поэтому легче адаптировались к новой среде. В свою очередь такие особенности «кавказских армян» в большей степени могут действовать в направлении ускоренной ассимиляции.

Приток мигрантов не просто существенно активизировал всю этнокультурную и конфессиональную жизнь общины (диаспоры). В этот процесс вовлекаются все активнее и другие группы. Можно убедиться в том, что жизнь диаспоры развивается не по прямой, периоды затухания сменяются периодами роста этнического самосознания. Около шестидесяти тысяч переселенцев новой волны — это не только пополнение диаспоры, это фактически могло бы стать основой для переформатирования общины. Но такое реконструирование остается скорее теоретической абстракцией в силу исторических и геодемографических особенностей армянской общины Ростовской области. Прежде всего наличием компактно

¹ Шнирельман В. А. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2–3. С. 31.

проживающего в селах, автаркичного (самодостаточного) в этнокультурном отношении старожильческого армянского населения.

Видимым результатом миграционного пополнения стало, как уже отмечалось, расширение ареала армянской общины в Ростовской области, увеличение ее численности в старых центрах, усиление неоднородности армянского населения¹, активизация этнокультурной жизни, формирование новых и развитие уже существовавших национально-культурных организаций.

Выразителями идеи диаспорного существования, организационно-правовыми формами ее реализации стали национально-культурные объединения², действующие на основании первоначально закона СССР от 09.10.90 № 1708-І «Об общественных объединениях», нового закона, уже РФ, «Об общественных объединениях» 1995 г., а позднее российского Федерального закона «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 № 74-ФЗ³.

Первая армянская национально-культурная организация на Дону (Армянское культурно-просветительское общество «Нор-Нахичеван») была создана в ноябре 1988 г. (с 1997 г. – «Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община») представителями донской армянской интеллигенции. Цели и задачи организации состояли в сохранении и развитии языка и культуры нахичеванских ар-

¹ Увеличение неоднородности – общая характеристика армянской диаспоры в России. См.: Армяне. М.: Наука, 2012. С. 524.

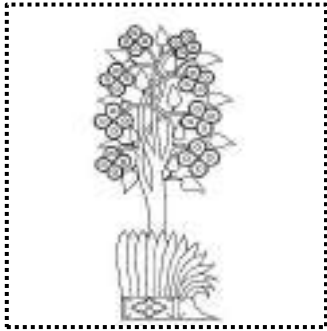
² Федеральный закон «О национально-культурной автономии», ст. 1: «Национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее – национально-культурная автономия) – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов. (В редакции федеральных законов от 10.11.2003 № 136-ФЗ; от 04.11.2014 № 336-ФЗ).

³ Далеко не полный список национально-культурных объединений России на 2014 г. составляет 142 стр. Список национально-культурных объединений России. Сборник методических материалов. Вып. № 10. М., 2014. 142 с.

мян, Ее создателем и руководителем стал представитель творческой интеллигенции. Позднее к руководству пришли представители бизнеса (что достаточно характерно не только для Ростовской области)¹. Сегодня в руководстве НКО представлены армяне разных волн иммиграции. Увеличение армянского населения и общий подъем национального самосознания среди народов России обеспечили и рост числа национально-культурных организаций. В Ростовской области этот процесс активнее проявился в последние десятилетия, когда помимо созданных ранее в Ростове-на-Дону организаций были зарегистрированы общественные организации в Каменск-Шахтинске (сентябрь 2009 г.), Новочеркасске (2010 г.), Таганроге (2010 г.), Ростове-на-Дону (2010 г.), Азове (2011 г.), Сальске (2012 г.), молодежная общественная организация в Ростове-на-Дону (2012 г.), Песчанокопском и Константиновском районах (2012, 2014 гг.), Белой Калитве (2015 г.). Из организаций земляческого типа области можно назвать «Гюмрийское землячество» (Армения), благотворительный фонд «Мартакерт» (Нагорный Карабах), «Джавахское землячество» (Грузия). Все эти организации, как можно убедиться уже из их географии, созданы не представителями старой диаспоры (старожильческого армянского населения), а иммигрантами новой волны.

Организации диаспорального типа (национально-культурные и др. общества) не характерны для старожильческого сельского армянского населения уже в силу их традиционного на протяжении более двухсот лет компактного проживания в селах с моноэтническим или преобладающим армянским населением и, что еще важнее, наличия де-факто этнических административно-территориальных органов (действующих, естественно, в рамках российского правового поля) и возможности решать свои проблемы через эти структуры. Не случайно первое национально-культурное образование возникло в Ростове-на-Дону, а все последующие – не в Мясниковском районе, а в местах расселения армян новой волны.

¹ См.: *Тавадьян Т.* Армянские национальные «очаги» в Краснодарском крае степень организованности и перспективы [Электронный ресурс] // Фонд «НОРАВАНК»: [сайт]. URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/290_ru.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

РАЗДЕЛ 3

Самоидентификация армян Дона и взаимоотношения с исторической родиной

Проживание в течение нескольких столетий вне исторической родины актуализирует вопрос самоидентификации представителей армянской общины на Дону, которая существенно пополнилась выходцами из других регионов постсоветского пространства и из Армении с начала 90-х гг. XX в. Ощущение принадлежности или связи с той или иной общностью принято называть идентичностью. Она бывает разных видов, но одна из наиболее значимых идентичностей – это этническая идентичность, означающая связь со своей этнической общностью, культурой и языком. «Этническая идентичность представляет собой результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов. Это не только осознание, но и восприятие, понимание, оценивание своей принадлежности к этнической общности»¹. Т. Г. Стефаненко предлагает рассматривать этническую идентичность не только как осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, но и

¹ Стефаненко Т. Г. Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие // Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. А. Тишкова, П. М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 367–399.

как переживание отношения Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Относительно недавно в науке появился оппозиционалистский подход (*oppositional approach*) к трактовке этничности, представители которого считают, что «этничность не является постоянной. Она возрастает и ослабевает в ответ на внешние условия»¹ и «развивается в результате конфронтации с другими и благодаря желанию отделиться от других, которым по каким-либо причинам приписывается иная этническая идентичность»².

Специфика и особенности диаспоры базируются, прежде всего, на этнокультурной самобытности, когда отрыв от исторической родины компенсируется этнической ревностью, стремлением самосохраниться, транслируя национальную культуру, содействуя ее развитию и недопущению ассимиляции. Для представителей армянской диаспоры большое значение имеют этническая солидарность, поддержка соотечественников и формирование позитивного образа представителей этноса. Коллективная этнокультурная идентичность является основой существования диаспоры, включенной в интернациональный культурный процесс.

Необходимо уточнить, что многие исследователи отмечают факт множественной идентичности членов диаспоры. Диаспора предполагает смесь из различных культурных, социальных, политических, экономических и других сфер, характерных одновременно как для страны проживания, так и для страны происхождения. Для диаспоры важным является не проблема выбора альтернативного направления в формировании идентичности и самоопределения, а проблема синтеза выбранных культурных ориентиров и создания особого типа диаспорной идентичности.

Диаспорная идентичность, как отмечает М. А. Аствацатурова, является более динамичной, ситуативной и масштабной по срав-

¹ *Van den Berghe P. L.* The Ethnic Phenomenon. New York, Oxford: Elsevier, 1981. P. 251.

² *Glazer N., Moynihan D.* Introduction. In: Glazer N., Moynihan D. (eds.) *Ethnicity. Theory and experience.* Cambridge, Mass.: Harvard university Press, 1975. P. 145.

нению с идентичностью коренных (автохтонных) меньшинств¹. По ее мнению, переселенческое этническое меньшинство способно в большей степени варьировать этнокультурные характеристики, чем материнский этнос.

Армян за пределами Армении проживает вдвое больше, чем в самой стране, и, приобретая двойную или даже мультиидентичность, человек неизбежно трансформирует прежнюю, исконную идентичность². В целом, «чувство общности, национальной идентичности со своим народом характерно практически для подавляющего большинства армян, живущих на Земле, и не зависит от глубины адаптации их к инациональной среде и степени сохранения ими традиционной этнической культуры вплоть до такого важного ее элемента, как язык»³.

Одним из видов групповой социальной идентичности выступает диаспорная идентичность, являющаяся следствием процесса идентификации, при котором выделяются маркеры, формирующие социальные ориентации и самопонимание членов этнокультурной группы.

Маркеры самоидентификации армян Дона были исследованы в трех крупных социологических исследованиях 2011, 2018 и 2020 гг., проведенных в Ростовской области.

Отличительной особенностью исследования 2018 г. выступает то, что анализ армянского населения Дона был реализован в двух форматах: одна, более узкая, выборка включала членов армянских культурных центров/обществ ряда городов области (ядро общины, этноактивисты) и вторая – более массовая, «рядовых» представителей областного армянского населения. Такое распределение позволило уточнить динамические тренды, характерные как для

¹ Аствацатурова М. А. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели // Диаспора. 2003. № 2. С. 185.

² Армяне Юга России: опыт социологического исследования: коллективная монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону; Москва: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 4.

³ Армяне. Народы и культуры / отв. ред. Л. М. Варданян, Г. С. Саркисян, А. Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии НАН РА. М.: Наука, 2012. С. 578.

ядерной зоны общины, так и для ее условной периферии. В исследованиях 2011 и 2021 гг. такого деления выборки не проводилось.

В системе идентичностей донских армян преобладает *семейная идентичность*, которая значительно превосходит все другие идентичности. Так, в исследовании 2011 г. в системе ранжирования я-идентичностей, семейная идентичность («Сын/дочь, брат/сестра, отец/мать») определена во главе социальных статусов респондентов: 37,8 % опрошенных армян указали, что «самое важное» и 11,0 % – «менее важное», при чем для жителей села семейная идентичность более выражена относительно городских жителей: 42,5 % и 33,3 % соответственно. Это полностью совпадает с результатами ответов на вопрос «*Какие события за последний год стали для Вас наиболее значимыми?*»: вариант ответа «события в семье или у родственников» лидирует в иерархии событий, с большим отрывом опережая ответы «политические события в стране и Ростовской области» и «экономические изменения: условия для бизнеса, занятости»: 73,2 %, 45,1 % и 35,4 % соответственно.

На втором месте в иерархии я-идентичностей *гендерная* («Мужчина/женщина»): 15,9 % – «самое важное» и 23,2 % «менее важное», затем общероссийская гражданская идентичность («Россиянин, гражданин России») – 19,5 и 14,6 % соответственно, и этническая идентичность («Армянин») – 6,1 и 11,0 % соответственно¹.

Биосоциальным идентичностям по значимости уступают собственно социальные. Важно отметить, что гражданская идентичность из 9 позиций занимает 3-е место – 19,5 % самая важная и 14,6 % важная. Парадоксально только то, что в сельской местности гражданская идентичность заняла 2-е место (20 и 15 %)².

В контексте широко обсуждаемой проблемы формирования «российской нации» большинство армян Дона считает, что она не может возникнуть в условиях Российской Федерации – 37,8 %, а в селе 47,5 %, или для этого потребуются десятилетия – 20,7 %. В то

¹ Армянские диаспоры юга России: социологический портрет и проблемы идентичности / Ю. Г. Волков, Г. В. Мирзоян, В. В. Черноус, А. В. Сериков, Ф. А. Барков, А. Р. Нагапетян, Д. О. Садко. Ростов-на-Дону: Южнороссийский филиал Института социологии РАН, 2011. 81 с.

² Там же. С. 32.

же время менее 30 % полагают, что граждане РФ составляют российскую нацию. Более того, 78 % армян (из них 90,5 % в городах) готовы, при условии сохранения армянской идентичности, назвать свою национальность – россиянин. Следовательно, донские армяне в политико-правовом, гражданском смысле интегрированы на уровне самоощущения в российское общество. Что касается региональной (ростовской, южнороссийской идентичности), то она актуализирована в меньшей степени как инвариант российской и требует более целенаправленного конструирования¹.

Этническая идентичность рассматривается армянами как часть сложной полиэтнической российской идентичности.

Материалы исследования 2011 г. можно использовать для содержательного дополнения результатов социологического опроса 2018 г., а также для выявления основных трендов в динамике областной армянской общины за последние 15–25 лет.

В исследовании 2018 г. иерархия самоидентичностей армянского населения области основывается на ответах респондентов на два вопроса анкеты («Кем Вы предпочитаете себя считать, прежде всего?» и «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?»), которые должны рассматриваться в связке, позволяя дополнить, а при необходимости определенным образом откорректировать полученные результаты (рис. 3.1).

Среди представителей ядерной группы (выборка-1) в первом из предложенных вопросов почти половина респондентов выбрала ответ, акцентирующий национальное происхождение (представитель своего народа). Чуть более трети опрошенных в первую очередь считает себя гражданином России, еще 12,2 % – гражданином мира. Локальная территориальная идентичность набрала минимальную долю ответов (4,1 %).

Существенно иным было распределение ответов у респондентов, представляющих основную группу местного армянского населения (выборка-2). Больше половины опрошенных (53,8 %) ответили, что, прежде всего, предпочитают считать себя «гражданином

¹ Армянские диаспоры юга России: социологический портрет и проблемы идентичности. С. 32.

России». Вторую и третью позицию поделили набравшие очень близкий процент (15,6–16,6 %) «национальный» и «локально-территориальный» варианты ответа («Представитель своей национальности», «Житель своего города/села»).

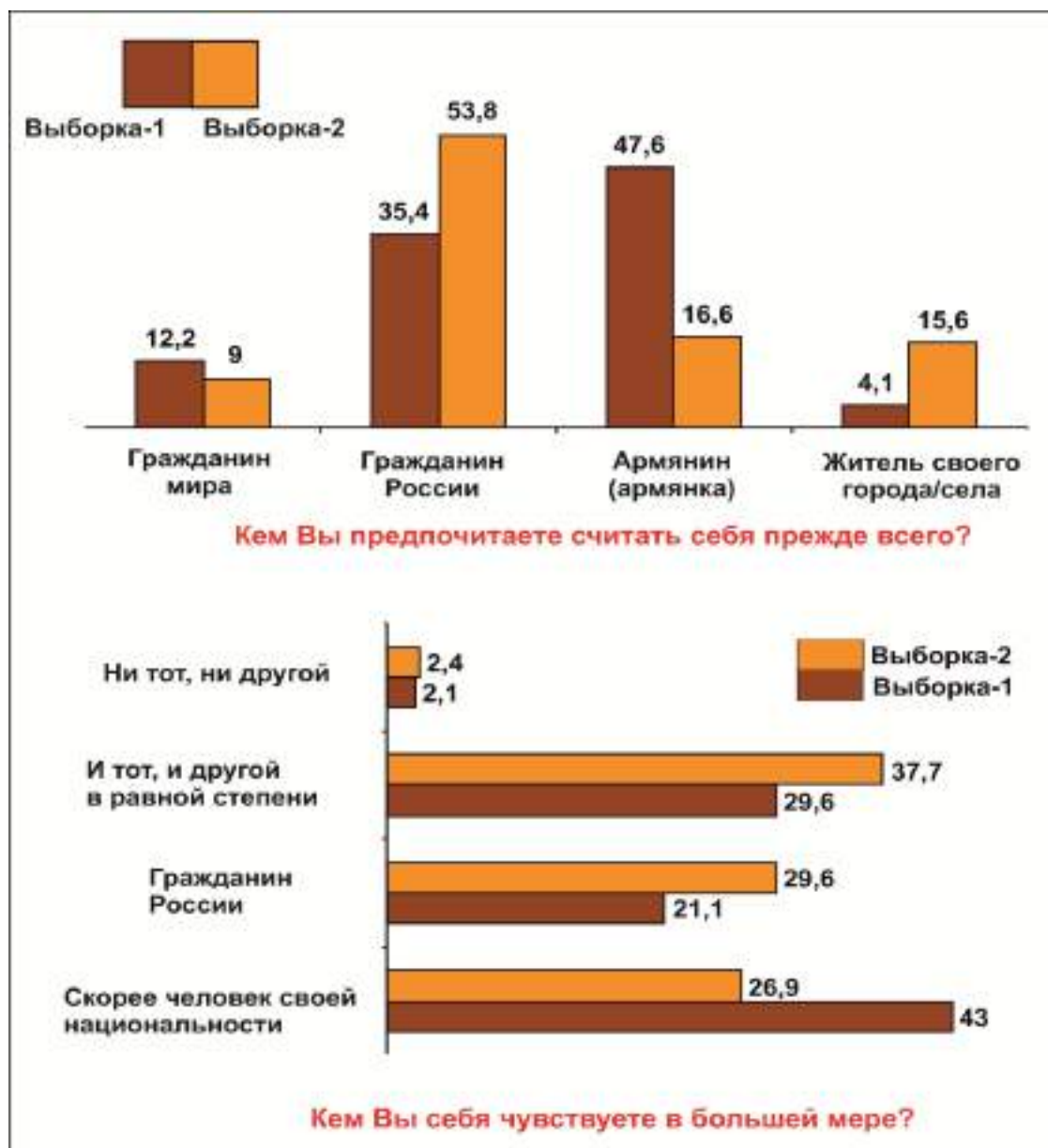

Рисунок 3.1. Соотношение основных идентичностей респондентов, 2018 г., в %

Таким образом, если для этноактивистов ведущей идентичностью оставалась национальная принадлежность, то у основной массы армянского населения таковой являлась уже принадлеж-

ность к российской гражданской нации. В этом отношении более чем 3-кратное (по числу ответов) превосходство российской идентификации над национальной у основной группы представителей областной армянской общины выглядит как очевидное исключение из общего правила. Конечно, повторимся, имело серьезное значение то, что основная часть респондентов выборки-2 являлись местными уроженцами (а на деле, старожилами Дона, региональный стаж семей которых может насчитывать 10 и более поколений).

Ощутимое доминирование у них российской самоидентификации, таким образом, представляется вполне закономерным. Однако второй из указанных вопросов: «*Кем Вы себя чувствуете в большей мере?*», непосредственно сориентированный на сравнение значимости данных двух самоидентификаций у представителей армянской общины, не подтвердил данного предположения. Его результаты существенно разошлись с ответами на первый вопрос.

Скорее россиянином среди респондентов в выборке-2 чувствуют себя 29,6 % (121 чел.), скорее армянином – 26,9 % (110 чел.). Немного больше оказалось тех, кто ощущает себя в равной степени и тем, и другим – 37,7 % (154 чел.). Таким образом, просматривается количественная сопоставимость, удельная равнозначность данных двух идентичностей, в полной мере соответствующая ситуации у остальных этнических общин области.

При этом респонденты, представляющие группу этноактивистов (выборка-1), в ответе на данный вопрос подтвердили свою приоритетную приверженность национальной идентичности. Скорее представителем своей национальности считало себя в два раза больше опрошенных, чем гражданином России.

В целом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что община донских армян несмотря на продолжительность российского периода своего развития продолжает поддерживать достаточно высокий уровень национальной идентичности. Хотя он может существенно различаться у старожилов диаспоры и у мигрантов последней волны, оказавшихся в регионе уже в постсоветский период.

В ходе опроса донских армян в 2021 г. респондентам задавали вопрос «*Что из следующих фраз лучше всего описывает то, кем Вы себя воспринимаете?*». Подавляющее большинство опрошенных армян демонстрируют свою этническую (армянскую) идентичность – 82 % и только один из десяти респондентов демонстрирует двойную, но, прежде всего, армянскую идентичность: 9,5 % – «армянин(ка)-русский(ая)». Отметим, что осознание своей армянской идентичности нарастает по возрастным группам, а по гендерному распределению демонстрируется равенство у мужчин и женщин (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Распределение ответов на вопрос «Что из следующих фраз лучше всего описывает то, кем Вы себя воспринимаете?», 2021 г., в %

	Всего, чел.	Возраст				Пол	
		16-24	25-34	35-54	55+	Муж.	Жен.
	969	203	247	353	173	438	539
Армянин(ка)	82,0	71,2	81,9	84,2	83,8	81,6	81,8
Русский(ая)	1,2	1,8	0,5	1,7	1,1	0,8	1,7
Армянин(ка)- русский(ая)	9,5	17,8	11,7	7,2	7,2	9,2	10,6
Русский(ая)- армянин(ка)	2,5	3,7	2,1	2,2	2,6	2,9	1,9
Русский(ая) армянского происхождения	1,2	0,0	1,1	1,1	2,3	1,2	1,3
Наполовину или частично армянин(ка)	2,6	2,5	2,7	2,8	2,3	2,9	1,9
Армянин(ка) по выбору	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Другое	0,9	3,1	0,0	0,8	0,8	1,4	0,6
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Из таблицы видно, что в молодежной среде сохраняется определение своей идентичности в соответствии со своей этнической группой, но более выражена армянская идентичность в старших возрастных группах: 35–54 лет – 84,2 % и старше 55 лет – 83,8 %.

Интересны распределения ответов респондентов на вопросы о своей родине. Так, по итогам опроса 2018 г. варианты ответов на данный вопрос «Что для Вас является родиной?» существенно разошлись у респондентов двух выборок. Значительная часть (58 %) представителей ядерной группы (выборка-1) назвала родиной Армению. И только для 22,5 % опрошенных родиной являлась Россия, для 11 % родной страной остается Советский Союз (табл. 3.2). Данное соотношение вариантов ответа очевидным образом вытекало из геодемографических особенностей респондентов выборки-1, в своем большинстве являвшихся уроженцами Южного Кавказа, переехавшими на Дон уже в постсоветский период.

Таблица 3.2. Распределение ответов на вопрос «Что для Вас является родиной?», 2018 г., в %

	Выборка-1	Выборка-2	Разница между выборками (1-2 = 3)
Россия	22,4	57,5	-35,1
Армения	58,0	15,3	+32,7
СССР	11,2	17,5	-6,3
Другое	4,2	3,8	+0,4
Затрудняюсь ответить	4,2	5,9	-1,7
ИТОГО	100	100	

Несмотря на высокую степень социально-экономической и социокультурной адаптации к новому месту своей жизнедеятельности (подтверждаемую их ответами на другие вопросы анкеты), они по-прежнему психоментально прочно привязаны к «земле», на которой родились, где прошло их детство, а возможно, и большая часть жизни. К тому же данная связь не ограничивается воспоминаниями. Как уже отмечалось, более 80 % респондентов выборки-1 регулярно посещают Армению (более половины делают это ежегодно). Что может означать и сценарий жизни «на два дома», характерный для части опрошенных.

Существенно иными были варианты ответов респондентов выборки-2, из которых 57,5 % считают своей родиной Россию и только 15,3 % – Армению. Еще 17,5 % в качестве своей родины назвали Советский Союз, 2 % – Грузию. Таким образом, Армения и Россия, по сути, поменялись местами в сравнении с выборкой-1. Более то-

го, Армения уступила не только Россию, но и СССР. Причем можно предположить, что и самая значительная часть респондентов, ностальгически связывающих себя с бывшим Советским Союзом, своей актуальной родиной должна считать именно Россию как основную правопреемницу Советского Союза, сохранившую основные черты его исторической и социокультурной традиции.

В исследовании 2021 г. задавали вопрос несколько иначе. У армян Дона спрашивали: «Что из перечисленного ниже Вы считаете своей родиной?», и варианты ответа учитывали преимущественно фактологический событийный критерий, а не географическую локализацию родины. Множественный выбор вариантов ответа распределил ответы следующим образом. Родина – это: «страна, где я родился(ась)/выросл(а)» – 74,1 %; «страна, где я сейчас живу» – 40,4 %; «место рождения моих предков» – 23,3 %, а 19 % опрошенных донских армян указали, что их родиной является Республика Армения и Арцах. Равнодушных к этому вопросу отмечено незначительное количество, только 1,1 % респондентов ответили, что «идея родины не важна для меня» (рис. 3.2).

Рисунок 3.2. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного ниже Вы считаете своей родиной?», 2021 г., множественный выбор, в %

Старшее поколение 55+ относительно других возрастных когорт чаще считают родиной место рождения своих предков и страну, где они сейчас проживают. А вот к варианту ответа «Республика Армения или Арцах» наблюдается нисходящая с возрастом тенденция утвердительных ответов: от 24,8 % для возрастной группы 16–24 года до 14,4 % в возрастной группе 55+.

В вариантах на вопрос о родине присутствует гендерная асимметрия (табл. 3.4). Так, мужчины чаще, чем женщины, ассоциируют свою родину с Республикой Армения или Арцахом (22,0 % мужчин против 15,3 % женщин), а вариант ответа «со страной, где живут мои близкие (семья) и мои друзья» женщины выбирают чаще, чем мужчины (14,0 % и 9,0 % соответственно).

Таблица 3.4. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного ниже Вы считаете своей родиной?», 2021 г., множественный выбор, в %

	Всего, чел.	Возраст				Пол	
		16–24	25–34	35–54	55+	Муж.	Жен.
	969	203	247	353	173	438	539
Страна, где я родился(ась)/выросл(а)	74,1	67,9	74,6	76,7	73,9	72,5	75,7
Страна, где я сейчас живу	40,4	31,1	35,4	41,4	49,4	40,5	40,9
Место рождения моих предков	23,3	22,4	25,3	19,9	27,2	21,6	25,2
Место рождения моих родителей	18,5	16,7	19,0	16,6	21,5	17,8	19,2
Республика Армения и Арцах	19,0	24,8	20,6	18,5	14,4	22,0	15,3
Идея родины не важна для меня	1,1	1,2	2,1	1,1	0,4	1,0	1,3
Страна, где живут мои близкие (семья) и мои друзья	11,4	11,8	10,1	10,8	12,5	9,0	14,0
Другое место	1,2	1,2	2,1	1,1	1,1	1,4	1,3
ВСЕГО	189,0	177,1	189,3	186,2	200,3	185,8	192,8

Четверть опрошенных армян Дона посещали Республику Армения более трех раз (26,7 %), в то время как 41,3 % никогда там не бывали. Причем ни разу не посещал Армению каждый второй

молодой армянин из числа опрошенных в возрастной группе 25–34 года (50,6 %), но 54,0 % армян этой возрастной группы опрошенных планируют посетить Армению в течение следующих 2 лет. А вот в возрастной группе старше 55 лет никогда не бывали в Армении 29,3 % респондентов, и 34,0 % не собираются посещать, что косвенно может свидетельствовать о том, что старшее поколение удовлетворено своей жизнью на прежнем месте.

На момент проведения опроса в 2021 году активные связи у респондентов в Республике Армения/Арцахе были следующие:

Семья: переселенцы в первом поколении набрали ожидаемо высокий результат (61,3%), переселенцы во втором (54,1%) и в третьем поколениях (17,3%). Вполне логично прослеживается ослабление родственных отношений.

Друзья, социальная жизнь: в данный пункт по результатам можно соотнести с первым, так как социальное взаимодействие оказалось менее разорвано у респондентов, которые являются первыми прибывшими на территорию Ростовской области (20,2%), практически такой же показатель у тех, чьи родители переселились в Ростовскую область (17,2%), переселенцы в третьем поколении в наименьшей степени имеют дружеские связи в Республике (12,0%).

Духовная связь: данное положение отражает скорее психологическое отношение к Республике Армения; так, наибольшую привязанность указали переселенцы во втором поколении (4,7%), при этом наименьшее значение приходится на переселенцев в первом поколении (0,8%), среднее значение у переселенцев в третьем поколении (2,8%).

Наибольшую долю не имеющих каких-либо связей с Республикой составили переселенцы третьего поколения (61,9%).

Соответственно главными связующими факторами респондентов с исторической Родиной являются семейные и дружеские взаимоотношения. Такие сферы как бизнес, образование, политика в Армении не имеют по сравнению с семьей важного влияния на взаимодействие с исторической Родиной. Скорее это связано с тем, что развитие в данных сферах представляется возможным и на территории Ростовской области.

Опросы донских армян разных периодов выявляют наиболее значимые маркеры идентичности. Так, по мнению донских армян, опрошенных в 2018 г., самоидентификация определяется знаниями армянских традиций – 67,1 % (76,2 % у горожан) и самоощущением – 57,3 % (62,5 % у сельских). Далее идут позитивные черты национального характера – трудолюбие, целеустремленность – 53,7 %, щедрость и гостеприимство – 48,8 %. Лишь на пятом месте стоит знание армянского языка – 43,9 %, приверженность традициям Армянской апостольской церкви – 28 %. Данная иерархия идентификационных признаков вполне характерна для традиционных диаспор, интегрированных в местные сообщества на протяжении нескольких поколений, когда сфера проявления этничности объективно уменьшается, что не мешает ее воспроизводству и трансформациям. Так, соблюдение армянских традиций ограничивается в значительной мере сферой семейных (земляческих) праздников и ритуалов и т.п. – 69,5 % и в повседневном общении – 17,1 %. Большинство донских армян используют армянский и русский языки в качестве родного, причем знание русского языка несколько лучше. Так, 34,1 % армян (19 % в городе и 50 % в селе) владеют литературным армянским языком, могут читать и писать, 9,8 % умеют читать и 25,6 % владеют только устной речью, причем местными диалектами. Сфера использования армянского языка ограничена общением с родственниками, друзьями и другими армянами. 13,4 % донских армян читают книги, СМИ, в т.ч. электронные, на армянском языке. 65,9 % армян свободно владеют письменно и устно русским языком, а еще 25,6 % считают себя знатоками русского языка. Большинство донских армян думают на русском языке – 41,5 % (66,7 % в городах), на русском или армянском 31,7 %, только на армянском – 20,7 % (27,5 % в селах).

Таким образом, у донских армян, особенно у представителей традиционной диаспоры, сложилась двойная языковая идентичность с приоритетом владения и использования русского языка. Кроме того, нужно иметь в виду, что донские армяне признают особенности в языке у различных по происхождению армян – 74,6 %. Сохраняются также субэтнические различия в особенностях

обрядов и традициях (50,7 %), особенностях повседневного поведения (41,8 %). Несмотря на различия между субэтническими группами донских армян (что в той или иной мере признает более 80 % респондентов), внутридиаспорная конфликтогенность в настоящее время незначительна, противоположную оценку дает лишь 13,4 %. Донские армяне проявляют большую заинтересованность в сохранении армянской культуры. При этом оценка состояния армянской культуры выглядит разнополюсно. Почти 33 % считает, что она развивается, или стабильна – 18,3 %, 34,1 % опасается, что армянская культура утрачивается, а 11 % сталкивается с определенными проблемами. Основная угроза, как полагают 62,2 % респондентов, исходит для этнической культуры со стороны массовой культуры. Более 64,6 % армян стремятся узнать больше о традициях и культуре армянского народа. В то же время донские армяне связывают проблемы для развития армянской культуры на Дону с недостатком своих ресурсов, инициативности, а не с дискриминацией со стороны властей¹.

По итогам опроса донских армян в 2021 г. выявлены следующие ключевые маркеры идентичности: семья (79,4 %), армянский язык (54,5 %), армянская культура (38,8 %), национальная кухня (33,2 %), ДНК/кровь/генетика (31,8 %), христианское наследие и верование (30,7 %), гордость за армянскую историю (29,5 %) и тесные семейные и родственные связи (29,6 %) (см. рис. 3.3).

Семья возглавляет топ-3 ключевых маркеров идентичности – 79,4 %, причем семейная идентификация уверенно сохраняет свое первенство у респондентов всех возрастных групп. Исследование показало, что армяне Дона остаются приверженцами семейных и родственных ценностей и события в семье и у родственников для них по-прежнему наиболее значимы (73,2 % в 2011 г. и 79,4 % в 2020 г.). Это свидетельствует о реальном сохранении у армян значения семейных ценностей, а не только их декларирования.

¹ Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 65–66.

Окончание таблицы 3.5

	Всего, чел.	Возраст				Пол	
		16–24	25–34	35–54	55+	Муж.	Жен.
	969	203	247	253	173	438	539
ДНК / кровь / генетика	31,8	37,7	30,7	32,4	27,9	34,7	28,4
Республика Армения – активные отношения со страной и людьми	10,7	9,3	10,1	11,9	10,6	9,7	11,8
Связь с исторической Арменией	17,0	15,5	18,5	18,0	15,1	18,8	14,9
Тесные семейные и родственные связи	29,6	22,2	30,2	29,0	35,6	27,3	32,7
Геноцид	12,9	14,8	7,9	14,4	12,8	13,5	11,9
Гордость за армянскую историю	29,5	21,0	28,0	34,8	28,3	29,1	29,7
Армянская кухня	33,2	24,1	30,7	35,4	37,4	31,3	35,1
Армянская культура (танцы, музыка, литература и т.д.)	38,8	36,6	45,0	37,3	37,5	35,4	42,5
Другое	0,3	0,6	0,0	0,0	0,8	0,6	0,0
ВСЕГО	379,4	366,5	386,8	380,3	376,9	376,2	380,6

Интересно, что отметив армянский язык как второй по важности маркер идентичности, а лидирует по важности этот маркер у возрастной группы 16–24 лет (62,3 %), на вопрос «*Как бы Вы оценили беглость Вашей устной речи на армянском?*», только 63,2 % респондентов выбрали вариант «свободная», при этом в возрастной группе 16–24 года свободно владеющих армянским языком оказалось меньше всего респондентов (54,0 %), а доминирующим языком в общении и вовсе выступает русский язык (30,9 %), причем ответы распределились на одном уровне в каждой возрастной группе.

Исследование показало, что христианство для армянской идентичности очень важно, так считают 42,4 % респондентов, 33 % отмечают вариант «довольно важно», 7,5 % считают христианство «не очень важным», а 4 % «не важным вообще». Каждый десятый респондент (13,1 %) затруднился ответить на вопрос (рис. 3.2). Если суммировать первые два варианта ответа, то получается достаточно внушительная цифра в 75 %, что позволяет сделать вывод о

значимом месте религии в самоидентификации, то есть сегодня армянин равно христианин.

В возрастной группе от 16 до 24 лет наблюдается небольшое уменьшение выбора «очень важно» до 31,7 %, а вариант «довольно важно» возрос до 39 %, что в совокупности также составляет подавляющий приоритет роли христианства в этнической идентичности армян. Люди от 25 до 34 лет еще с большей частотой выбирали ответ «очень важно» (42,6 %) и вариант ответа «довольно важно» нашел отражение в 35,8 %. Примерно схожий результат наблюдается в возрастной группе от 35 до 54 лет. А вот среди старшей возрастной группы 55+ каждый второй респондент (49,1 %) считает христианство очень важным маркером самоидентификации, и 29,1 % ответили «довольно важно» (рис. 3.4).

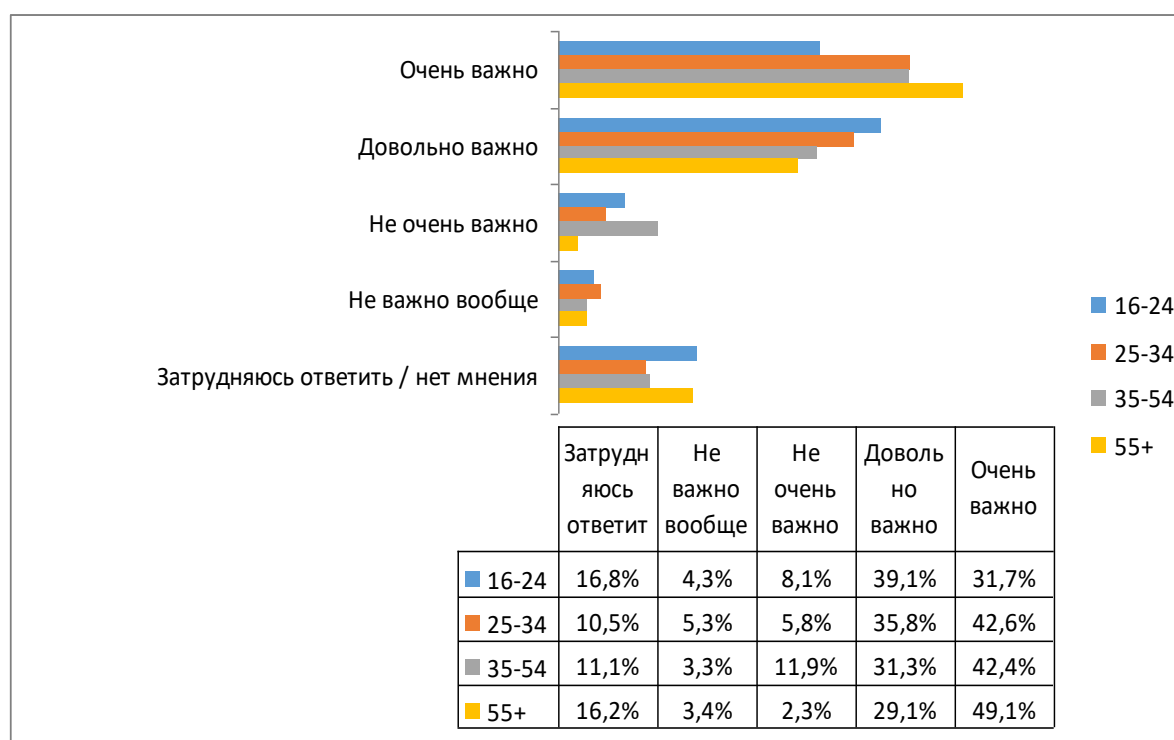

Рисунок 3.4. Христианство в системе идентичностей, распределение по возрасту, 2021 г., в %

Каждый второй респондент ответил, что общался с армянскими священниками или священнослужителями по поводу церковной службы и обрядов (крещение, венчание, похороны) – 54,3 %, чет-

верть обсуждали личные духовные вопросы (23,2 %) и 18,5 % обсуждали вопросы семьи. Вместе с тем наименее популярны для обсуждения, согласно ответам респондентов, «проблемы сообщества» (3,8 %) и «армянские христианские учения» (6,4 %).

Многие исследователи считают, что для армян последних столетий характерно практическое слияние этнической и религиозной самоидентификации. Долгое время главной силой, объединяющей всех армян, была церковь, которая пользовалась некоторой политической самостоятельностью. Церковь составляла одну из важнейших основ самоидентификации народа. На протяжении долгих столетий она сохраняла свою полную обособленность от других восточно-христианских церквей и в значительной мере препятствовала и культурному взаимодействию армян с соседними народами, и ассимиляции. Возможно, эта церковная самоизоляция и привела к тому, что в те времена, когда для других народов этническая самоидентификация была мало значимой по сравнению с культурной, государственной, религиозной, армяне выделяли себя именно как народ. Религиозная самоидентификация совпала в данном случае с этнической и обусловила ее. Постоянное и очень отчетливое противопоставление «армяне – не армяне» стало фактом их обыденной жизни¹.

Весьма значимым в этническом самосознании является тот факт, что армянский народ первым в мире принял христианство в 301 г., большинство – приверженцы Армянской апостольской православной церкви, христиане-монофизиты. С распространением уже с первых веков нашей эры христианства Армения была вовлечена в восточноримский культурный мир. Армянская церковь, возводя свое начало к апостольской эпохе, традиционно именуется себя ортодоксальной и принадлежит к семье древних восточных православных (дохалкидонских) церквей. Соответственно, вполне ожидаемо, что христианская вера как маркер этнической идентичности находит большое число приверженцев среди респондентов.

¹ Лурье С. В. Культурная традиция и этнос. Опыт историко-этнологического анализа [Электронный ресурс] // Историческая этнология. URL: <http://svlourie.ru> (дата обращения: 28.08.2022).

«Важным ресурсом в процессах воспроизводства и утверждения национальной идентичности донских армян служит укрепление и развитие многосторонних связей Ростовской области, Донской армянской общины с Республикой Армения. Опираясь на опыт традиционных дружеских отношений народов России и Армении, активно развивается стратегическое сотрудничество между нашими странами как на межгосударственном, так и на региональном уровнях. Тесные отношения связывают Армению с Югом России, где проживает больше половины российской армянской диаспоры, активно функционируют армянские общественные организации.

В 2003 г. в Ростове-на-Дону было открыто Генеральное консульство Республики Армения в Южном федеральном округе РФ, которое активно развивает экономические, культурные, социальные связи между Арменией и Югом России. Заключены договора о многостороннем сотрудничестве между Республикой Армения и Ростовской областью, городами Ереваном и Ростовом-на-Дону, между вузами, предприятиями, учреждениями Ростовской области и Республики Армения.

Неслучайно, президенты Республики Армения из всех регионов России в последние десятилетия чаще всего посещали Ростовскую область (Р. С. Кочарян – в 2007 г., С. А. Саргсян – в 2009 и 2010 гг.). Они встречались не только с руководителями области и города, местными органами власти, но и с представителями донской политической, деловой, научной элиты, с руководителями Нахичеванской-на-Дону общины, жителями города Ростова-на-Дону и Мясниковского района.

Два раза в Донском крае побывал глава Армянской апостольской церкви, верховный патриарх и католикос всех армян Гарегин Второй (2007, 2011 гг.), который освятил старейшую в городе Ростове-на-Дону церковь армянского монастыря Сурб-Хач и новую величественную церковь Сурб Арутюн, провел при большом стечении прихожан первые службы в этих храмах¹.

¹ Смирнов В. В. *Летопись Нахичевани-на-Дону в историческом, бытописательном, статистическом и иллюстративном интерьерех и с приложениями, включающими важные, полезные и интересные сведения.* Ростов-на-Дону: АО «Книга», 2018. С. 328–329, 336, 338–340.

В Ростове-на-Дону и в Ростовской области часто выступают мастера искусств из Армении.

Регулярные встречи, общение, взаимодействие донских армян с руководителями, представителями политической, деловой, культурной элиты, творческой интеллигенции Армении, несомненно, способствуют воспроизводству этнической культуры у донских армян»¹.

Согласно исследованиям, представители местного сообщества ожидают от Республики Армения поддержки в культурно-образовательной отрасли:

Оказание помощи школам с армянским языком и учебными материалами: более половины опрошенных указали данный пункт, наиболее высокий результат у респондентов переселенцев в первом (68,9%) и во втором поколении (67,8%).

Помощь с программами подготовки учителей: значительной данная мера поддержки оказалась также для переселенцев в первом (40,3%) и во втором поколении (38,4%).

Культурные программы: потребность в помощи со стороны Республики в этой области отмечают представители возрастных групп 16–24 года (39,5%), 25–34 года (42,1%).

Поддержка и информация для желающих посетить Армению: так как многие респонденты не посещали, либо крайне редко посещают территорию Республики, данная форма помощи позволила бы более детально спланировать свое путешествие. Наибольшую заинтересованность в этом проявили переселенцы во втором поколении (48,5 %) и представители возрастной группы 16–24 года (48,8%).

Важной частью деятельности диаспор является сохранение и налаживание взаимодействия с исторической Родиной. Респонденты указали следующие наиболее важные сферы общественной жизни Республики Армения, которые должны поддерживать диаспоры:

Образование: более половины всех групп опрошенных указали именно эту сферу, нуждающуюся в поддержке со стороны диаспо-

¹ Матвеев Г. А. О причинах, условиях и факторах относительной устойчивости воспроизводства армянами этнокультурной специфики в условиях длительного проживания в инациональной среде // Изборник. Книга 2. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2022. С. 46–50.

ры, в наибольшей степени среди заинтересованной в получении образования возрастной категории 16–24 года (71,0%).

Экономическое развитие, создание новых рабочих мест: взаимодействие в экономической сфере было поддержано респондентами, являющимися переселенцами в первом поколении (60,5%), во втором поколении (57,8%) и возрастной группы 16–24 года (58,0%).

Безопасность: помощь Республике со стороны диаспоры в данной области указали необходимой более половины опрошенных, за исключением возрастной группы 55+ (49,8%).

Более трети респондентов также выделили сферы, в которых диаспора может оказать помощь Республике Армения: права человека, развитие инфраструктуры, здравоохранение, искусство и культура.

Таким образом, респонденты готовы к взаимодействию и взаимопомощи с Республикой Армения, причем в довольно обширных сферах жизнедеятельности.

В Ростовской области существуют, как указывалось ранее, отличающиеся группы армянского населения, существование которых обусловлено разными временными рамками и причинами перемещения на донскую землю. Они продолжают существовать в значительной степени автономно друг от друга. Ощутимыми остаются и различия между субрегиональными группами армян, возникшими в последние 20–30 лет, как и в целом между мигрантами последней волны и старожилками Дона. В то же время результаты трех проведенных социологических исследований показали, что семья и культурные, религиозные традиции армян являются ведущими каналами воспроизводства и поддержки этнической идентичности.

Исследование 2011 г. выявило, что доминирующую позицию занимает семейная идентичность, что подтверждается сохранением традиционных групповых ценностей, в отличие от современного западного общества. Следующее место занимает половая идентичность, транслирующая гендерные роли мужчины и женщины. На третьем месте находится гражданская идентичность, которая даже опережает этническую, профессиональную, региональную идентичности. В целом, этническая идентичность рассматривается ар-

мянами как часть сложной полиэтнической российской (гражданской) идентичности.

Исследование 2018 г. обнаружило постепенное нарастание в армянской среде аккультурационно-ассимиляционных процессов, особенно осязаемое при сопоставлении различных поколений донской общины. Вместе с тем размеры ассимиляции (в т.ч. связанные с шириной распространения межнациональных браков) все еще имеют ограниченные масштабы, что с учетом существующих у областного армянского населения естественно-воспроизводственных характеристик, позволяет говорить о достаточно устойчивом воспроизводстве демографического потенциала общины и ее способности сохранять свои размеры не только в ближайшие годы, но и в среднесрочной перспективе (до 2030–2035 гг.), а возможно, и в более отдаленном будущем.

По итогам опроса донских армян в 2021 г. ключевыми маркерами идентичности по-прежнему остаются: семья, тесные семейные и родственные связи, армянский язык, армянская культура, христианское наследие и верование, историческая память.

Ощущение взаимосвязи с исторической родиной варьируется в зависимости от длительности проживания на донской земле. Важной составляющей частью приобщения и сохранения национальной культуры, по мнению респондентов, является посещение территорий исторической родины выходцами из диаспоры, что в первую очередь позволит налаживать взаимоотношения между представителями одной национальности, проживающими в разных странах. Тем самым члены диаспоры не разрывают связь с исторической родиной, а наоборот укрепляют свое этническое самосознание. Для сохранения преемственности поколений и формирования армянской идентичности диаспорам необходимо транслировать знания в области культуры, истории, традиции и обычаев армянского народа.

Следует также уточнить, что не для всего армянского населения Ростовской области современная территория Республики Армения будет являться фактической исторической Родиной, так как большая часть этого населения является потомками крымских армян и «приглашенной диаспорой».

РАЗДЕЛ 4

Армянский язык: воспроизводство, ожидания и запрос на изучение

Армянский язык относится к индоевропейской семье языков и является одним из древнеписьменных. Литературным языком является грабар, но в процессе локализации отдельных этнических групп армян возник ряд диалектов, в частности ново-нахичеванский диалект. Имеется два варианта литературного языка – восточноармянский и западноармянский, и несколько десятков диалектов. Создание в 405 г. выдающимся просветителем Месропом Маштоцем национального алфавита, применяемого почти без изменений и в наши дни, сыграло огромную роль в развитии армянской культуры, сохранении этнического самосознания, а в более позднее время и в поддержании связей между разбросанными по всему миру армянскими общинами. Именно язык является основой существования этнической общности, символом сохранения этнокультурной самобытности народа, способствует социализации личности в определенной социокультурной среде, т.к. личность, становясь носителем этого языка, как правило, выстраивает и свою национальную идентичность на языковой основе¹.

¹ Маргулян Я. А. Социокультурные факторы укрепления национальной идентичности // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 170–174.

Для анализа данного вопроса были привлечены результаты социологических опросов 2021, 2018 и 2011 гг., что позволяет проследить изменение отношения респондентов к армянскому языку.

Одним из ключевых признаков самоидентификации, по мнению донских армян, является знание армянского языка. В исследовании 2011 г. на вопрос «*Какие из следующих качеств лучше всего соответствуют выражению “быть армянином”?*» ответ «знание армянского языка» занимает лишь пятую строку популярности ответов – 43,9 %, уступая таким идентификационным чертам, как знание армянских традиций (67,1 %), внутреннее ощущение себя армянином (57,3 %), трудолюбие и целеустремленность (53,7 %), щедрость и гостеприимство (48,8 %). Данная иерархия идентификационных признаков вполне характерна для традиционных диаспор, интегрированных в местные сообщества на протяжении нескольких поколений, когда сфера проявления этничности объективно уменьшается, что не мешает ее воспроизводству и трансформациям¹.

В исследовании 2021 г. вопрос о роли языка как маркера армянской идентичности был сформулирован уже более конкретно: «*Как Вы определяете свою армянскую идентичность?*». И армянский язык как маркер армянской идентичности уже вошел в топ-3 ключевых маркеров, уступив место лишь семье (54,5 и 79,4 % соответственно). Ответы распределились в равной степени между мужчинами (54,5 %) и женщинами (54,0 %). Интересно, что в распределениях ответов по возрастным группам армянский язык был назван чаще в молодежной группе респондентов (16–24 года) и составил 62,3 %, что в целом соответствует и полученным результатам о возрастании интереса к армянскому языку у подрастающего поколения. В возрастном распределении доля респондентов, отметивших армянский язык, составила следующие распределения: 25–34 лет – 55,6 %; 35–54 лет – 47,9 %; 55 лет и старше – 56,6 %. При этом по очередности прибытия, респонденты, первые прибывшие в Россию, показали наиболее высокий результат в 61,3 % из опрошенных 126 человек, что вполне является закономерным результатом.

¹ Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография/ отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 65.

Так как среди опрошенных в 2011, 2018 и 2021 гг. роль семьи в определении национальной идентичности показала наибольшую важность, в опросах был выделен подраздел вопросов, связанных с применением/использованием армянского языка в повседневном общении с родственниками. Результаты ответов на этот вопрос надо рассматривать в сопоставлении с ответом на вопрос об уровне владения армянским языком.

Так, в исследовании 2011 г. на вопрос «*В каких случаях Вы пользуетесь армянским языком?*» 70,7% респондентов ответили, что используют в общении с родственниками, друзьями, причем парадоксально, но горожане это делают чаще, чем сельчане (73,8 против 64,6 %). Каждый пятый респондент ответил, что вовсе не использует – 19,8 %, а вот для саморазвития – чтение национальной литературы, газет, журналов, интернет-сайтов – армянский язык используют только 15,7 % (табл. 4.1).

Таблица 4.1. Распределение ответов на вопрос «В каких случаях Вы пользуетесь армянским языком?», 2011 г. в %

Варианты ответов	Общее	Город	Село
Использую в делах	16,1	15,0	18,3
В общении с родственниками, друзьями	70,7	73,8	64,6
Использую для общения другими представителями армянского народа	41,7	36,9	51,2
Читаю национальную литературу, газеты, журналы, интернет-сайты	15,7	12,5	22,0
Практически не использую	19,8	16,3	26,8

На вопрос «*Насколько хорошо вы владеете армянским языком?*» чуть больше трети респондентов ответили, что умеют читать и писать и хорошо владеют устной речью (38,6 %), 23,7 % владеет только устной речью, а практически не знают языка только 6,2 % респондентов (табл. 4.2).

Таблица 4.2. Распределение ответов на вопрос «Насколько хорошо вы владеете армянским языком?», 2011 г. в %

Варианты ответов	Общее	Город	Село
Умею читать, писать, хорошо владею устной речью	38,6	37,5	40,7
Умею только читать, владею устной речью	21,6	23,8	17,3
Владею только устной речью	23,7	25,6	19,8
Знаю отдельные слова и выражения	10,0	10,0	9,9
Практически не знаю языка	6,2	3,1	12,3

По результатам исследования 2021 г. уже свыше пятидесяти процентов опрошенных оценили свой уровень владения армянским языком как свободный, что свидетельствует о том, что армянский язык не утрачивается, а продолжает воспроизводиться. Распределение ответов по возрастным группам следующее: 16–24 года – 54,0 %, 25–34 года – 60,3 %, 35–54 года – 62,6 %, свыше 55 лет – 70,7 %. Ответы составили равные распределения у мужчин и женщин. Данные результаты позволяют предположить, что большинство респондентов имеет достаточный уровень знания армянского языка для общения с семьей.

На материалах социологического исследования 2011 г. установлено, что большинство донских армян используют в качестве родного армянский и русский языки, причем знание русского языка несколько лучше. Так, 34,1 % армян (19 % в городе и 50 % в селе) владеют литературным армянским языком, могут читать и писать. 9,8 % умеют читать и 25,6 % владеют только устной речью, причем местными диалектами. Сфера использования армянского языка ограничена общением с родственниками, друзьями и другими армянами. 13,4 % донских армян читают книги, СМИ, в т.ч. электронные на армянском языке. 65,9 % армян свободно владеют письменно и устно русским языком, а еще 25,6 % считают себя знатоками русского языка. Большинство донских армян думают на русском языке – 41,5 % (66,7 % в городах), на русском или армянском 31,7 %, только на армянском – 20,7 % (27,5 % в селах). Таким образом, у донских армян, особенно представителей традиционной диаспоры, сложилась двойная языковая идентичность с приоритетом владения и использования русского языка. Кроме того, нужно иметь в виду, что донские армяне признают особенности в языке у различных по происхождению армян 74,6 %. Сохраняются также субэтнические различия в особенностях обрядов и традициях (50,7 %), особенностях повседневного поведения (41,8 %). Несмотря на различия между субэтническими группами донских армян (что в той или иной мере признает более 80 % респондентов), внутридиаспорная конфликтность в настоящее время незначительна, противоположную оценку дает лишь 13,4 %. Донские армяне про-

являют большую заинтересованность в сохранении армянской культуры. При этом оценка состояния армянской культуры выглядит разнополюсно. Почти 33 % считает, что она развивается или стабильна – 18,3 %, 34,1 % опасается, что армянская культура утрачивается, а 11 % – сталкивается с определенными проблемами. Основная угроза, как полагают 62,2 % респондентов, исходит для этнической культуры со стороны массовой культуры. Более 64,6 % армян стремятся узнать больше о традициях и культуре армянского народа¹.

Результаты, полученные по материалам исследования 2018 г., также позволяют сделать вывод о том, что у донских армян сформировалась двойная языковая идентичность.

В исследовании была поставлена группа вопросов о языке, но варианты ответов в анкетах выборки-1 и выборки-2 несколько различались. В выборке-1 среди предложенных респондентам вариантов ответов на вопрос о родном языке наряду с «*русским*» и «*армянским*» имелся и совмещенный вариант – «*и русский, и армянский*». Таким образом, результаты, полученные по двум выборкам, оказываются не полностью сопоставимы между собой и требуют самостоятельного анализа.

В выборке-1 более половины респондентов (56,4 %) отметили, что их родным языком является армянский, 19,3 % – назвали родным русский. Еще 24,3 % выбрали сопряженный вариант (и русский, и армянский). Учитывая, что последний вариант можно плюсовать к каждой из групп, то более 80 % респондентов, представлявших ядерную группу национальной общины, считало своим родным армянский язык, более 43 % – русский. Таким образом, общая доминанта национального языка просматривалась вполне отчетливо. Однако ответы на следующий вопрос, заставляют определенным образом содержательно дополнить данный вывод.

На вопрос «*Каким языком вы владеете более свободно?*» логичным было получить соотношение ответов, схожее с предыдущим вопросом. Но только в том случае, если исходить из условия, что родным для респондентов всегда является язык, которым они

¹ Армяне Юга России: опыт социологического исследования. С. 65–66.

лучше владеют. Данное условие кажется естественным, но может не учитывать психологическую составляющую, что и продемонстрировало данное исследование.

Согласно полученным ответам, русским владеет лучше 34,7 % респондентов, армянским – 26,4 %; владеет ими в равной степени 38,9 % опрошенных. Таким образом, знание русского респондентами выборки-1 в целом было выше знания своего национального языка. Но не только все знающие армянский лучше, но и почти в полном составе группа владеющих двумя языками в равной степени предпочла назвать своим родным именно национальный язык¹. Таким образом, речь уже шла не о реальной роли (значимости и соотношении) двух языков в различных сферах жизнедеятельности человека, но о внутреннем отношении к ним самого индивида, его психологической установке (рис. 4.1).

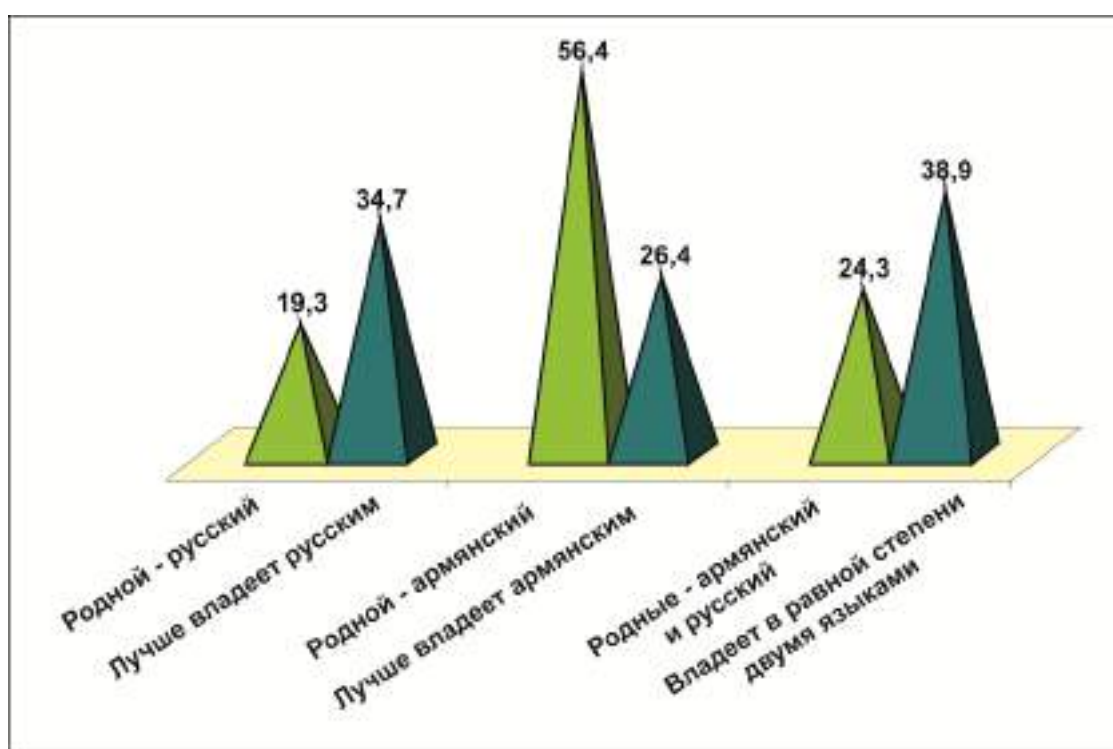

Рисунок 4.1. Родной язык респондентов и реальное знание двух языков (выборка-1), %

¹ Нельзя полностью исключать и возможности того, что назвала армянский язык родным даже небольшая часть владеющих русским с бóльшим совершенством.

На то, что армянский язык является родным не для всех респондентов, определивших его в качестве такового, указывают ответы и на вопрос о степени владения своим национальным языком. Совершенно свободно владеет армянским и думает на нем 73 респондента (50,7 % от выборки). Что уже на 6 % меньше тех, кто назвал его единственным родным, и без учета тех, для кого он был родным наряду с русским.

Еще 26,4 % опрошенных довольно свободно говорили на национальном языке. А 23% респондента утратили армянский язык в значительной степени или полностью (11,1 % говорили на нем с затруднениями; 7,6 % – с большим трудом; 4,2 % – им не владели). Таким образом, отличное и хорошее знание языка сохраняло 77 % респондентов, что можно было бы считать очень хорошим показателем. Но учитывая, что речь идет о ядерной группе областной общины (выборка-1), носителях «национального ресурса» и этнокультурной традиции, скорее указывает на процессы аккультурации, постепенно захватывающие даже наиболее устойчивую к внешнему социоэтнокультурному воздействию группу регионального армянского населения.

Если считать «реальным» родным языком тот, на котором в совершенстве говоришь и думаешь, то в настоящее время армянский является таковым только у половины представителей ядерной группы общины, а у второй половины родным языком уже является русский.

Еще более сложной оказалась ситуация для национального языка у всего местного армянского населения (выборка-2). Притом, что прямые ответы респондентов на вопрос об их родном языке, также обнаруживали уверенную доминанту армянского. Его посчитало своим родным 68,2 % опрошенных, русский – только 29,6 %. Таким образом, исследование формально зафиксировало достаточно высокий уровень сохранения в областной общине собственного национального языка. Заметим, что данные цифры хорошо согласуются с результатами советских переписей, согласно которым доля областных армян, сохранявших национальный язык в качестве родного, сокращалась очень медленно, потеряв за по-

следние 30 лет советского периода менее 3 % (данный показатель снизился с 71,9 % в 1959 г. до 69 % в 1989 году)¹.

К сожалению, переписи постсоветского периода перестали фиксировать уровень знания собственных языков представителями национальных общин российских регионов, что не позволяет отследить динамику данного показателя в 1990–2000-е годы. И поэтому при изучении данного показателя приходится ориентироваться на результаты социологических опросов.

Таким образом, исходя из ответов о родном языке, можно было бы сделать вывод о заметных, но одновременно и ограниченных масштабах языковой аккультурации современной донской армянской общины, более 2/3 представителей которых продолжает сохранять свой родной язык. Однако ответы на следующий вопрос анкеты: «*Каким языком Вы владеете наиболее свободно?*» позволяют существенно дополнить и скорректировать данный вывод.

Более половины респондентов выборки-2 (51,1 %) являются полными билингвами и владеют армянским и русским одинаково свободно. Более трети (36,3 %) более свободно владеет русским и только 10,9 % лучше знает армянский язык. Таким образом, реальное владение языком представителями общины существенно отличается от их субъективной оценки, какой из двух языков является родным.

Действительно, своим родным языком армянский назвал 281 респондент. Но только 45 опрошенных отметили, что национальный язык знают лучше русского. Еще 211 указали, что владеют двумя языками в равной степени. Но даже суммирование данных двух групп (256 человек) оказывается меньше числа респондентов, считающих армянский язык родным. Иными словами, таковым его назвали не только полные билингвы (т.е. по сути имеющие два родных языка), но и некоторая часть тех, кто русский в реальности знает лучше армянского. А таковых среди опрошенных оказалось 150 человек.

Таким образом, в целом представители областной общины в настоящее время владеют русским уже лучше, чем своим нацио-

¹ *Суцый С. Я.* Армяне юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов-на-Дону: Изд-во Копи-центр, 2016. С. 49.

нальным языком. Но при этом большинство продолжает считать родным языком армянский. Следовательно, речь идет скорее о психологическом феномене – «дани уважения», нежели о реальном положении вещей, обнаруживающем значительно более высокий уровень языковой аккультурации, чем можно было предположить по ответам на первый вопрос языкового блока анкеты.

Удельный вес тех, для кого армянский язык действительно сохраняется в качестве родного, фиксируется третьим вопросом данного блока: *«Владеете ли Вы армянским языком, если да, то в какой мере?»*

Совершенно свободно владеет национальным языком и думает на нем 151 респондент (37,2 % от выборки-2). Именно эту часть опрошенных очевидно и можно в полной мере отнести к группе местного армянского населения с родным национальным языком. Но довольно свободно говорит на нем еще 30,8 % респондентов. В сумме они и дают 68 % – долю опрошенных назвавших родным языком армянский. Таким образом, даже если последнее не соответствует действительности, важно, что более 2/3 респондентов отлично или достаточно хорошо владеют армянским.

Соответственно, общая доля тех, кто утратил родной язык, полностью или в значительной степени оказалась среди респондентов меньше трети: 14,5 % говорили на армянском с затруднением, еще 4,2 % с большим трудом и 13,3 % им не владели.

Учитывая, что значительную часть выборки составили уроженцы области и ее старожилы, общий показатель владения национальным языком можно считать достаточно высоким. По крайней мере, большинство других крупных и средних общин региона (не только украинцы, белорусы, немцы, евреи, но и корейцы, молдаване, татары, удмурты, мордва) подверглись значительно более интенсивному языковому обрусению.

Следующими вопросами к рассмотрению будут: *«На каких языках Вы говорите с Вашим(ей) супругом(ой)/партнером(кой)?»*. Ожидаемо высокие результаты были даны по пунктам: Русский: у мужчин – 69,1 %; у женщин – 67,7 %; у первых прибывших в Россию – 66,7 %, Восточно-армянский: у мужчин – 39,2 %; у женщин –

28,2 %, а также у первых прибывших в Россию 78,3 %, Западно-армянский: у мужчин 19,7 %; у женщин – 15,5 %; у первых прибывших в Россию – 11,8 %, Нор-Нахичеванский армянский диалект у мужчин – 27,9 %; у женщин – 45,8 %; у первых прибывших в Россию – 9,2 %.

На вопрос *«Доминирующий язык в общении с супругой/супругом»* респонденты ответили следующим образом: Русский: у мужчин 32,6 %; у женщин 29,5 %; у первых прибывших в Россию 19,2 %, Восточно-армянский: у мужчин 16,6 %; у женщин 14,4 %; у первых прибывших в Россию 53,3 %, Нор-Нахичеванский армянский диалект: у мужчин 16,0 %, у женщин 28,8 %, у первых прибывших в Россию 5,8 %, Западно-армянский: у мужчин 8,6 %; у женщин 6,2 %; у первых прибывших в Россию 4,2 %. Однако высокий процентный показатель в пункте *«Нет единого доминирующего языка»*: у мужчин 16,0 %, у женщин 10,1 %, у первых прибывших в Россию 14,2 % свидетельствует о том, что в семьях мы можем наблюдать многоязычность.

Главную роль в сохранении и воспроизводстве армянского языка играют семейные взаимоотношения в особенности со старшим поколением. Распределение ответов на вопросы *«А на каком языке Вы говорите (говорили) с родителями?»* и *«Как насчет Ваших бабушек и дедушек: на каких языках Вы говорите (говорили) с ними?»* показали доминанты использования языка разными возрастными и гендерными группами (табл. 4.3). В ответах на оба вопроса более четверти респондентов выделили: Русский язык в разговоре с родителями (мужчины 53,4 %; женщины 56,8 %), Русский язык в разговоре с бабушками и дедушками (мужчины 38,6 %; женщины 36,0 %); Восточно-армянский в разговоре с родителями (мужчины 38,8 %; женщины 29,0 %), Восточно-армянский в разговоре с бабушками и дедушками (мужчины 41,2 %; женщины 28,7 %); Нор-Нахичеванский армянский диалект в разговоре с родителями (мужчины 26,4 %; женщины 38,1 %). Нор-Нахичеванский армянский диалект в разговоре с бабушками и дедушками (мужчины 32,2 %; женщины 51,7 %).

Таблица 4.3. Распределение ответов на вопрос 1 «А на каком языке Вы говорите (говорили) с родителями?» и вопрос 2 «Как насчет Ваших бабушек и дедушек: на каких языках Вы говорите (говорили) с ними?», множественный выбор (среди вариантов указаны только диалекты армянского языка), 2021 г., в %

	Возраст										Пол			
	всего		16-24		25-34		35-54		55+		Муж.		Жен.	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
	969		203		247		353		173		438		539	
Восточно-армянский	34,4	35,4	34,6	36,0	40,0	38,6	34,3	37,1	29,8	29,8	38,8	41,2	29,0	28,7
Западно-армянский	18,4	18,2	11,7	12,3	22,2	21,2	19,7	20,2	17,4	15,5	20,1	19,9	16,2	15,7
Русский	54,8	37,0	65,2	48,4	63,5	41,1	56,6	36,3	40,5	29,5	53,4	38,6	56,8	36,0
Нор-Нахичеванский армянский диалект	41,2	41,5	43,5	45,3	38,1	39,7	36,7	36,8	48,3	47,0	32,0	32,2	51,4	51,7
Не применимо	2,6	4,1	3,1	3,7	1,6	2,6	2,2	2,8	3,4	6,8	2,9	4,1	2,2	3,9
Другое	0,2	0,5	0,0	1,2	0,0	0,0	0,0	0,3	0,8	0,8	0,0	0,6	0,4	0,4

Из таблицы видно, респонденты общаются (общались) с поколением родителей преимущественно на русском языке – 54,8 %, а с прауродителями преимущественно на Нор-Нахичеванском армянском диалекте – 41,5 %. Однако интересны распределения по возрастным группам (рис. 4.2 и 4.3).

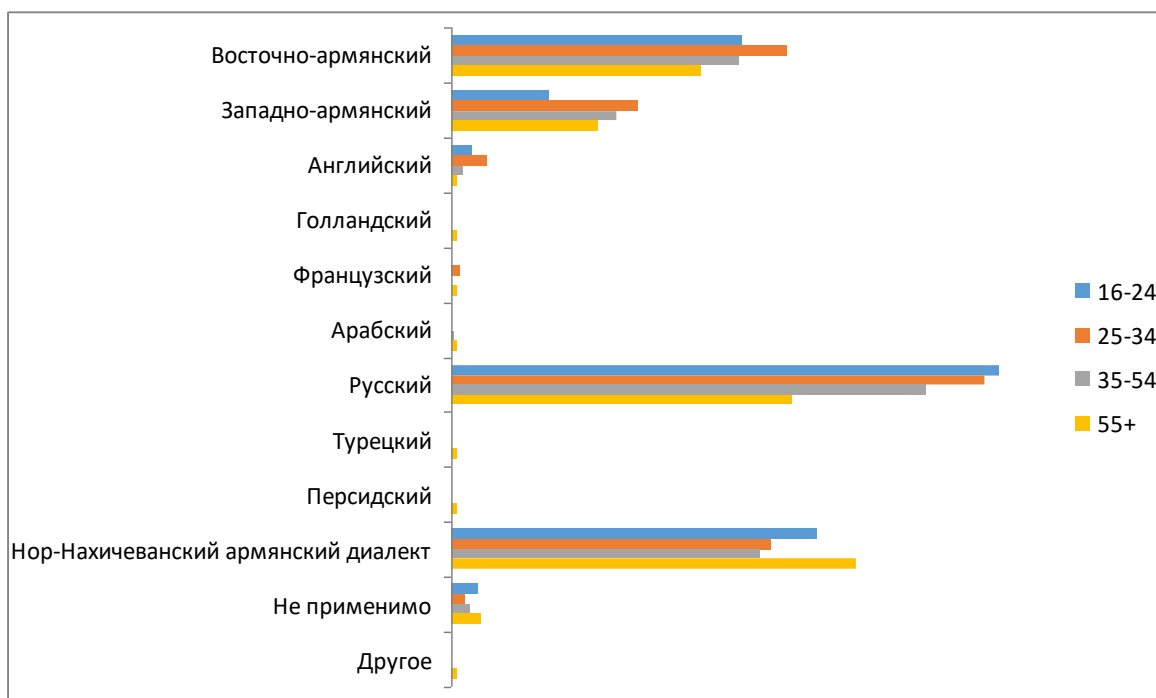

Рисунок 4.2. Распределение ответов на вопрос «А на каком языке Вы говорите (говорили) с родителями?», в зависимости от возраста респондента, 2021 г., в %

Если русский язык является основным языком повседневного общения в семье для молодого поколения: в возрастных группах 16–24 года и 25–34 года русский язык используется в общении с родителями (65,2 % и 63,5 % соответственно) и прародителями (48,4 % и 41,1 % соответственно), то для возрастной группы 35–54 года доминанты общения с прародителями переходят к армянско-му, а именно восточно-армянскому языку – 37,1 % при сохранении приоритета русского языка в общении с родителями – 56,6 %.

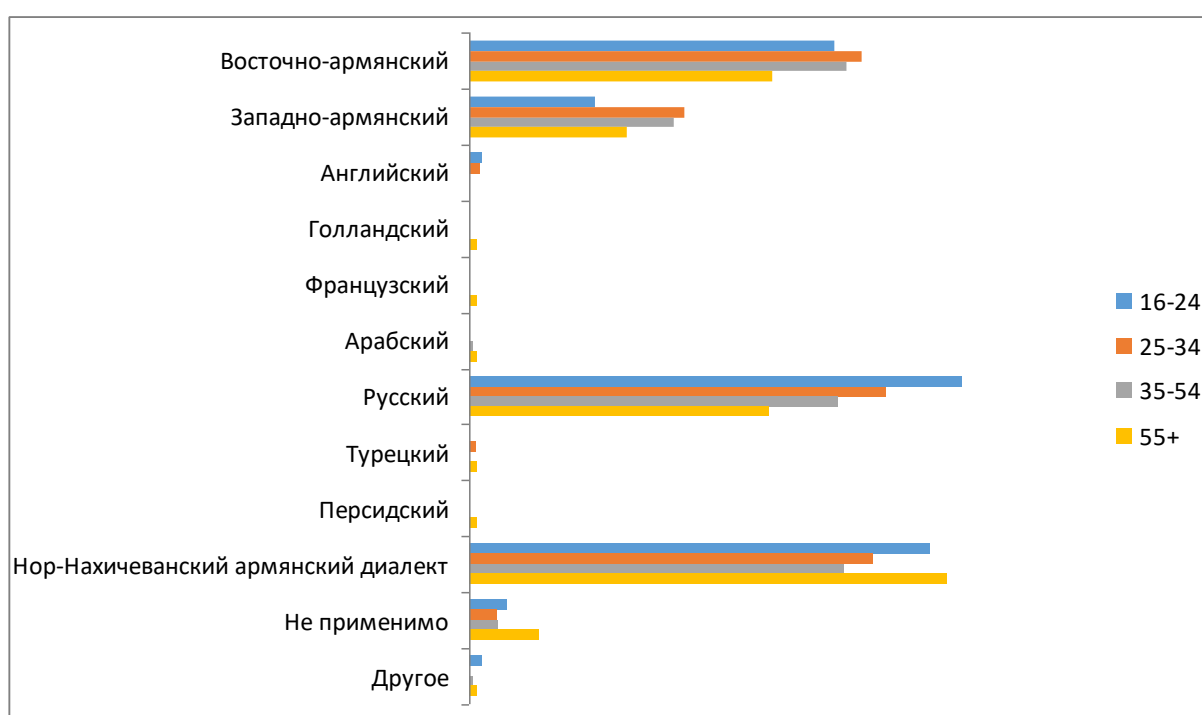

Рисунок 4.3. Распределение ответов на вопрос «Как насчет Ваших бабушек и дедушек: на каких языках Вы говорите (говорили) с ними?», в зависимости от возраста респондента, 2021 г., в %

А для возрастной группы старше 55 лет русский язык и вовсе уступает Нор-Нахичеванскому армянскому диалекту, на нем говорят (говорили) в повседневном семейном общении и с родителями (48,3 %), и с прародителями (47 %). Причем русский язык отходит даже на третью позицию как язык общения с прародителями для возрастной группы 55+, его указали 29,5 % респондентов, уступая восточно-армянскому языку (29,8 %). В возрастной группе 35–54 года с прародителями преимущественно говорят (говорили) на во-

сточно-армянском языке (37,1 %), чуть реже использовали Нор-Нахичеванский (36,8 %) и русский язык (36,3 %) (см. рис. 4.3).

Ослабление знания языка при межпоколенном переходе отмечалось и по итогам исследования 2018 года. Ответы на вопрос «В какой степени Ваши дети знают армянский язык?» в ядерной группе общины (выборка-1) показали, что совершенно свободно думают на своем национальном языке дети 20,8 % респондентов. Но более значительный процент набрали два других варианта – по 32,5 % получили «довольно свободно говорят» и «имеют затруднения в разговорной речи». Говорят с трудом или не владеют армянским языком дети 14,3 % респондентов.

Сравнивая результаты детей с уровнем знания языка их родителями, приходится констатировать быстрые темпы его потери при межпоколенном переходе. Доля владевших национальным языком в совершенстве сократилась в 2,5 раза (с 1/2-й до 1/5-й). А доля знающих его плохо или совсем не знающих поднялась с 22,9 % до 46,8 %. Между тем речь идет о респондентах, проявляющих повышенный интерес к сохранению у себя и в своих семьях национальной идентичности и этнокультурной традиции (табл. 4.4).

Таблица 4.4. Владение национальным языком разными поколениями армянского населения области и динамика данного показателя при межпоколенном переходе, 2018 г., в %

Варианты ответа	Выборка-1			Выборка-2		
	«Отцы»	«Дети»	Изменение	«Отцы»	«Дети»	Изменение
Совершенно свободно, думают на языке	50,7	20,8	-30,1	37,2	26,0	-11,2
Довольно свободно говорят	26,4	32,5	+6,1	30,8	31,0	+0,2
Говорят с затруднениями	11,1	32,5	+21,4	14,5	15,7	+1,2
Говорят с большим трудом	7,6	1,3	-6,3	4,2	8,7	+4,5
Не владеют	4,2	13,0	+8,8	13,3	18,7	+5,4
ИТОГО	100	100	100	100	100	100

Несколько иные результаты были получены в выборке-2. Совершенно свободно думают на своем национальном языке дети 26 % респондентов, довольно свободно говорят дети 31 % опрошен-

ных. Имеет затруднения в разговорной речи – 15,7 %; еще 8,7 % говорит с трудом. И наконец, дети 18,7 % опрошенных вообще не владеют армянским.

Таким образом, доля владеющих национальным языком в совершенстве при переходе от поколения «отцов» к «детям» сократилась почти на треть (с 37,2 % до 26 %). При этом доля говорящих на армянском языке достаточно свободно практически не изменилась (соответственно 31 % и 30,8 %). В поколении детей несколько выросла доля говорящих с затруднением (15,7 % против 14,5 % у старших поколений). Но более чем в 1,5 раза стала больше общая доля говорящих с трудом и не владеющих армянским языком (26,7 % против 17,5 %). Таким образом, языковая аккультурация у респондентов, представлявших основное множество донских армян, также имела место. Но темпы ее были достаточно медленными. От старших возрастных поколений общины к младшим доля хорошо владеющих национальным языком сократилась с 68 % до 57 %.

Данное сокращение можно считать достаточно ограниченным, учитывая, что речь идет о временных интервалах, протяженность которых измеряется сменой поколений. Заметим, что оно оказалось менее существенным, чем у респондентов, представлявших ядерную группу общины (выборка-1). Хотя более логичным было предположить обратное – ускоренную утрату национального языка молодым поколением донских армян, не относящихся к группе этноактивистов. Причины этого языкового «парадокса» нуждаются в дополнительном изучении; возможно, в проведении более обширных и детальных социологических опросов. Но в качестве самого предварительного экспертного предположения можно заметить, что полученные результаты свидетельствуют о существенном сокращении общего «воспитательного» потенциала и возможностей семьи по полноценной национальной социализации молодого поколения общины в условиях плотной «инокультурной» среды русского региона. Это особенно ощутимо в городской среде, для которой характерно дисперсное расселение представителей общины (напомним, что выборка-1 в самой значительной степени была представлена именно такими городскими респондентами).

Иными словами, компактное расселение, все еще характерное для большинства сельских армян Ростовской области, в большей степени способствовало сохранению и межпоколенной передаче национального языка, нежели принадлежность к группе этноактивистов. Этнокультурный «педагогический» потенциал плотной армянской среды, по настоящее время сохраняющийся в ряде сел Ростовской области, оказывается больше воспитательных возможностей отдельных семей, даже если последние принадлежали к ядерной группе общины.

В 2021 г. мы можем наблюдать снижение процентного показателя общения на армянском языке между родителями и детьми. Похожие результаты были получены в ответах на вопрос «Доминирующий язык при общении с детьми»; им выступает русский язык – 27,1 %, а армянский язык используется реже: 18,6 % указали доминирующим языком Нор-Нахичеванский диалект и 11,4 % – восточно-армянский. Отметим, что русский язык в общении с детьми женщины используют чаще (28,2 %), чем мужчины (26,6 %). Вторым по значимости в общении с детьми стал Нор-Нахичеванский армянский диалект: мужчины 13,5 %, женщины 23,9 %. Доля респондентов, говорящих с детьми на восточно-армянском и западно-армянском языках составила еще меньше: 12,3 % и 7,6 %; 10,3 % и 3,9 %, мужчины и женщины соответственно. Такая динамика отражает прогрессирование ассимиляционно-аккультурационных процессов, риски которых снижаются благодаря тому, что поколение родителей стремится передать язык своим детям и готово использовать воспроизводственный потенциал языковых и армянских общеобразовательных школ в этих целях.

На вопрос «Вы бы отправили своих детей в армянскую общеобразовательную школу?» 43,8 % респондентов ответили «вероятно, да», а 14,6 % ответили «вероятно, нет». Вместе с тем третья часть еще не приняла решения по этому вопросу, и сюда можно отнести как ответивших «я еще не решил» – 19,8 %, так и 16,7 % затруднившихся ответить (см. табл. 4.5). Интересно, что в распределениях ответов по возрастным группам именно в возрастной группе 16–24 года больше всего респондентов – 51,6 % ответили поло-

жительно на вопрос, вероятно по причине недостаточности знаний армянского языка у них самих, с одной стороны, и осознания потребности в овладении армянским языком, – с другой.

Респонденты демонстрируют доверие образовательным организациям в обучении армянскому языку своих детей. В вопросе *«Что бы Вы хотели, чтобы армянские школы обеспечивали детям?»* наибольший процент набрал ответ «обучение армянскому языку» (мужчины 66,0 %; женщины 59,9 %). Опрошенные заинтересованы в создании армянских образовательных учреждений, так как с большей долей вероятности отправили бы именно в такую школу своих детей (мужчины 44,2 %; женщины 42,7 %). Ожидаемо высокий процент положительного ответа на вопрос *«Вы бы отправили своих детей в армянскую общеобразовательную школу?»* дали респонденты, которые в первом поколении проживают на территории РФ (58,3 %).

Таблица 4.5. Распределение ответов на вопрос «Вы бы отправили своих детей в армянскую общеобразовательную школу?», 2021 г., в %

	Всего, чел.	Возраст				Пол	
		16–24	25–34	35–54	55+	Муж.	Жен.
		969	203	247	353	173	438
Вероятно, да	43,8	51,6	42,1	39,6	33,3	44,2	42,7
Вероятно, нет	14,6	21,0	15,8	6,3	11,1	14,4	14,6
Я еще не решил	19,8	14,5	24,6	25,0	11,1	19,2	19,1
Не относится ко мне	5,2	0,0	8,8	6,3	14,8	7,7	4,5
Затрудняюсь ответить	16,7	12,9	8,8	22,9	29,6	14,4	19,1
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Подобный результат был показан и в опросе 2018 года, в котором значительная часть опрошенных положительно ответила на вопрос о необходимости школ с преподаванием армянского языка. Однако в данном исследовании при уточнении «готовы ли отдать своего ребенка в армянскую школу» процентный показатель снизился до 59,9 %, что, вероятно, вызвано желанием включить детей в российскую социокультурную среду с детства. Что касается гендерных различий в ответах на этот вопрос, то женщины в данном случае показали большую включенность в мультикультурное пространство региона и страны: только 48,1 % демонстрируют запрос на

преподавание предметов на армянском языке (в мужском сегменте выборки этот показатель составляет 65,7 %).

При переходе от абстрактных рассуждений о необходимости преподавания на армянском языке к конкретным социальным практикам респонденты снова показывают противоречие. Так, согласно данным опроса, только каждый третий респондент демонстрирует готовность отдать своего ребенка в армянскую школу, если бы она была. В их числе преобладают представители возрастной когорты 51–60 лет; молодежь гораздо реже видит необходимость в этом (18,9 % в группе 18–24 года, 29,3 % в группе 25–30 лет) (табл. 4.7).

Таблица 4.6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, нужны ли школы с преподаванием на армянском языке?», в зависимости от возраста, 2018 г., в %

Сколько Вам сейчас лет?	Как Вы считаете, нужны ли школы с преподаванием на армянском языке?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
18–24	35,2	44,0	20,9
25–30	48,8	24,4	26,8
31–40	58,2	20,9	20,9
41–50	55,6	18,1	26,4
51–60	64,7	9,8	25,5
61 и старше	61,9	19,0	19,0

Таблица 4.7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы Вам сейчас пришлось определять ребенка в школу и у Вас была возможность отдать его здесь в армянскую школу, сделали бы Вы это?», в зависимости от возраста, 2018 г., в %

Сколько Вам сейчас лет?	Если бы Вам сейчас пришлось определять ребенка в школу и у Вас была возможность отдать его здесь в армянскую школу, сделали бы Вы это?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
18-24	18,9	51,1	30,0
25-30	29,3	41,5	29,3
31-40	36,7	35,8	27,5
41-50	32,4	42,3	25,4
51-60	52,2	19,6	28,3
61 и старше	39,0	39,0	22,0

Распределения ответов на этот вопрос в гендерном срезе снова показывают более высокий запрос на воспроизводство языка у мужчин: в их числе 42 % отдали бы своего ребенка в армянскую школу, если бы была такая возможность. В женском сегменте выборки это готов сделать только каждый четвертый респондент (табл. 4.8).

Таблица 4.8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если бы Вам сейчас пришлось определять ребенка в школу и у Вас была возможность отдать его здесь в армянскую школу, сделали бы Вы это?» в зависимости от пола респондента, 2018 г., в %

Ваш пол	Если бы Вам сейчас пришлось определять ребенка в школу и у Вас была возможность отдать его здесь в армянскую школу, сделали бы Вы это?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Мужской	42,0	26,7	31,2
Женский	25,3	49,8	24,9

В числе вопросов об армянском языке имеется группа вопросов об обучении армянскому языку в качестве дополнительного образования, в которых более трети опрошенных изъявила положительный ответ на внешкольные занятия и занятия выходного дня (мужчины 57,4 %; женщины 43,3 %). В данном случае процент по сравнению со школами более высок. Подобные факультативы являются наиболее приемлемыми для респондентов, так как их можно совмещать с получением образования в общеобразовательных школах в регионе проживания.

Таким образом, владение армянским языком является характерной чертой армянской идентичности среди респондентов, опрошенных в 2021 год. Армянский язык в качестве черты идентичности выбрали 54,5 % мужчин и 54,0 % женщин, что поставило язык на второе место после семьи, хотя по данным опроса 2011 года самоидентификация определялась путем знания традиций (67,1 %), а знание языка стояло на 5-м месте (43,9 %).

По данным опроса 2018 г. армянский язык считают родным более половины опрошенных (56,4 %), однако более свободно респонденты владеют русским языком (34,7 %); выходит, что для респон-

дентов понятие «родного языка» не заключается в его лучшем знании в сравнении с русским. Важно также отметить, что мнение по вопросу необходимости преподавания на армянском языке значительно меняется в зависимости от принадлежности респондентов к возрастной когорте. В 2018 г. молодежная часть этнической группы армян региона не видела необходимости в воспроизводстве родного языка. Мнение группы 25–30 лет более диффузное: большинство здесь уже согласны с необходимостью передачи следующим поколениям языка через преподавание предметов, но более чем каждый четвертый здесь не смог озвучить однозначную позицию. Остальные, более старшие, возрастные группы утверждают важность преподавания школьных дисциплин на армянском языке более однозначно. Однако при переходе от абстрактных рассуждений о необходимости преподавания на армянском языке к конкретным социальным практикам респонденты снова демонстрируют противоречие: большинство не готовы отдать своего ребенка в армянскую общеобразовательную школу.

Соответственно, язык выступает в качестве внутреннего отношения к нему самого индивида, его психологической установке. Многие продолжают использовать армянский язык во внутрисемейном общении, что поддерживает его воспроизводство. Значительная доля опрошенных в 2021 г. видит необходимость в создании армянских школ и курсов дополнительного образования, в которых будет проводиться языковое обучение.

РАЗДЕЛ 5

Оценка внутренней коммуникации армянской общины Ростовской области

Внутриобщинные коммуникации как совокупность взаимодействий между членами диаспоры являются основным направлением, обеспечивающим жизнедеятельность и функционирование этнической общины. Как правило, данное направление коммуникации представляет собой социальные взаимодействия между членами общины, обеспечивающие основу для солидарной деятельности внутри группы, согласование внутригрупповых интересов и консолидацию усилий в разных сферах жизни. Помимо мобилизации сил для достижения целей, разрешения противоречий и выхода из конфликтных взаимодействий, внутриобщинные взаимодействия включены в процессы сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности. Обеспечение согласованных взаимодействий внутри этнической общины способствует поддержке интереса к истории народа, к жизни родины, сохранению этнокультурных компонентов и в первую очередь, языка, традиций и обычаев своего народа. Внутренние коммуникации необходимы для организации эффективного взаимодействия внутри диаспоры, которая является «организационным воплощением интересов своего народа, стремящегося сохранить свою национальную самобытность, свою самостоятельность, свою культуру, свои обычаи, традиции»¹.

¹ Тощенко Ж. Т. Концепция национальной политики опять не состоялась? // Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М.: РГГУ, 1997. С. 178.

В отечественной литературе выделяют¹ такие направления коммуникаций, как «диаспора – страна исхода», или все связи и взаимодействия диаспорных групп и государства исхода; «диаспора – принимающее общество», или совокупность культурных, экономических, политических и иных взаимоотношений диаспоры и государства укоренения; внутридиаспорные коммуникации, включая транснациональные взаимодействия. Характер, направленность и интенсивность связей «диаспора – страна исхода» зависит, в частности, от экономических, социальных, политических процессов в стране пребывания и на исторической родине, а также от истории взаимоотношений России и региона исхода.

Характер внутриобщинных коммуникаций определяется и взаимодействием членов этнической общины со страной исхода, поддержкой взаимодействий как на межличностном (родственном) уровне, так и на уровне интереса к стране и к политике государства в частности.

Среди представителей армянской общины, проживающих в Ростовской области, 41,3 % никогда не бывали в Армении, 32,4 % – посещали от 1 до 3 раз, 26,7 % – были в Армении более чем 3 раза.

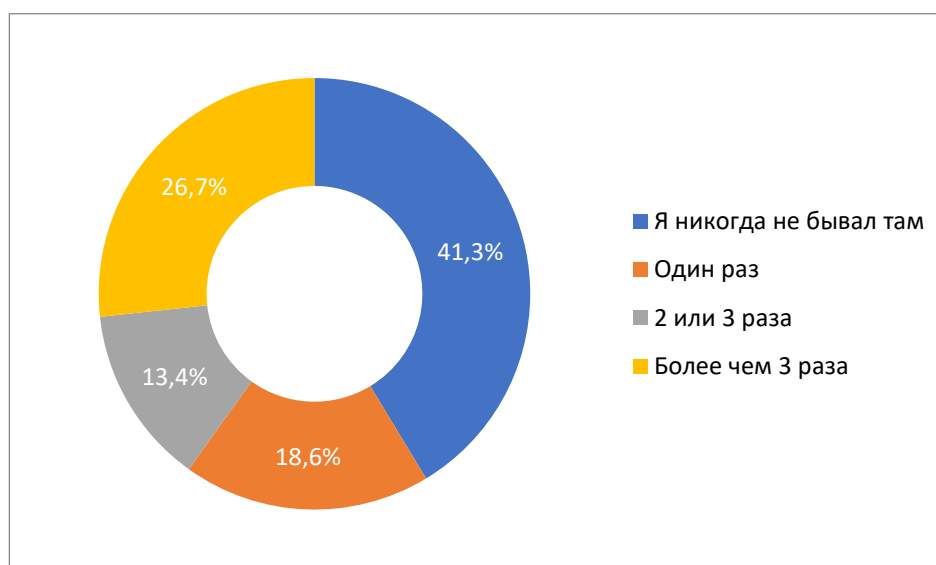

Рисунок 5.1. Распределения ответов о посещении Республики Армении, %, 2021 г.

¹ *Пешкова В.* Особенности диаспорных коммуникаций в современной России // *Власть.* 2013. № 10. С. 74–78; *Мыльников М. А.* Современные диаспоры в глобальном коммуникационном пространстве // *Вестник Московского университета.* Сер. 18. Социология и политология. 2007. № 2.

Распределения по полу показали более высокую мобильность среди мужчин, чем среди женщин. Среди тех, кто никогда не посетил Республику Армения, женщины составляют 44,8 % (что больше средних значений по выборке на 3,5 %), мужчины – 38,6 % (разница составляет 6,2 %). При этом среди тех, кто посещал Армению с частотой 2–3 раза и более 3 раз, женщин меньше, чем мужчин. Если 2–3 раза посещали Армению 15,8 % мужчин, то женщин – 10,6 % (разница составляет 5 п.п.). Более 3 раз посещали Армению 29,2 % мужчин и 23,5 % женщин (разница составляет 5,7 п.п.).

Распределения по возрасту выявляют вполне закономерные линейные зависимости: чем старше респонденты, тем чаще они посещали Республику Армения (34,2 % в возрасте старше 55 лет и 22,8 % в возрасте 16–24 года). Соответственно среди молодежи в возрасте 16–24 года каждый второй никогда не бывал в Республике Армения (50,6 %), в то время как среди старшего поколения – 29,3 % (каждый третий).

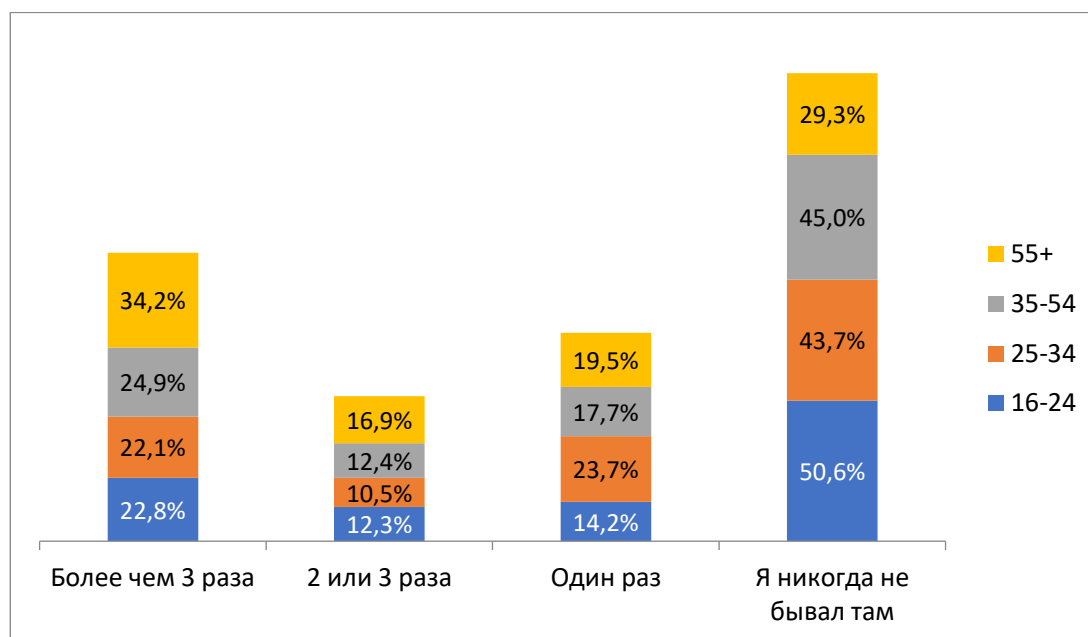

Рисунок 5.2. Распределения ответов на вопрос о посещении Республики Армения в зависимости от возраста респондентов, %, 2021 г.

Опросы, проведенные в период с 2011 по 2021 год, зафиксировали различный уровень связей со страной исхода у представителей армянской общины Ростовской области. Как правило, интенсивность

посещений своей исторической родины зависит от такого параметра как длительность проживания в Ростовской области. Мигранты первого поколения, в отличие от родившихся в регионе, сохраняют более тесные контакты со страной исхода, поддерживают связи и чаще посещают Армению. Так, по данным 2018 года, среди армян, уроженцев Ростовской области, тех, кто «практически не выезжает» и не бывает в Армении в 2 раза больше, чем среди приехавших в регион в последние 1–2 года (69,5 % и 28,6 % соответственно).

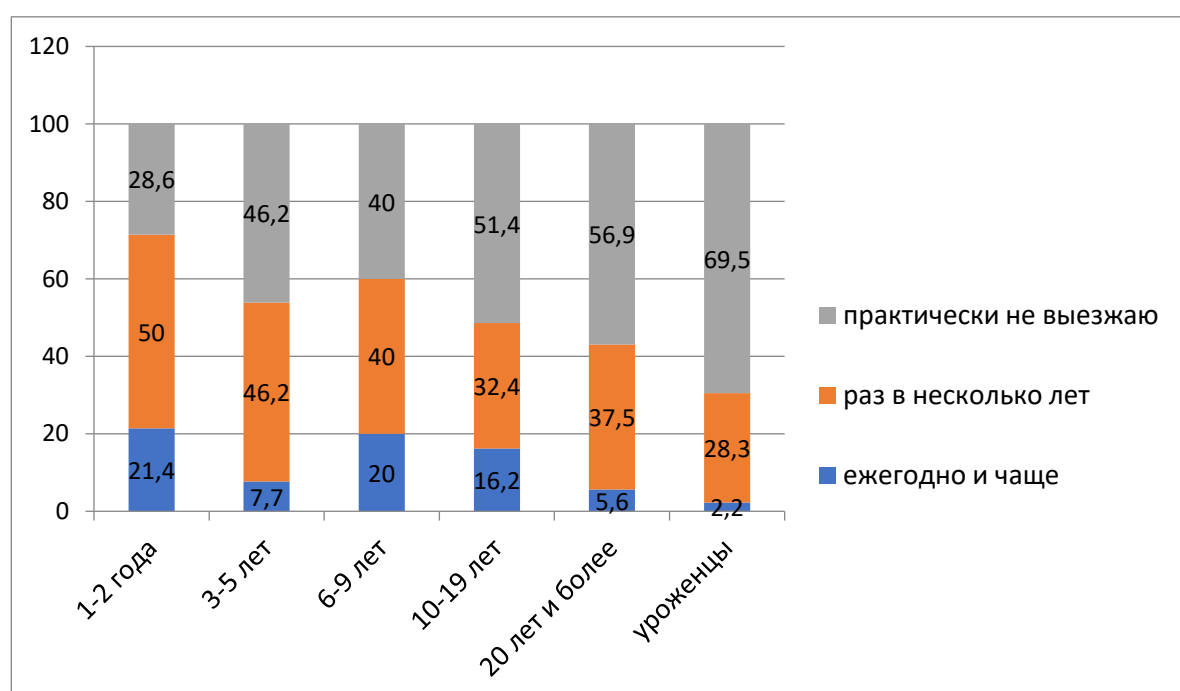

Рисунок 5.3. Распределение ответов о посещении респондентами Армении в зависимости от времени их проживания в Ростовской области, %, 2018 г.

По данным опроса 2021 года тенденции сохраняются: Республику Армения реже других посещали респонденты, являющиеся уроженцами Ростовской области (переехавшими в регион являются старшее поколение их семей – бабушки и дедушки или поколение старше). Среди никогда не посещавших историческую родину эта категория респондентов составляет 49,2 % (практически каждый второй). Соответственно среди респондентов, являющихся мигрантами первого поколения, интенсивность посещения родины выше, практически 60 % из них посещали страну более 3 раз. Прожива-

ющие в регионе на основании переезда их родителей достаточно активно поддерживают отношения с исторической родиной, среди них только 26,6 % никогда не были в Республике Армения.

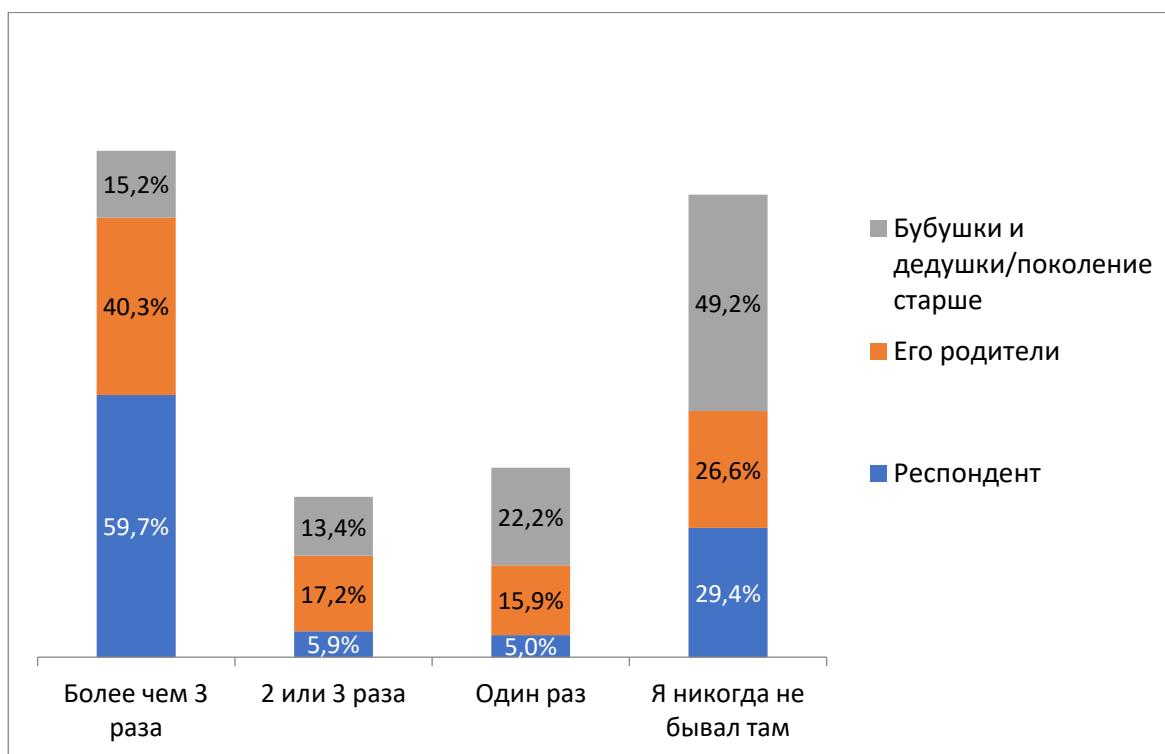

Рисунок 5.4. Распределение ответов на вопрос о посещении Республики Армения в зависимости от времени проживания в Ростовской области, %, 2021 г.

Установки на поддержку отношений с исторической родиной среди представителей армянской общины Ростовской области выражены более ярко, чем реализуемые практики. Планируют посетить Республику Армения в общей сложности 74,8 % респондентов. Из них имеют такие планы на ближайшие два года – 45,1 %, а «хотели бы посетить когда-нибудь» – 29,7 %. Доля не имеющих подобных планов и «затруднившихся с ответом» составляет 25,3 %, то есть практически каждый четвертый представитель общины. Распределения по возрасту показали, что в основном эту группу составляют люди в возрасте старше 55 лет (34,0 % не собираются посещать и 9,4 % – затруднились с ответом). Несмотря на то, что молодежь имеет выраженные установки на посещение Республики Армения в ближайшие два года (54,0 % в возрасте 16–24 года и 57,0 % в возрасте 25–

34 года), среди этих возрастных групп отсутствие планов на посещение исторической родины зафиксировано на уровне 12,4 %–11,1 %.

У возрастной группы 35–54 года установки на посещение Республики Армения «когда-нибудь», но не в ближайшей перспективе, выражены на уровне 36,5 %, что выше показателей других возрастных групп. Подобные установки могут быть опосредованы социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками респондентов, выступающими барьерами в построении краткосрочных планов: семейным статусом респондентов, экономической активностью и занятостью в общественном производстве, наличием детей и иждивенческой нагрузки.

Планы на посещение Республики Армения в гендерном разрезе имеют некоторую специфику, обусловленную ценностно-ролевыми паттернами, определяющими поведенческие практики мужчин и женщин в рамках этнической культуры. Так, женская часть армянской общины реже мужчин планирует посетить историческую родину в ближайшие два года. Если среди мужчин планирует каждый второй (50,4 %), то среди женщин – 38,3 % (разница составляет 12,1 п.п.). Также женщины в 2 раза чаще мужчин затруднились с ответом на данный вопрос (11,2 % и 6,1 % соответственно). Тем не менее в женском сегменте армянской общины Ростовской области ориентация на внутренние коммуникации по направлению «община – страна исхода» выражена достаточно сильно – 71,1 % женщин имеют планы на посещение Республики Армения. Отличия от установок мужчин незначительны в количественном выражении (77,5 % у мужчин и 71,1 % у женщин) и носят скорее структурный характер.

Низкий уровень посещений Республики Армения среди представителей армянской общины, являющихся уроженцами Ростовской области во 2-м или 3-м поколении, согласуется с высоким процентом среди них тех, кто не собирается посещать историческую родину. Практически каждый пятый (22,7 %) из их числа не планирует и 8,6 % – затрудняются с ответом на этот вопрос. Также среди них почти в 2 раза меньше тех, кто планирует посетить Армению в течение следующих двух лет (35,4 % при средних значениях 45,0 % и 61,7 % среди групп переселенцев 1-го и 2-го поколения).

Поездки на родину наряду с устойчивыми установками на поддержку отношений со страной исхода важны не только для переселенцев первого поколения, но и для значительной части старожильческой части армянской общины Ростовской области. Воспроизводство семейных и дружеских связей обеспечивает условия для внутриобщинной коммуникации, помогает использовать данные связи в качестве основных источников информации, которые связывают страну исхода и принимающее сообщество.

Среди представителей армянской общины Ростовской области наиболее распространенными формами коммуникации являются семейные и дружеские связи. Каждый третий (31,5 %) респондент отметил семью и 14,2 % – друзей. Надо отметить, что в структуре армянской общины 45,2 % отметили отсутствие каких-либо активных связей с Республикой Армения. Среди них преобладают женщины (52,4 % женщин и 39,1 % мужчин), респонденты старшего поколения (58,1 % в возрасте 55+) и молодежь 16–24 года (41,0 %), а также родившиеся в Ростовской области (61,9 %).

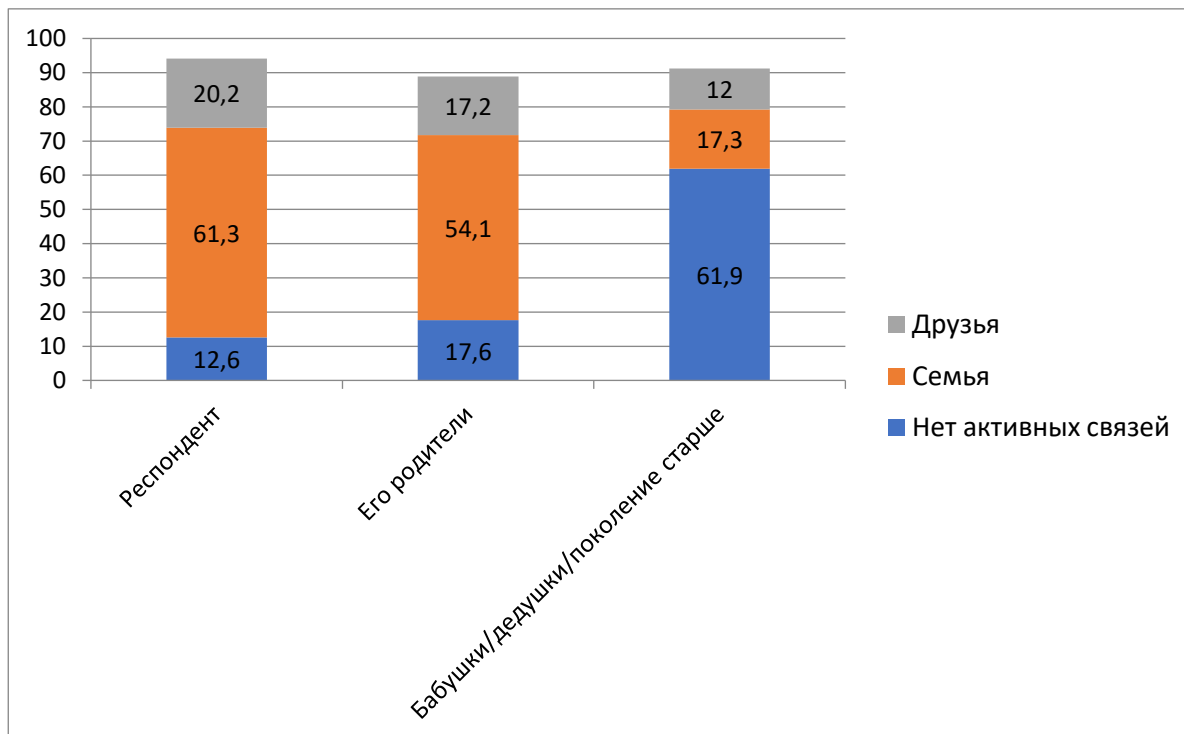

Рисунок 5.5. Распределение ответов на вопрос об активных связях с Республикой Армения в зависимости от времени переселения респондента в Ростовскую область, %, 2021 г.

Несмотря на большую долю респондентов, не поддерживающих активные связи с Республикой Армения, возможности для получения информации расширяются благодаря информационно-коммуникационным технологиям, в том числе Интернету и социальным сетям. Подавляющее большинство представителей армянской общины следят за текущими событиями в Республике Армения через СМИ и Интернет. С разной степенью регулярности 85,3 % респондентов следят за событиями на исторической родине. При этом 44,0 % получают информацию ежедневно или несколько раз в неделю, показатели выше средних по выборке характерны для возрастной группы 35–54 года (48,8 %), мужчинам (51,1 %) и респондентам, переселившимся в Ростовскую область самостоятельно или во втором поколении (76,5 % – сам респондент переехал в Ростовскую область, 59,7 % – родители респондента переехали в Ростовскую область) (табл. 5.1). Ежедневная включенность в получение информации о событиях в Республике Армения находится в зависимости от возраста респондента и времени его проживания на территории Ростовской области.

Таблица 5.1. Распределения ответов на вопрос о ежедневном (или несколько раз в неделю) получении информации о текущих событиях в Республике Армения в СМИ или Интернете в зависимости от возраста, пола и времени пребывания в Ростовской области, %, 2021 г.

Общее значение	Возраст				Пол		Первые прибывшие в регион		
	16–24	25–34	35–54	55+	Мужчины	Женщины	Респондент	Его родители	Ббушки и дедушки/ поколение старше
44,0	34,6	43,7	48,8	41,9	51,1	35,3	76,5	59,7	31,8

Никогда не следят за событиями в Армении только 14,8 %, структура данной группы представлена преимущественно молодежью в возрасте 16–24 года, уроженцами Ростовской области.

Важным аспектом внутриобщинной коммуникации является адаптация к новым экономическим, социально-экономическим и

социокультурным условиям в принимающем сообществе при сохранении и развития языка и культуры (традиций, обычаев, национальной кухни и т.д.) своего народа.

Практики взаимодействия, направленные на сохранение этнической культуры и укрепление этнической идентичности представителей армянской общины затрагивают непосредственно сферы семейно-брачных и дружеских отношений. Социальная дистанция с представителями других национальностей менее всего допустима в зоне близкого межличностного взаимодействия на уровне семьи и дружеских отношений.

Приемлемость межнациональных браков в 2011 году среди представителей армянской общины Ростовской области составляла порядка 86,6 %, из которых за абсолютное принятие таких браков выступало только 35,4 %¹. При этом настроения жителей сельской местности более консервативны, среди них сторонников межнациональных браков было всего 27,5 %, что меньше среднего значения на 7,9 %.

Исследование 2018 года зафиксировало аналогичную тенденцию: наиболее чувствительной сферой для межнационального взаимодействия выступает сфера семейно-брачных и дружеских отношений. Допустимы межнациональные браки для 70,4 % респондентов, из них в меньшей степени для женщин (67,0 %) и тех, кто проживает на территории Ростовской области 1–2 года (57,1 %).

В рамках исследования 2021 года были зафиксированы следующие социальные характеристики представителей армянской общины Ростовской области: у более 80 % респондентов или их супруга/супруги оба родителя, бабушки и дедушки армяне; практически у всех среди друзей – представители своей этнической группы (у 60 % – большинство друзей армяне).

Второй по степени закрытости к внеобщинному взаимодействию является сфера дружеских отношений. По состоянию на 2021 год 60,7 % респондентов ответили, что большинство их друзей армяне, что соответствует данным 2018 года, согласно которым

¹ Армянские диаспоры юга России: социологический портрет и проблемы идентичности / Ю. Г. Волков, Г. В. Мирзоян, В. В. Черноус, А. В. Сериков, Ф. А. Барков, А. Р. Нагапетян, Д. О. Садко. Ростов-на-Дону: Южнороссийский филиал Института социологии РАН, 2011. 81 с.

67,9 % респондентов считают близкими друзьями людей своей этнической группы. О высоком уровне внутриобщинных связей и коммуникаций свидетельствует развитая сеть дружеского взаимодействия между членами армянской общины Ростовской области. Только 1,1 % респондентов отметили, что среди их друзей нет ни одного армянина, что характерно для молодежного сегмента (1,9 % в возрасте 16–24 года) в силу расширения коммуникационных технологий и возможностей вступать в коммуникацию за пределами не только социального, но и физического пространства.

Таблица 5.2. Приемлемость социальных отношений с людьми другой национальности в зависимости от пола и времени проживания в Ростовской области, %, 2018 г.¹

		Брачные отношения	Дружба	Соседи	Коллеги по работе	Жители города
По времени проживания в Ростовской области						
1	1–2 года	57,1	86,7	93,3	92,9	92,9
2	3–5 лет	88,9	88,9	100,0	100,0	90,0
3	6–9 лет	63,6	70,0	66,7	87,5	77,8
4	10–19 лет	61,5	71,4	95,2	95,2	78,6
5	20 лет и более	59,3	84,0	85,4	91,5	83,0
6	уроженцы	74,8	94,7	88,4	95,9	96,0
По полу						
	мужчины	74,1	91,9	91,4	95,4	92,9
	женщины	67,0	88,3	85,6	94,6	92,0
Средние значения по выборке						
	Всего	70,4	89,9	88,3	94,9	91,8

Таблица 5.3. Национальность супруга/супруги в зависимости от времени проживания респондентов в Ростовской области, %, 2018 г.²

		Русский(ая)	Армянин(ка)	Другой национальности
1	1–2 года	33,3	66,7	0,0
2	3–5 лет	27,3	72,7	0,0
3	6–9 лет	23,1	61,5	15,4
4	10–19 лет	16,1	77,4	6,5
5	20 лет и более	15,4	80,0	4,6
6	уроженцы	13,9	80,9	1,7
	Итого	16,2	78,6	3,2

¹ Фоном выделены значения, превышающие средние по выборке, как в сторону уменьшения, так и увеличения.

² Фоном выделены значения, превышающие средние по выборке, как в сторону уменьшения, так и увеличения.

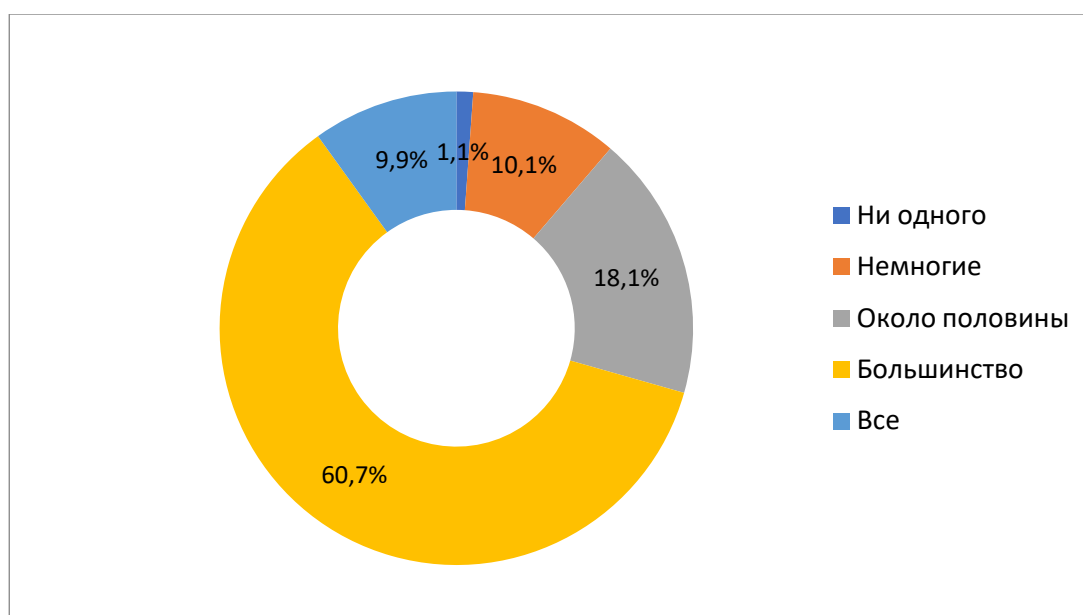

Рисунок 5.6. Распределение ответов на вопрос о количестве друзей армянской национальности у респондентов, %, 2021 г.

Таблица 5.4. Национальность близкого друга в зависимости от возраста респондента, %, 2018 г.¹

	Возрастная группа	Русский(ая)	Армянин(ка)	Дагестанец (дагестанка)	Чеченец (чеченка)	Татарин (татарка)	Узбек (узбечка)	Украинец (украинка)
1	18–24	35,2	59,3	3,3	0,0	0,0	0,0	2,2
2	25–30	22,5	67,5	5,0	0,0	2,5	2,5	0,0
3	31–40	33,0	67,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
4	41–50	15,5	78,9	4,2	1,4	0,0	0,0	0,0
5	51–60	30,0	70,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
6	61 и старше	36,6	63,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
	Итого	29,4	67,4	2,0	0,2	0,2	0,2	0,5

Система внутриобщинной коммуникации определяется структурой диаспоры и характером сложившихся горизонтальных связей между представителями разных диаспорных групп, отличающихся историей переселения, степенью укорененности в регионе проживания. Например, старожильческое армянское население,

¹ Фоном выделены значения, превышающие средние по выборке, как в сторону уменьшения, так и увеличения.

Таблица 5.5. Национальность близкого друга в зависимости от времени проживания респондентов в Ростовской области, %, 2018 г.¹

	Возрастная группа	Русский(ая)	Армянин(ка)	Дагестанец (дагестанка)	Чеченец (чеченка)	Татарин (татарка)	Узбек (узбечка)	Украинец (украинка)
1	1–2 года	33,3	60,0	0,0	0,0	0,0	6,7	0,0
2	3–5 лет	33,3	58,3	0,0	0,0	0,0	0,0	8,3
3	6–9 лет	37,5	56,2	6,2	0,0	0,0	0,0	0,0
4	10–19 лет	23,7	71,1	5,3	0,0	0,0	0,0	0,0
5	20 лет и более	35,1	58,1	4,1	1,4	1,4	0,0	0,0
6	уроженцы	26,7	72,1	0,8	0,0	0,0	0,0	0,4
	Итого	28,9	67,9	2,0	0,2	0,2	0,2	0,5

компактно расселенное в Ростовской области, переселенцы советского периода и мигранты новой волны. Эти внутриобщинные группы отличаются своими культурными и идентификационными характеристиками, что влияет на характер и интенсивность внутриобщинной коммуникации.

Исследования начиная с 2011 года фиксируют признание респондентами такого рода различий между представителями армянской общины, прибывшими в Ростовскую область из разных стран и регионов. Практически 81,0 % отмечают различия разной степени проявления, от «очень заметных» (48,1 %) до «небольших» (32,9 %) (см. рис. 5.7).

Данные 2018 года отражают тенденцию признания различий между внутриобщинными группами, однако имеют иную структуру, отличающуюся смещением акцентов с «очень сильных различий» к «небольшим и практически незаметным». Практически не изменилась за это время доля не имеющих сформированного мнения по данному вопросу и выбравших ответ «затрудняюсь ответить» – порядка 15 % (см. рис. 5.8).

¹ Фоном выделены значения, превышающие средние по выборке, как в сторону уменьшения, так и увеличения.

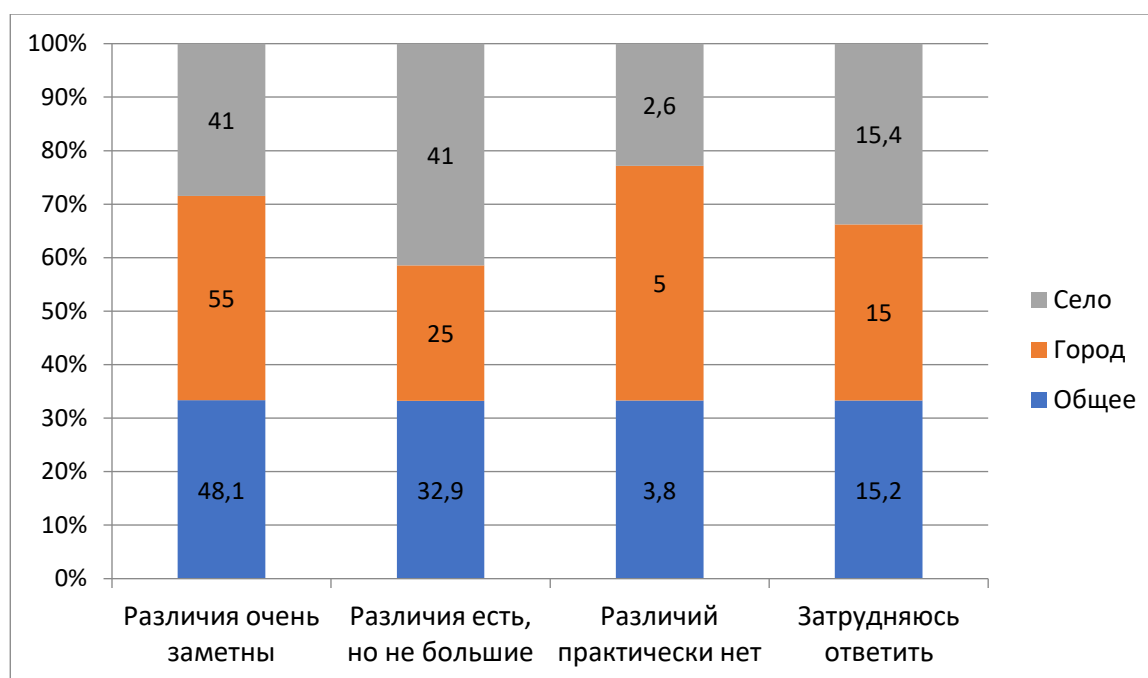

Рисунок 5.7. Распределение ответов о наличии различий между армянами – выходцами из разных стран и регионов (Баку, Нагорного Карабаха, Абхазии, Грузии) в зависимости от типа поселения, %, 2011 г.

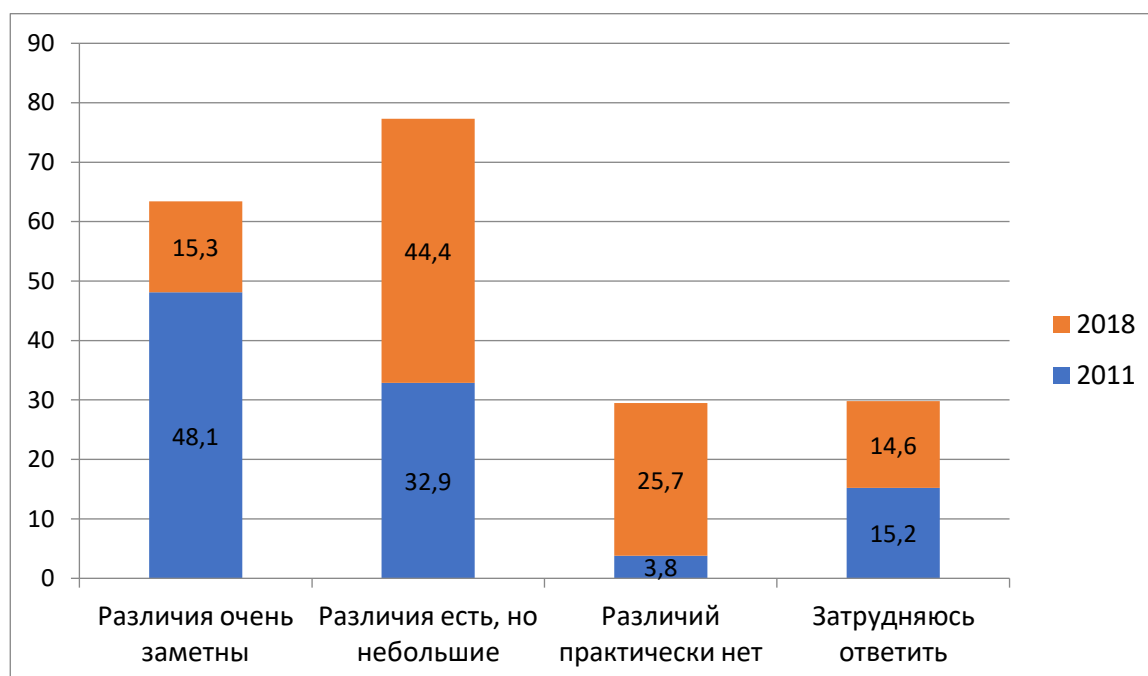

Рисунок 5.8. Динамика оценок наличия и степени выраженности различий между армянами – выходцами из разных стран и регионов (Баку, Нагорного Карабаха, Грузии, Абхазии, Армении), %, 2011–2018 гг.

Как правило, основные различия в оценках представителей армянской общины, зафиксированные в 2011 и 2018 годах, заключаются в «особенностях языка» (68,3–74,6 %), «особенностях обрядов» (28,5–50,7 %), «в особенностях повседневного поведения» (20,3–41,8 %), «в отношениях к представителям других народов» (11,4–31,3 %), «в отношениях к российскому государству» (9,0–30,0 %), «в отношении к деньгам» (6,9%–14,9 %), «во взаимоотношениях между старшими и молодежью» (7,3–11,9 %).

Достаточно широкий диапазон различий между диаспорными группами подтверждается эпизодическим характером взаимодействия с представителями армянского народа из других территорий. В 2011 году преобладающим ответом на данный вопрос был вариант «практически не общаемся». Практически половина опрошенных не общаются с армянами из стран СНГ (50,7 %), стран дальнего зарубежья (49,3 %) и даже с армянами из соседних регионов (45,1 %). При этом каждый пятый общается с представителями данных групп время от времени.

Индикатором характера внутриобщинной коммуникации, ориентированной на принимающее сообщество, может выступать отношение к другим, в частности, к мигрантам и вынужденным переселенцам из других стран. В целом, отношение к данной социальной группе у представителей армянской общины положительное, в большей степени выражаемое в категориях «равнодушие» (41,3 %) и «сочувствия» (36,3 %)¹. Отличия в оценках представителей армянской общины в зависимости от типа поселения проявляются в негативном отношении, характерном для незначительной доли сельских жителей (7,9 %), и несформированном мнении жителей села – среди них на 10 % больше тех, кто затруднился с ответом на данный вопрос.

Установки на доброжелательное отношение к мигрантам и беженцам сохраняются у представителей армянской общины Ростовской области и в 2021 году: 41,1 % считают, что общество должно доброжелательно принимать беженцев; каждый четвертый (25,0 %)

¹ Данные 2011 года.

убежден в том, что необходимо ограничить число беженцев, прибывающих в страну; 34,0 % затруднились с ответом.

Максимальный уровень открытости в отношении беженцев свойственен молодежи в возрасте 16–24 года – среди них каждый второй (52,5 %) придерживается позиции доброжелательного отношения к ним. Чаще других возрастных групп негативное отношение проявляется в возрастной группе старше 55 лет: 28,0 % считают, что число беженцев нужно ограничить и 36,4 % затрудняются с ответом на данный вопрос. Существенных различий в оценках в зависимости от пола и продолжительности проживания респондента в регионе не выявлено.

Ориентация на открытость армянской общины проявляется в установках на оказание помощи другим народам: 60,0 % считают, что армяне должны помогать другим нациям, когда возникает необходимость, и только 16,6 % являются сторонниками этнической замкнутости и считают, что армяне должны быть сосредоточены только на оказании помощи другим нуждающимся армянам (рис. 5.9).

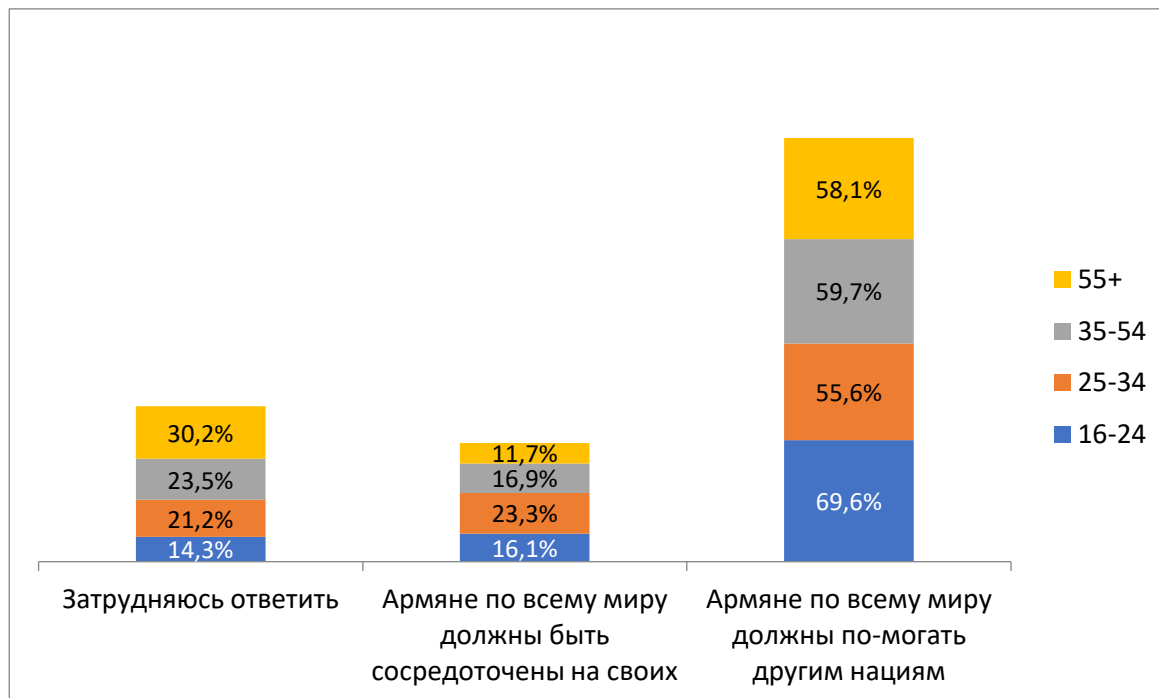

Рисунок 5.9. Представления об оказании помощи представителям своей этнической группы в зависимости от возраста респондентов, %, 2021 г.

Распределения по возрасту подтверждают выраженные ориентации на открытость, зафиксированные у молодежного сегмента армянской общины в возрасте 16–24 года: 70 % молодых людей считают, что армяне должны помогать другим нациям, когда возникает необходимость. Противоположная позиция чаще, чем в других возрастных группах, выражена у молодежи в возрасте 25–34 года. Среди них 23,3 % являются сторонниками ориентации на помощь только представителям своей этнической группы.

При этом члены армянской общины, переселившиеся в Ростовскую область в первом поколении, в большей степени, чем старожильческое население, ориентированы на оказание помощи только представителям своей этнической группы. Среди старожильческой части армянской общины их практически в 4 раза меньше, чем среди мигрантов первого поколения: 9,2 % и 35,0 % соответственно. В целом, ориентация на открытость и помощь другим народам находится в зависимости от времени проживания респондентов в Ростовской области. Чем дольше срок проживания в регионе, тем выше степень открытости и готовности оказывать помощь нуждающимся в помощи, независимо от этнической принадлежности. Так, более 60,0 % (64,3 %) старожильческой части общины считают необходимым помогать другим народам, среди представителей общины, родители которых являются переселенцами в регион, сторонников данной позиции – 54,7 % (что на 10,0 % меньше) и среди респондентов, которые сами переехали в Ростовскую область, имеющих такое мнение 47,5 % (что меньше на 15,8 % и 10,0 % соответственно) (рис. 5.10).

Процессы внутриобщинной коммуникации обеспечиваются наличием общих ценностных оснований. Анализ аксиологических компонентов социальных взаимодействий в рамках внутригруппового взаимодействия в рамках проведенных исследований проведен на основании такого индикатора как «оценка отношения к авторитету старших», характерного для ряда традиционных культур. Выбор суждений респондентами показывает детоцентристские тенденции в культуре и снижение безусловного авторитета старшего поколения и демократизации в системе детско-родительских

отношений. В большей степени сторонниками данных тенденций является молодежь 16–24 года (67,9 %), в меньшей – поколение старше 55 лет (43,4 %), разница в оценках данных возрастных групп составляет 24,5 %. Соответственно старшее поколение убеждено в том, что дети никогда не должны ставить под сомнение суждения старших (26,8 % среди респондентов 55+ и 17,9 % в возрасте 17,9 %, разница составляет 9,0 %) (рис. 5.11).

То есть принцип авторитета старших теряет свою устойчивость и снижается по мере снижения возраста респондентов. В отличие от старшего поколения молодежь в большей степени выступает за возможность проявления самостоятельности в своей жизни, без жесткой ориентации на мнение старших (68 % молодежи и 43 % респондентов в возрасте 55+). Каждый пятый затруднился ответить на этот вопрос, что позволяет рассматривать эти 20 % респондентов, находящихся в состоянии неопределенности, как потенциальных респондентов, мнение которых со временем может склониться в сторону «самостоятельности» молодежи.

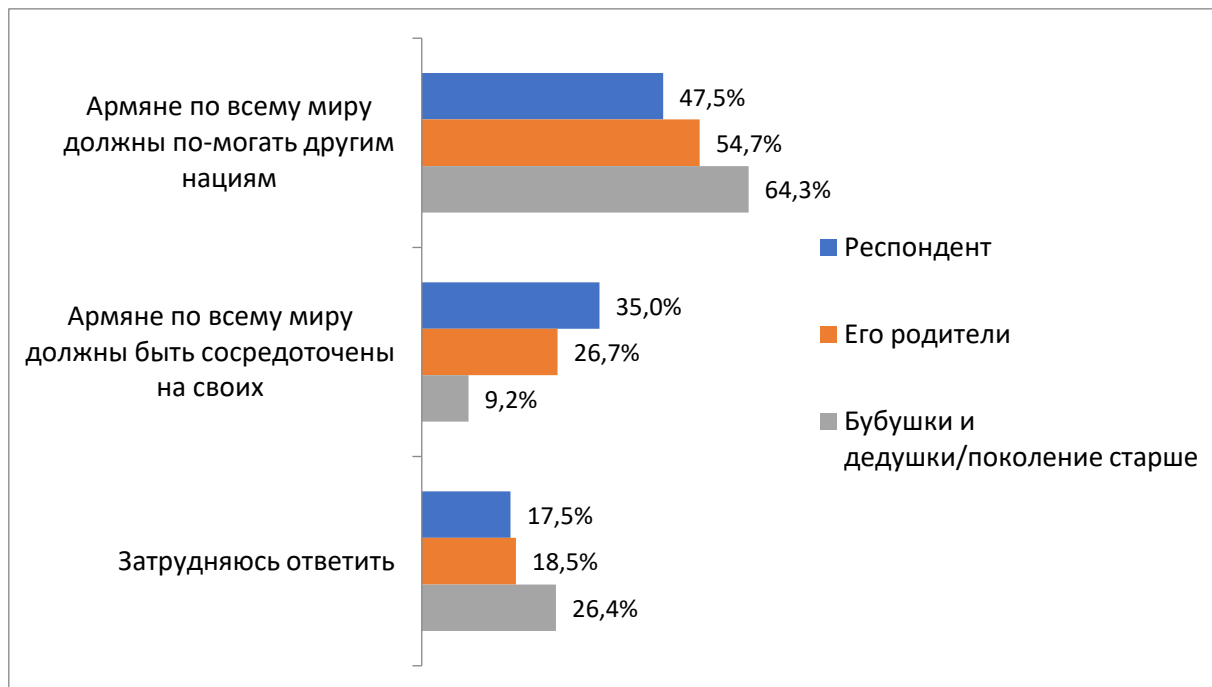

Рисунок 5.10. Ориентация на оказание помощи по принципу «свой народ – другие народы» в зависимости от времени проживания респондентов в регионе, %, 2021 г.

Рисунок 5.11. Выбор суждений о признании авторитета старших в зависимости от возраста респондентов, %, 2021 г.

Существенных отличий по гендерному признаку и времени проживания респондентов в регионе не выявлено, за исключением того, что мужчины чаще, чем женщины, выступают за беспрекословный авторитет старших (23,0 % мужчин и 17,6 % женщин, разница 7,4 п.п.). Кроме того, респонденты, являющиеся мигрантами первого поколения, чаще являются носителями патриархальных ценностей, регулирующих отношения между поколениями, и соответственно выступают за авторитет старших (27,7 %), в то время как старожильческая часть общины склоняется к признанию самостоятельности детей в принятии решений, только 18,9 % среди них сторонники авторитета старших (рис. 5.12).

Важным субъектом внутриобщинной коммуникации являются национально-культурные объединения, включенные в процессы адаптации новых членов общины к культуре и правилам принимающей стороны и сохранения этнической идентичности представителей своего народа. Структура взаимодействия, обеспечиваемая при непосредственном участии данных некоммерческих организаций, характеризуется информационным и культурным обменом, финансовой и консультативной поддержкой.

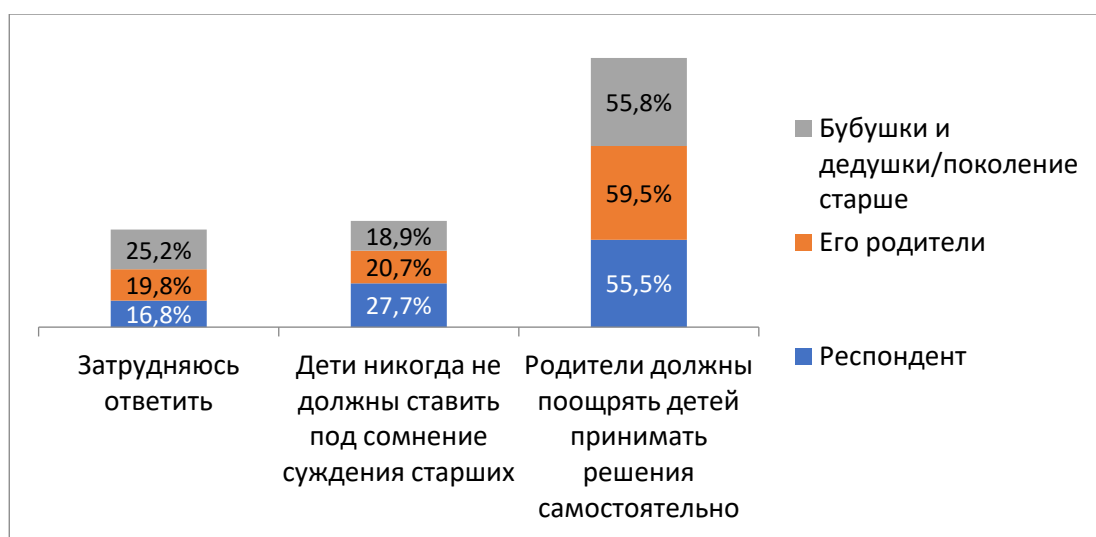

Рисунок 5.12. Выбор суждений о признании авторитета старших в зависимости от времени проживания респондентов в Ростовской области, %, 2021 г.

Несмотря на то, что большинство представителей общины в 2011 году не пользовались помощью общины (78,0 %), они высоко оценивали ее роль в «сохранении армянской культуры» (78,0 %), «налаживании связей с армянами из других регионов» (28,0 %) и «налаживании связей с армянами из других стран, включая Армению» (28,0 %), то есть в обеспечении внутриобщинных коммуникаций, имеющих как внешний, так и внутренний вектор взаимодействия.

Те, кто обеспокоен состоянием стабильности и крепости армянской общины в регионе (а это 57 % опрошенных, для оставшихся 43 % – «не является проблемой лично для них»), как правило, отмечают объективные факторы. Это ассимиляционные процессы (17 %), смешанные браки (15 %), а также институциональные условия организации деятельности армянской общины. К числу институциональных условий относится отсутствие необходимой, для обеспечения внутриобщинной коммуникации, инфраструктуры (отсутствие помещений – 10 %, удаленность от мест проведения мероприятий/представителей народа – 8 %, и связанные с этим ограниченные возможности изучения и использования армянского языка в повседневной жизни – 13 %). Каждый пятый опрошенный связывает эти угрозы с отсутствием мероприятий, ориентированных на молодежь с учетом их интересов (20 %) (см. рис. 5.13).

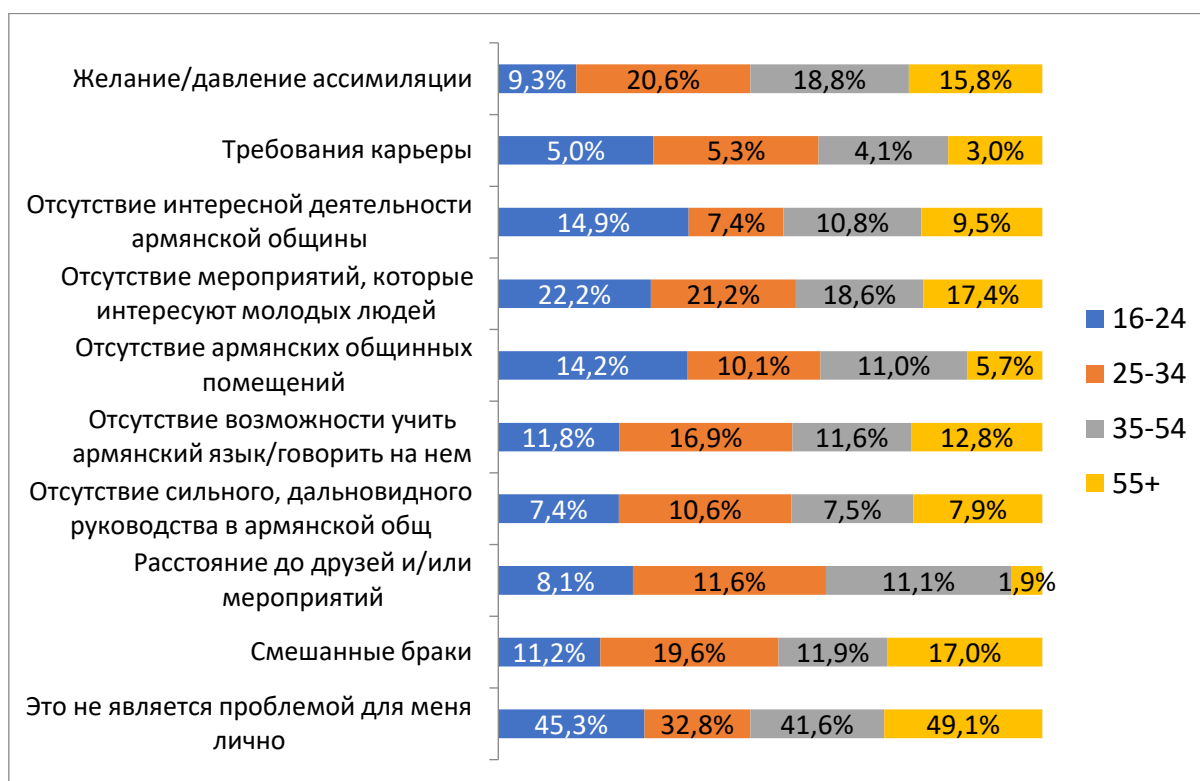

Рисунок 5.13. Распределение ответов на вопрос об основных угрозах армянской общине в зависимости от возраста респондентов, %, 2021 г.

Свое неучастие в проводимых в рамках общины мероприятиях респонденты в основном связывают с двумя факторами – дефицитом времени (50 %) и неоправданными эмоциональными ожиданиями со стороны участников и организаторов мероприятий (86 % считают, «что им не радъ») (см. рис. 5.14).

В целом, внутривидиаспорная коммуникация армянской общины Ростовской области неравномерна и отражает ее сложносоставность. Одним из следствий сложносоставности диаспоры является проблема отсутствия устойчивого и регулярного взаимодействия между разными диаспорными группами из разных стран и регионов, широкий диапазон различий между ними.

При сохранении высокого уровня этнической идентичности и уважительного отношения к армянской истории и культуре в армянской общине Ростовской области происходит трансформация ценностных ориентиров у ее представителей, что влияет на межпоколенческое взаимодействие в рамках этнической группы и характер внутриобщинной коммуникации.

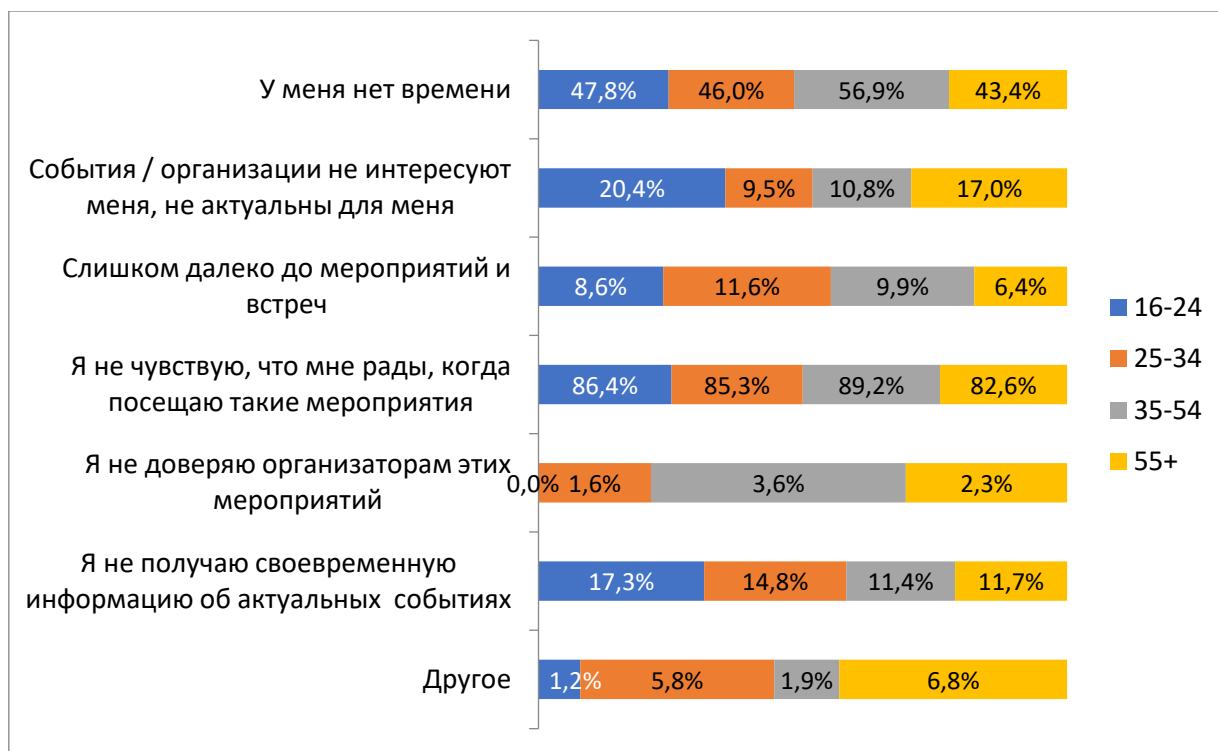

Рисунок 5.14. Распределение ответов на вопрос о личных причинах неучастия в деятельности общины в зависимости от возраста респондентов, %, 2021 г.

По критерию открытости/замкнутости члены армянской общины Ростовской области демонстрируют высокий уровень ориентации на других. Ценности взаимовыручки и поддержки других этнических групп придерживаются более половины представителей общины. Двумерные распределения по возрасту не показали особых отличий, однако есть особенности в ответах респондентов в зависимости от времени их проживания на территории Ростовской области. Чем дольше респондент проживает в регионе (поколение их бабушек и дедушек), тем больше для него характерна ориентация на открытость.

Хотя диаспорные группы имеют выраженную поведенческую установку на поддержку беженцев и мигрантов, тем не менее в структуре диаспоры прослеживается дистанция между группами из разных стран и регионов, отмечаемые представителями общины отличия и соответствующие барьеры, которые характеризуют внутриобщинные коммуникации.

Несмотря на большую долю респондентов, не поддерживающих активных связей с Республикой Армения, представители общины активно используют Интернет и СМИ для получения информации о текущих событиях в Республике Армения, за исключением молодежи, которая независимо от этнической принадлежности склонна к аполитичности и отстраненности от социально-политических процессов, происходящих на социетальном уровне.

Кроме того, внутриобщинные коммуникации играют мобилизующую роль, позволяющую транслировать и воспроизводить не только информацию, но и символические и культурные паттерны, которые обеспечивают воспроизводство этнической идентичности. Ведущая роль в обеспечении внутриобщинной коммуникации разной направленности (община – страна исхода, община – принимающее сообщество) сохраняется за родственными, личными и дружескими связями.

Важным субъектом внутриобщинной коммуникации являются национально-культурные объединения, включенные в процессы адаптации новых членов общины к культуре и правилам принимающей стороны, сохранения этнической идентичности представителей своего народа, а также обеспечения внутриобщинных коммуникаций, имеющих как внешний, так и внутренний вектор взаимодействия. Структура взаимодействия, обеспечиваемая при непосредственном участии данных некоммерческих организаций, характеризуется информационным и культурным обменом, финансовой и консультативной поддержкой.

РАЗДЕЛ 6

Общая оценка деятельности общины и ее потенциала в сохранении языка и других элементов армянской культуры

В условиях глобализации культурного пространства национальные общины, как показывают исследования, остаются важным агентом сохранения и воспроизводства языка, идентичности и элементов этнической культуры¹.

В рамках нашего исследования в числе прочих была поставлена задача: выявить, как менялись представления армянского населения Ростовской области о роли общины в их жизни. Данный блок вопросов был представлен в исследовательском инструмента-

¹ См.: *Лубский А. В., Сериков А. В., Терещенко А. А.* Функциональная роль диаспор и потенциал интеграции мигрантов (на примере Ростовской области) // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2016. № 11. С. 49–54; *Куцаева М. В.* Сохранение этнической культуры чувашей в условиях московской диаспоры // *Этническая культура.* 2019. № 1(1). С. 27–39; *Симонов С. Г., Хаматханова М. А.* Формирование диаспор и диаспоральной культуры Тюменской области: социологический анализ // *Омский научный вестник.* 2011. № 4(99). С. 37–40; *Айкина Л. П., Геворгян М.* Пути сохранения этнической культуры диаспоры в рамках деятельности этнокультурного объединения // *Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств).* 2018. № 3(17). С. 100–104.

рии 2011¹, 2018² и 2021 гг., однако вопросы не были полностью идентичными. Тем не менее полученные результаты позволяют сформировать общее представление о динамике оценок и, как следствие, сделать общий вывод о значимости деятельности общины в жизни донских армян.

По результатам исследования 2011 г. видно, что армянская диаспора Дона не является в восприятии армян региона единым целым. Как видно из данных, представленных далее на рисунке 6.1, респонденты обращают внимание на ее отдельность по территориальному признаку (47,5 %) и волнам миграции (33,8 %); при этом сельские жители ощущают дифференциацию сильнее (т.к. в небольших локальных социумах большинство дифференцирующих признаков воспринимается острее). При этом респонденты практически не отмечают поколенческих разрывов (3,8 %). Расслоение в рамках диаспоры по материальному признаку в целом по выборке ощущается слабо – 8,8 %, однако в сельской местности ситуация иная: здесь почти каждый четвертый опрошенный говорит о разделенности диаспоры по этому параметру.

Одним из важных индикаторов важности деятельности диаспоры является вовлеченность представителей этнической группы в ее деятельность. Как правило, осуществляется она через участие в работе этнических общественных организаций, объединений, добровольных ассоциаций и т.д. По результатам исследования 2011 г. можно говорить о низком уровне вовлеченности. Это проявляется в следующем. Первое – низкий уровень информированности о деятельности диаспоры: только 13,6 % опрошенных отметили, что знают о деятельности добровольных армянских общественных организаций. Интересно отметить, что в городах этот показатель ни-

¹ Армянские диаспоры юга России: социологический портрет и проблемы идентичности / Волков Ю. Г., Мирзоян Г. В., Черноус В. В., Сериков А. В., Барков Ф. А., Нагапетян А. Р., Садко Д. О. Ростов-на-Дону: Южнороссийский филиал Института социологии РАН, 2011. 81 с.

² Суцый С. Я. Армяне России – геодемографические тенденции прошлого, современные реалии и перспективы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 3. С. 127–152; Батиев Л. В., Суцый С. Я. Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 71–88.

же, чем в целом по выборке (9,5 %). В числе оставшихся 56,8 % информированы поверхностно, 29,6 % – не владеют никакой информацией. Данные представлены на рисунке 6.2.

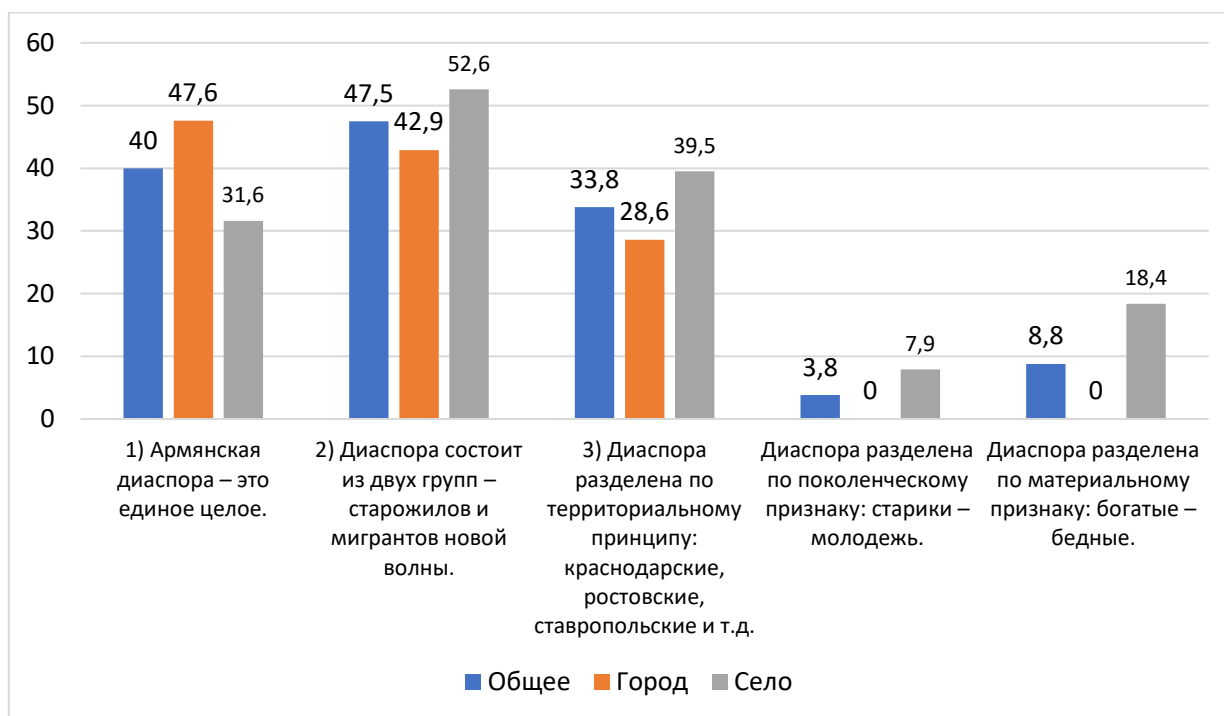

Рисунок 6.1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, представляет собой армянская диаспора Юга России?», %, 2011 г.

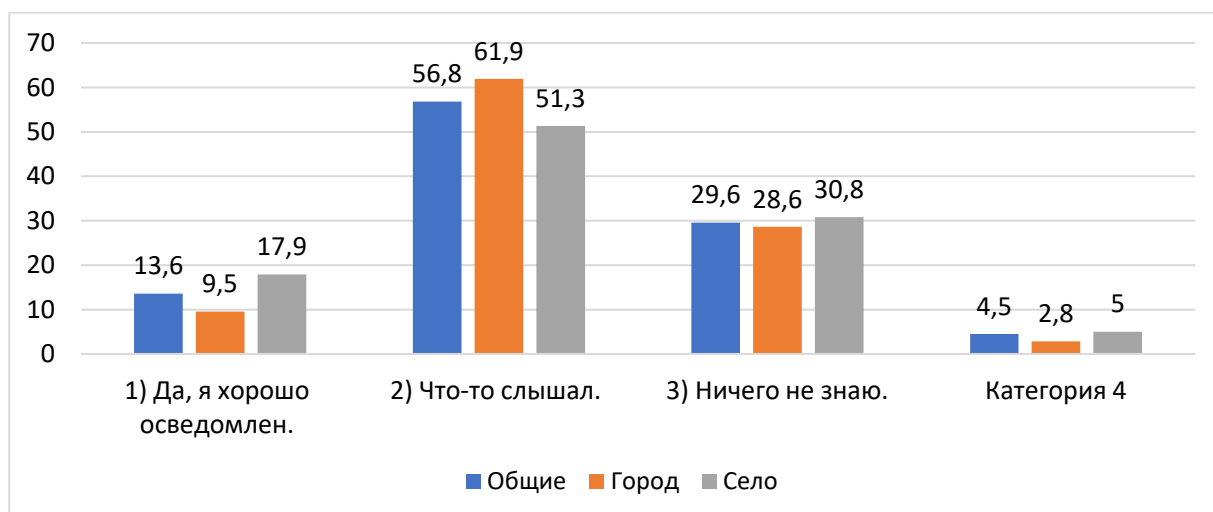

Рисунок 6.2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Знаете ли Вы о деятельности армянских общественных организаций, добровольных ассоциаций?», %, 2011 г.

При этом фиксируемый уровень вовлеченности в деятельность подобных объединений по результатам исследования 2011 г. был значительно ниже уровня информированности: 88,8 % респондентов не участвовали в мероприятиях, организованных диаспорой (рис. 6.3).

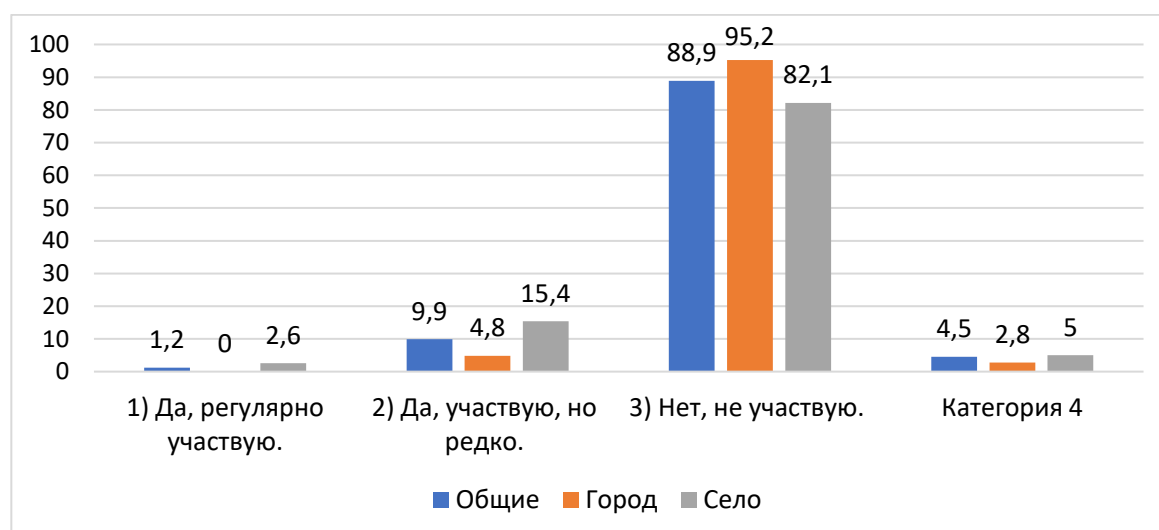

Рисунок 6.3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Участвуете ли Вы в деятельности армянских общественных организаций, добровольных ассоциаций?», %, 2011 г.

В 2011 г., по оценкам армян региона, община не была институтом оказания помощи в решении тех или иных проблем: об этом говорит 78 % респондентов в целом по выборке. Интересно отметить, что в сельской местности этот показатель еще выше – 80 %, хотя в небольших локальных сообществах чаще, чем в городе, помощь, поддержка оказываются через неформальные каналы и персонифицированные связи. Данные представлены ниже на рисунке 6.4.

Если лично опрошенные к помощи общины не прибегают, то для армян региона они отмечают ее важность. Так, согласно данным исследования 2011 г., большинство респондентов отмечают важность деятельности диаспоры для сохранения армянской культуры (78 %). Интересно при этом отметить низкую оценку потенциала диаспоры в сохранении армянской идентичности (18,3 %). На втором месте – налаживание связей с представителями этнической группы, проживающими за пределами региона и страны (по 28 % в

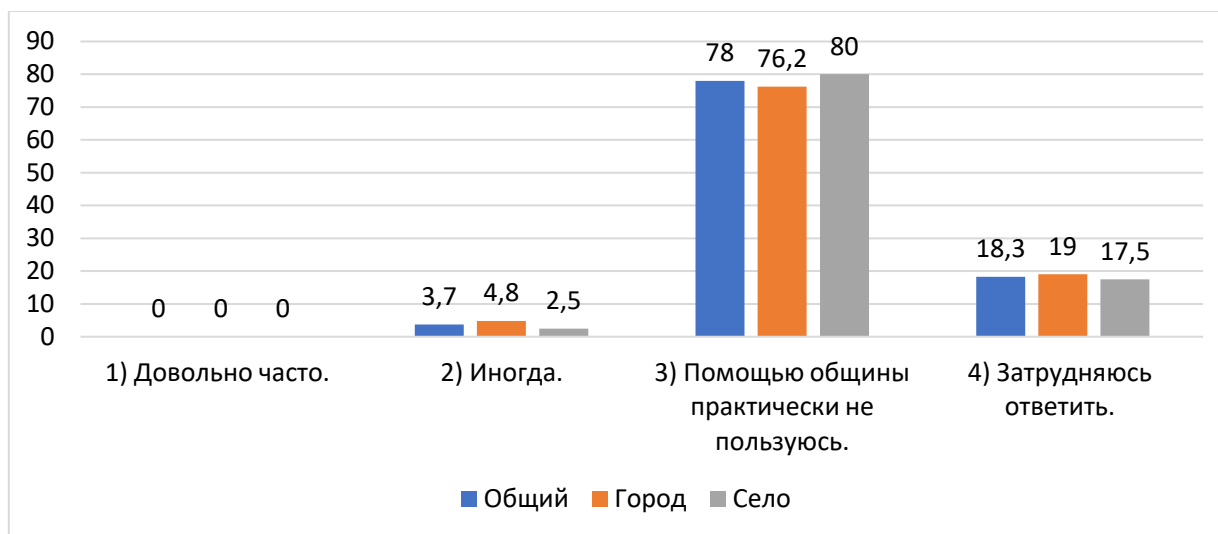

Рисунок 6.4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Часто ли Вы прибегаете к помощи армянской общины при решении тех или иных проблем?», %, 2011 г.

каждом случае). Возвращаясь к распределениям ответов на предыдущий вопрос, можно сделать следующий вывод: диаспора, по мнению армян региона, полезна для так называемого «воображаемого сообщества» (пользуясь термином Б. Андерсона), как субъект организации повседневной социальной коммуникации опрошенными она рассматривается значительно реже. Данные представлены на рисунке 6.5.

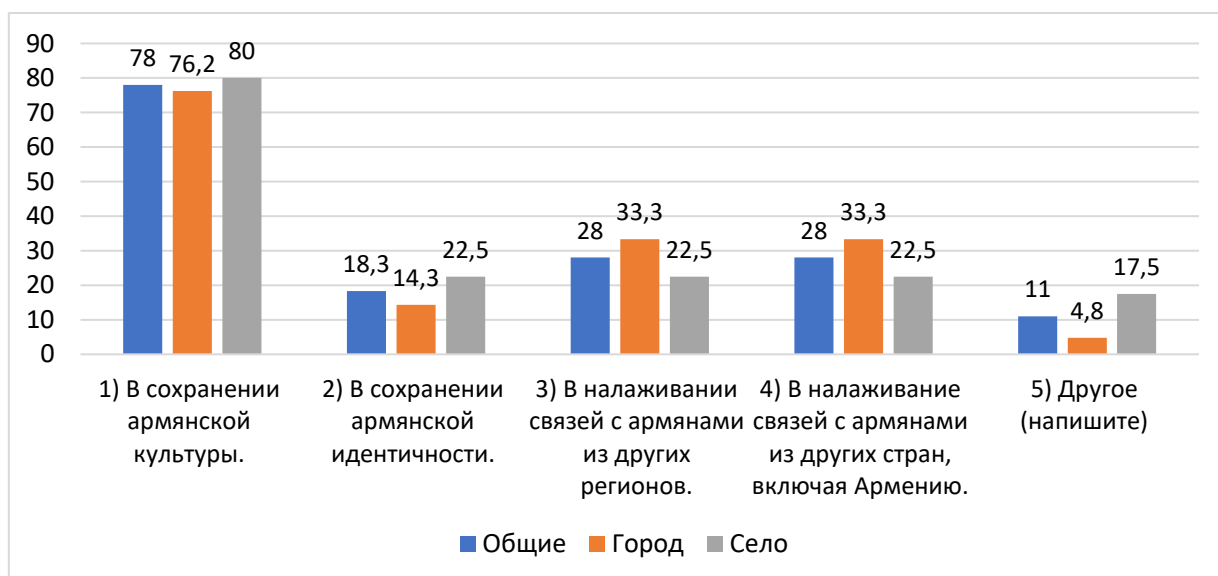

Рисунок 6.5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Чем армянам Вашего региона помогает диаспора, прежде всего?», %, 2011 г.

Таким образом, по результатам опроса 2011 г. фиксировалась достаточно низкая вовлеченность армян Дона в жизнь диаспоры: низкая информированность о ее деятельности, отсутствие интереса к направлениям работы. Противоречивые мнения сложились при оценке диаспоры как института сохранения и трансляции армянской культуры: с одной стороны, в этом отношении признается ее потенциал, с другой – отмечается, что диаспора слабоэффективна в сохранении армянской идентичности и налаживании связей с этническими представителями других территориальных сообществ. В целом можно говорить о том, что для большинства участников исследования деятельность общины не была частью повседневных социальных практик.

В 2018 г. ситуация была несколько иной. Первое, что следует отметить, – выросла общая информированность о деятельности армянской общины: 40,6 % респондентов смогли назвать известные им армянские объединения, культурные центры и общества. Уровень информированности несколько выше в старших возрастных группах (51–60 лет – 42 %, 61 и старше – 52,5 %; в более младших возрастных группах этот показатель не превышает 40 %); гендерных различий выявлено не было. В то же время перечень этих организаций невелик: подавляющее большинство (94,5 %) смогли назвать только Нахичеванскую-на-Дону общину.

В то же время показатели вовлеченности в деятельность общины в 2018 г. по-прежнему оставались низкими: только каждый десятый респондент имел контакты с объединениями, созданными диаспорой. В возрастных группах старше 31 года этот показатель выше, чем среди молодежи (в первом случае он колеблется от 14,7 до 16,7 %, во втором – не превышает 6 %). Несколько чаще о подобных контактах говорят мужчины (14,9 % против 9 % среди женщин).

Какого характера контакты с общиной преобладали? Как показали результаты опроса (рис. 6.6), прежде всего это разного рода сотрудничество (55,5 %). Каждый третий отметил творческие контакты. Обращает на себя внимание достаточно редкое упоминание родственных контактов (11,1 % в целом по массиву); это означает, что объединения в рамках диаспоры являются преимущественно социальными кругами второго порядка.

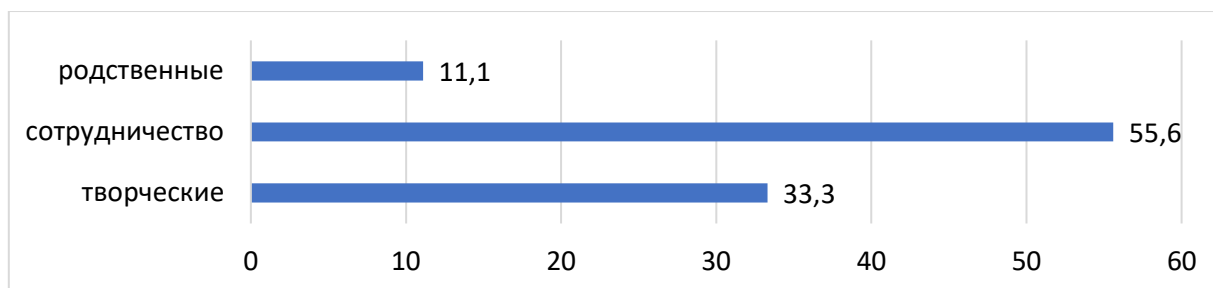

Рисунок 6.6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие это контакты» (из числа имеющих контакты с общественными объединениями в рамках диаспоры), %, 2018 г.

Следующая группа вопросов касалась оценок необходимости изучения родного языка в школах. Почему эти вопросы задавались именно в блоке о деятельности общины? Потому, что традиционно именно диаспоры (помимо государства) выступают активными субъектами институционализации изучения и воспроизводства языка и культуры: организацией учебных классов, выпуском учебников, внеурочной деятельностью и т.д. По результатам опроса 2018 г. можно отметить интересную тенденцию: будучи достаточно слабо вовлеченными в жизнь общины, респонденты активно выступают за изучение армянского языка в школах и преподавании предметов на нем. Как видно из данных на рисунке 6.7, каждый второй респондент демонстрирует соответствующий запрос. То есть фактически не желая включаться в число активных участников деятельности национальных центров/обществ, значительная часть респондентов хотела бы, чтобы региональная община сохраняла и поддерживала владение языком.

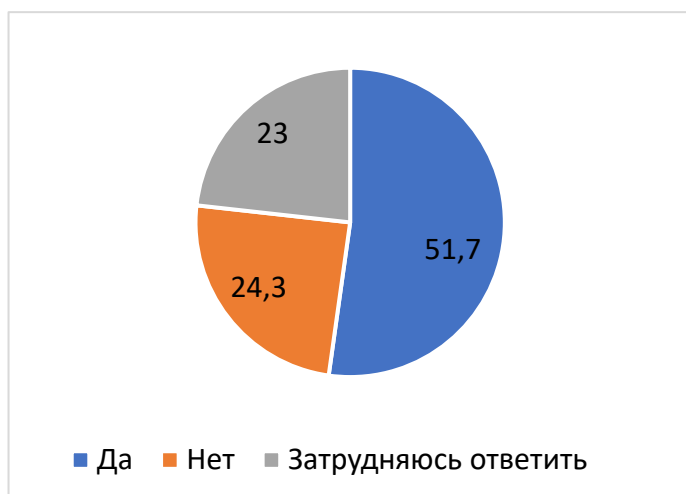

Рисунок 6.7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, нужны ли школы с преподаванием на армянском языке?», %, 2018 г.

Важно отметить, что мнения по вопросу необходимости преподавания на армянском языке значительно меняются в зависимости от принадлежности респондентов к возрастной когорте. Молодежь имеет более однозначную отрицательную позицию: в возрастной группе 18–24 года 44 % – против, затрудняется ответить только каждый пятый. То есть уже в 2018 г. молодежная часть этнической группы армян региона не видела необходимости в воспроизводстве родного языка. Мнение группы 25–30 лет более диффузное: большинство здесь уже согласны с необходимостью передачи следующим поколениям языка через преподавание предметов, но более чем каждый четвертый здесь не смог озвучить однозначную позицию. Старшие возрастные группы утверждают важность преподавания школьных дисциплин на армянском языке более однозначно. Наиболее высокий запрос демонстрирует старшее поколение (64,7 % в группе 51–60 и 61,0 % в группе 61 год и старше).

Подведем промежуточный итог. Результаты исследования 2018 г. не показывают существенной динамики в оценках представителями армянского этноса Дона деятельности своей национальной общины. Несколько вырос уровень информированности о мероприятиях, однако вовлеченность в них по-прежнему остается низкой; особенно это характерно для представителей молодого поколения, что свидетельствует об их желании интегрироваться в культуру российского социума. По результатам исследования 2018 г. можно также констатировать теоретический характер обеспокоенности армян Дона сохранением и воспроизводством этнической культуры: подчеркивая необходимость ее трансляции, респонденты показывают желание включить своих детей в более широкий социокультурный контекст. В этом отношении снова ярко выделяются более молодые возрастные когорты. Важно также отметить, что женщины чаще заинтересованы в комплексной социокультурной интеграции своих детей; с одной стороны, это подтверждает маскулинность традиционной армянской культуры (мужчины чаще выступают за этническую социализацию детей), а с другой – говорит о более высоком осознании женщин важности включения детей в статусные профессиональные сообщества и иерархии за пределами традиционных поселений армян.

В исследовании 2021 г. блок анкеты, посвященный роли общины в жизни армян Дона, представлен более широким спектром вопросов. По замыслу авторов, ответы на них должны показать вовлеченность в культурную, политическую жизнь диаспоры, а также выявить возможные пути оптимизации ее деятельности.

Выяснение того, что из себя представляет община в восприятии респондентов, было задумано через выявление факторов риска ее распада. Как видно из данных на рисунке 6.8, 42,6 % опрошенных не считают это проблемой; из этого следует их низкая вовлеченность в деятельность диаспоры или полное ее отсутствие. Если же говорить о рисках, то наиболее актуальным из них является отсутствие каналов коммуникации с молодежью, неумение ее заинтере-

Рисунок 6.8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Из нижеперечисленных ответов что является самой большой угрозой крепости Вашей армянской общине?», 2021 г.

совать (19,6 %). В эту же группу ответов можно добавить вариант «отсутствие интересной деятельности армянской общины (10,5 %). 16,7 % полагают, что самой большой угрозой крепости армянской общины является желание/давление ассимиляции (напомним, именно эта тенденция была зафиксирована в качестве основной в динамике развития армянской общины Дона по результатам исследования прошлых лет). Смешанные браки воспринимаются как риск распада общины в 14,8 % случаев. Интересно отметить, что незнание языка в целом по выборке считает угрозой только 12,9 % опрошенных; это еще раз подтверждает сделанный выше вывод о том, что армяне Дона не связывают воспроизводство культуры и идентичности с этим важным аспектом.

Анализ полученных ответов в разрезе возрастных когорт интересно дополняет сделанные выше выводы. Вопреки гипотезе проблема распада общины не вызывает беспокойства примерно в равной степени у всех возрастных групп респондентов (перепады процентных соотношений в данном случае объясняются скорее особенностями выборки). Мнения о факторах риска несколько отличаются. Так, молодежь чаще говорит о том, что община не может предложить для нее интересных мероприятий (22,2 % в группе 16–24 года, 21,2 % в группе 25–34 года). Обращает внимание на себя тот факт, что отсутствие возможности учить язык называется как фактор риска примерно с одинаковой частотой во всех возрастных группах; доля этих ответов не превышает 17 %, таким образом, запрос на воспроизводство языка оказался неожиданно низким как среди молодежи, так и среди старших поколений; и в этом смысле в сравнении с результатами 2018 г. ситуация несколько изменилась (напомним, данные показывали более высокий уровень запроса у возрастных когорт 51+). Это еще раз подтверждает факт медленной, но непрерывной ассимиляции армянского этноса в мультикультурное пространство региона и страны. Данные представлены на рисунке 6.9.

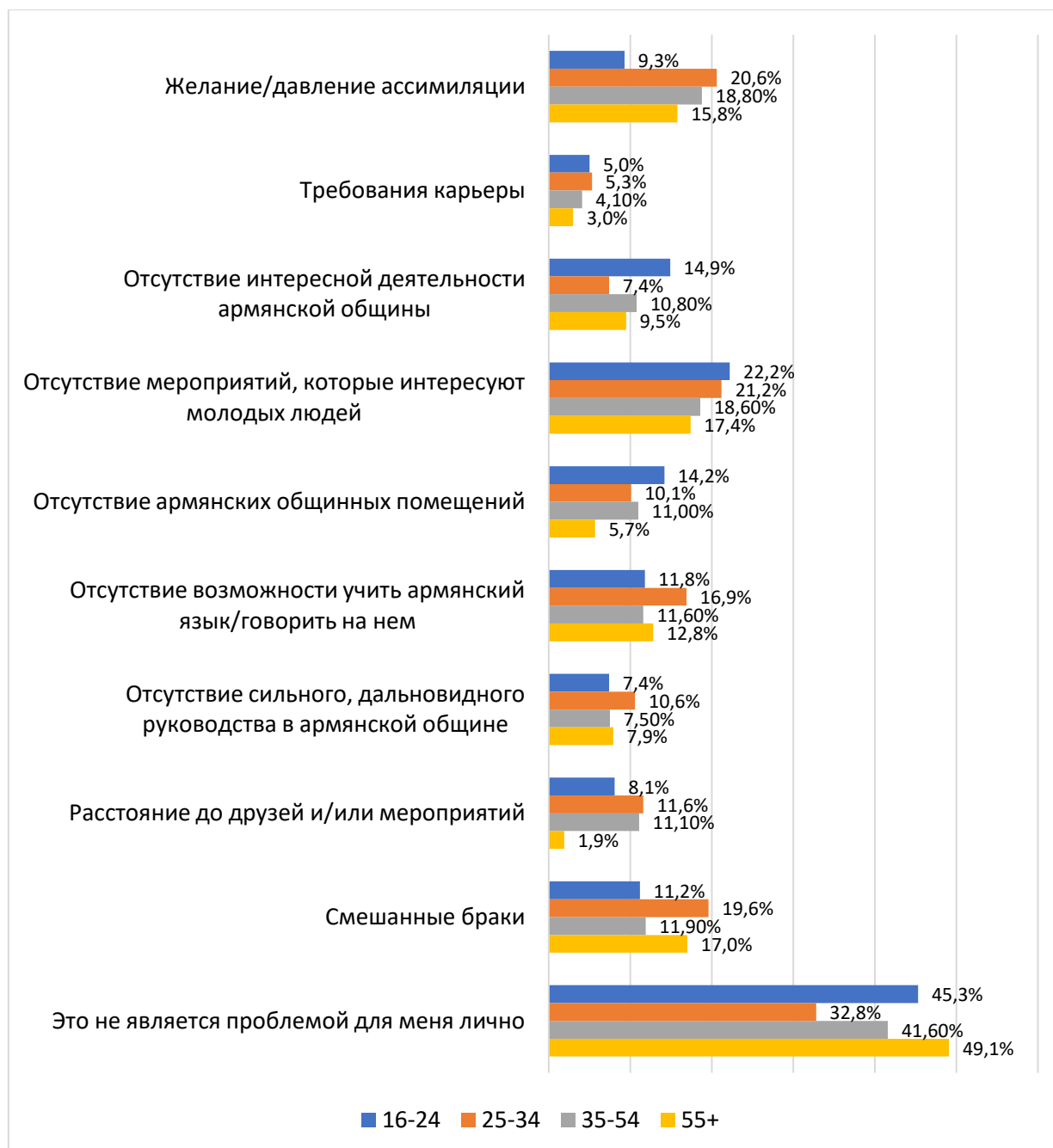

Рисунок 6.9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Из нижеперечисленных ответов что является самой большой угрозой крепости Вашей армянской общине?», в зависимости от возраста респондентов, 2021 г.

Дифференциация оценок потенциальных угроз распада общины прослеживается и при обращении к распределениям ответов в зависимости от того, какое поколение армян впервые прибыло в Россию. Как показано на рисунке 6.10, первое и второе поколение

Рисунок 6.10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Из нижеперечисленных ответов что является самой большой угрозой крепости Вашей армянской общине?», в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению прибывших, 2021 г.

прибывших говорят о наличии рисков чаще (в сегменте выборки, где респонденты – первое поколение прибывших, доля таковых составляет 76,7 %, поколение родителей респондента – 70,3 %, в то время как выходцы из семей, живущих на Дону три и более поколения, видят угрозы только в 51,1 % случаев). Приехавшие в первом или втором поколении чаще ощущают на себе давление ассимиляции и острее чувствуют необходимость сохранить национальный язык, чем старожилы. Интересно отметить, что приехавшие в первом и втором поколениях чаще говорят о территориальной разобщенности общины как риске ее распада. На наш взгляд, эти

цифры свидетельствуют о том, что респонденты-старожилы, будучи включенными в культуру принимающего сообщества на протяжении длительного времени, смогли, с одной стороны, стать ее частью, а с другой – выработать практики сохранения своей самобытности.

В этой ситуации становится важно понять, какие мероприятия будут способствовать большей вовлеченности в жизнь общины. Соответствующий вопрос был задан респондентам. Общие распределения показывают, что наиболее актуален запрос на культурно-образовательную составляющую: детские культурные мероприятия и летние лагеря (57 %), армянские школы (46 %), лекции и мероприятия по армянской истории, языку, искусству (38,2 %), музыкальные занятия (37,4 %). Сравнивая эти результаты с данными 2018 г., мы, таким образом, можем увидеть, что в 2021 г. респонденты продемонстрировали заметно более высокую заинтересованность в сохранении национальной и социокультурной идентичности. Политическая и религиозная составляющие при этом ушли на второй план. Данные представлены на рисунке 6.11.

Рисунок 6.11. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие мероприятия необходимы в местной армянской общине?», 2021 г.

Возрастной срез не показывает значительной разницы во мнениях разных когорт. Время прибытия в регион как дифференцирующий признак определяет более высокий запрос на сохранение культуры и идентичности среди прибывших в первом и втором поколении. Данные представлены на рисунке 6.12.

Рисунок 6.12. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие мероприятия необходимы в местной армянской общине?», в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению прибывших, 2021 г.

При том, что по сравнению с данными 2018 г. мы можем констатировать рост запроса на изучение и трансляцию в поколениях родного языка, только у 13,8 % респондентов дети ходят в армянскую общеобразовательную школу. 8,5 % опрошенных отметили, что в их населенных пунктах таких школ нет. Дети 32,1 % респондентов учатся или учились в русскоязычных школах. Оставшиеся 22,5 % не имеют детей. Распределения ответов в разрезе возрастных когорт отчетливо показывают снижение интереса к такому образованию с течением поколений: если в возрастной группе 55+ дети каждого четвертого респондента посещали армянскую общеобразовательную школу, то в группе 35–54 года уже только дети 11,4 %; в группе 25–34 года только каждый десятый респондент отдал своего ребенка в такую школу (детей в этой группе не имеет 31,7 %). Разницы в ответах мужчин и женщин при этом практически нет. Данные представлены на рисунках 6.13 и 6.14.

Анализ распределений ответов на этот вопрос в разрезе поколений, прибывших в регион на постоянное место жительства, показывает следующее: чем больше поколений семьи проживало на Дону, тем больше возможностей сохранения своей культуры вне школы было доступно респондентам. Так, только 12,8 % сегмента выборки, чьи семьи живут в регионе уже больше трех поколений, отметили, что их дети ходят/ходили в общеобразовательные армянские школы. В сегменте выборки приехавших в первом поколении число таковых уже составляет 29,4 %, и дело, как показали данные, не в отсутствии подобных школ.

Следующий вопрос был задан респондентам, у которых нет детей, и был направлен на выявление потенциальной готовности отдать их в общеобразовательную армянскую школу, если бы они были. Данные, представленные на рисунке 6.14, подтверждают сделанный выше вывод: теоретическая готовность превышает активность практических действий. Ее уровень, по данным опроса, составил 50,6 % (напомним, по результатам исследования 2018 г. он был ниже и составлял 31,7 %). В этом отношении нет статистически значимых различий по возрасту и времени пребывания в регионе. Потенциальную готовность чаще выражают мужчины, чем женщины (рис. 6.15).

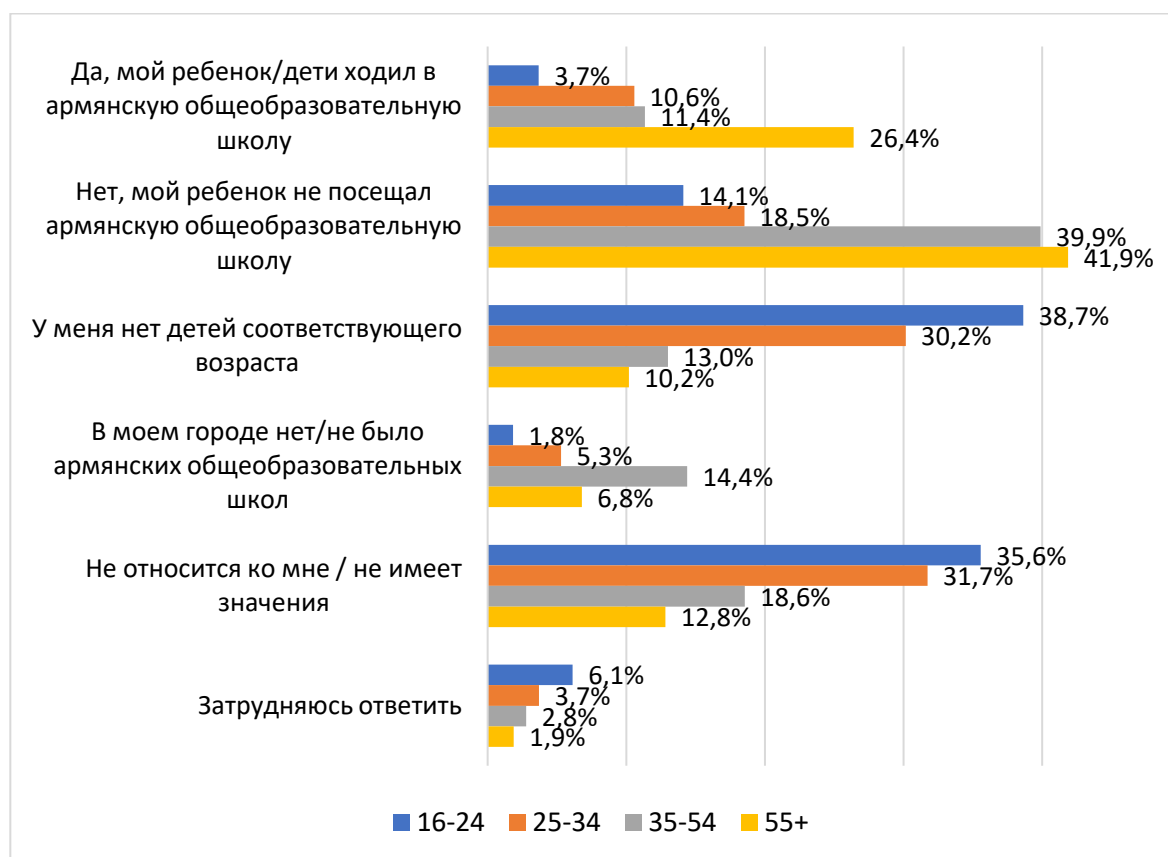

Рисунок 6.13. Распределение ответов респондентов на вопрос «Ваши дети ходят/ходили в армянскую общеобразовательную школу?», в зависимости от возраста, 2021 г.

Рисунок 6.14. Распределение ответов респондентов на вопрос «Ваши дети ходят/ходили в армянскую общеобразовательную школу?», в зависимости от пола, 2021 г.

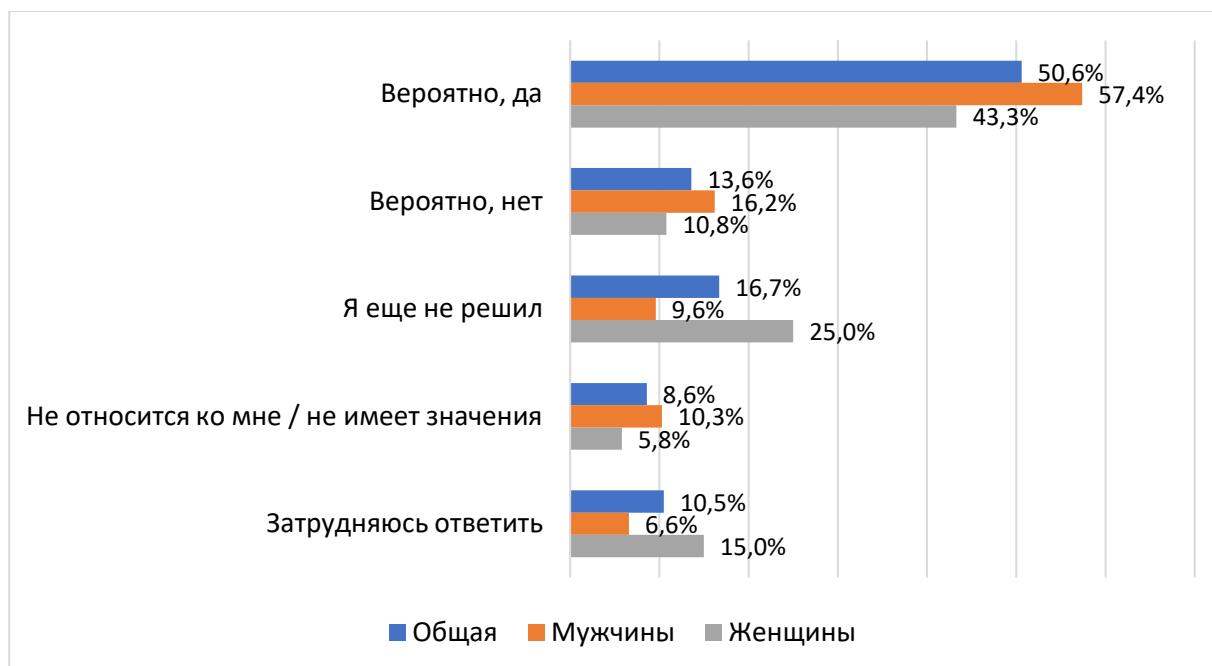

Рисунок 6.15. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы бы отправили своих детей на занятия/программы по армянскому языку после школы/в выходной день?», по полу, 2021 г.

Выше было отмечено, что большинством респондентов незнание языка не рассматривается как угроза распада армянской общины. Тем не менее результаты исследования позволяют фиксировать запрос на обучение детей армянскому языку – 63,1 % опрошенных считают, что именно это должны обеспечивать армянские школы (рис. 6.16). Таким образом, по сравнению с 2018 г. мы можем говорить о росте восприятия родного языка как значимого компонента идентичности и этнической культуры.

Помимо воспроизводства языка армянские школы, по мнению респондентов, должны обеспечивать трансляцию этнокультурных ценностей (46,9 %) и создавать атмосферу, в которой дети будут получать удовлетворение от своей армянской идентичности (40,7 %). При этом важно отметить, что подобные школы должны выполнять двойные задачи: помимо этнокультурного воспроизводства и этнической социализации опрошенные ждут и высокого качества общего образования (40,9 %). Если мы соотнесем эти данные с потенциальной готовностью отдать детей в такую школу и фактической вовлеченностью детей респондентов в эту систему, то

сможем сделать следующий вывод: сегодня армянские общеобразовательные школы полностью не удовлетворяют желания родителей.

Рисунок 6.16. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что бы Вы хотели, чтобы армянские школы обеспечивали детям?», 2021 г.

Если мы обратимся к распределениям ответов в разных возрастных группах, то увидим некоторую дифференциацию мнений при оценке соотношения «этнокультурное» – «общегражданское». Данные, представленные на рисунке 6.17, показывают, что более молодые поколения (16–24 и 25–34 года) чаще других выступают за необходимость обеспечения армянскими школами качественного общего образования и безопасной среды. С одной стороны, в общей структуре оценок эти данные уступают этнокультурным компонентам обучения; с другой – их доля в группе молодых армян значительно выше, чем среди старших поколений и по выборке в целом. Это еще раз подтверждает сделанный выше вывод о том, что молодое поколение армян Дона показывает более высокий запрос на интеграцию в общекультурное пространство российского социума.

Рисунок 6.17. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что бы Вы хотели, чтобы армянские школы обеспечивали детям?», в зависимости от возраста, 2021 г.

Интересные дополнения к выводам дает рассмотрение ответов на этот вопрос в разрезе времени прибытия семьи респондента на Дон. Подтверждается выявленная ранее тенденция: чем позже респондент / его семья обосновались в регионе, тем выше запрос на этнокультурные компоненты образования: так, 85,7 % прибывших в первом поколении выступают за обучение армянскому языку

(в группе респондентов, чья семья проживает на Дону три поколения и более, этот показатель составляет 53,2 %), 60 % – за создание атмосферы для воспроизводства этнической идентичности (против 35,4 %), 30,3 % – первичную социализацию в системе этнокультурных связей (против 19,9 %) (рис. 6.18). Таким образом, можно еще раз констатировать: респонденты-старожилы смогли лучше выработать практики сохранения своей самобытности и идентичности, пронести их через поколения и поэтому в меньшей степени нуждаются в институциональной поддержке воспроизводства этнокультурных ценностей и родного языка.

Рисунок 6.18. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что бы Вы хотели, чтобы армянские школы обеспечивали детям?», в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению прибывших, 2021 г.

Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен выявлению вовлеченности в политическую жизнь общины (участию респондентов в армянских политических партиях и движениях). Полученные распределения показали очень низкий уровень вовлеченности (95,3 % в целом по массиву не принадлежат ни к каким партиям и не участвуют в их деятельности), и дифференцирующие признаки в данном случае не выявили никакой разницы в ответах. Основные причины – отсутствие времени (49,7 %) и актуальной повестки (40,3 %).

Что касается политических аспектов деятельности диаспоры, то в целом эти направления работы остаются востребованными у достаточно узкого круга политических активистов и не вызывают значительного интереса у респондентов.

По результатам трех волн исследования можно сказать, что община в представлении армян Дона является институтом сохранения и трансляции этнической культуры. При этом оценки ее потенциала в этом направлении с 2011 по 2021 г. выросли. Таким образом, можно сказать, что община постепенно становится более значимым агентом этнической социализации и воспроизводства идентичности.

Так, по результатам исследования 2011 г. была выявлена низкая вовлеченность в деятельность организаций и объединений, созданных в рамках диаспоры. Также диаспора не рассматривалась большинством представителей армянского этноса Дона как институт взаимопомощи. Это было характерно как для городской, так и для сельской местности, однако во втором случае критические оценки были выше, хотя в небольших локальных сообществах помощь, поддержка чаще оказываются через неформальные каналы и персонифицированные связи. В целом результаты исследования 2011 г. позволили констатировать: деятельность диаспоры не включалась большинством респондентов в повседневные социальные практики и коммуникации; в то же время оценки ее потенциала для воспроизводства этнической группы как воображаемого сообщества (в первую очередь сохранению ее культуры) были достаточно высоки. Таким образом, диаспора в представлении опро-

шенных выступала как некий абстрактный социальный институт, который не вносит изменений в их повседневную жизнь.

Данные 2018 г. показывают рост информированности о деятельности общины, однако уровень вовлеченности в нее по-прежнему оставался достаточно низким. В возрастных группах старше 31 года этот показатель выше, чем среди молодежи. Говоря о характере контактов с объединениями и ассоциациями общины, прежде всего можно выделить разного рода сотрудничество. Обращает на себя внимание достаточно редкое упоминание родственных контактов; это означает, что объединения в рамках диаспоры являются преимущественно социальными кругами второго порядка.

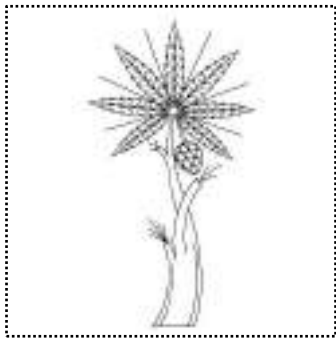
В отношении оценок потенциала общины в воспроизводстве языка и этнокультурных ценностей данные 2018 г. показывают интересную тенденцию: фактически не желая включаться в число активных участников деятельности национальных центров/обществ, значительная часть респондентов хотела бы, чтобы региональная община сохраняла и поддерживала владение армянским языком. То есть факт наличия запроса есть, но он не подкрепляется активными социальными практиками самих респондентов. Таким образом, обеспокоенность респондентов сохранностью центральных национальных характеристик армянского населения Дона и его молодого поколения является в значительной степени теоретическим конструктом. И на практике представители общины в большей степени заинтересованы в комплексной социокультурной интеграции своих детей, возможности получения ими качественного образования, позволяющего не дистанцироваться от российского социума и успешно включиться в его статусные профессиональные сообщества и иерархии.

Данные 2021 г. показывают рост вовлеченности в жизнь общины. В то же время, согласно оценкам респондентов, направления деятельности общины требуют усовершенствования: необходимо искать новые каналы взаимодействия с молодежью, активнее привлекать ее в жизнь диаспоры, менять формат мероприятий. Приехавшие в первом или втором поколении чаще ощущают на себе давление ассимиляции и острее чувствуют необходимость сохра-

нить национальный язык, чем старожилы. Результаты исследования также позволяют сформулировать определенные ожидания от деятельности общины: наиболее актуален запрос на культурно-образовательную составляющую: детские культурные мероприятия и летние лагеря, армянские школы, лекции и мероприятия по армянской истории, языку, искусству, музыкальные занятия. Сравнивая эти результаты с данными 2018 г., мы, таким образом, можем увидеть, что в 2021 г. респонденты продемонстрировали заметно более высокую заинтересованность в сохранении национальной и социокультурной идентичности.

Интересно отметить, что сформулированный запрос в большинстве случаев не перешел в реальные социальные практики. Так, у подавляющего большинства опрошенных дети не ходят в армянскую общеобразовательную школу, что значительно снижает условия для этнической социализации и воспроизводства языка и культуры. Данные показывают снижение интереса к такому образованию от старших возрастных когорт к младшим. Таким образом, молодое поколение армян Дона показывает более высокий запрос на интеграцию в общекультурное пространство российского социума. Данные также показывают, что респонденты-старожилы смогли лучше выработать практики сохранения своей самобытности и идентичности, пронести их через поколения и поэтому в меньшей степени нуждаются в институциональной поддержке воспроизводства этнокультурных ценностей и родного языка.

В целом по результатам трех исследований можно зафиксировать следующую тенденцию: при росте положительных оценок работы общины и уровня информированности о ней с 2011 по 2021 г., реальная вовлеченность, включение ее деятельности в собственные повседневные социальные практики остается достаточно низкой.

РАЗДЕЛ 7

Адаптационные и интеграционные возможности представителей диаспоры в регионе проживания

Разные этнические субъекты обладают разным адаптационным и интеграционным потенциалом¹. В чем это проявляется? В науке существуют разные подходы к определению этнической адаптации и интеграции. Однако все они в общем виде пытаются объяснить, как, с помощью каких комплексов социальных практик происходит освоение географического и социокультурного пространства той или иной этнической группой. Социологический подход к выбору индикаторов оценки адаптационных и интеграционных возможностей этноса основан на измерении параметров субъективного социального благополучия, анализу встроенности представителей этнической группы в социальную и социально-профессиональную структуру места проживания, наличия/отсутствия межэтнической дистанции и др. При этом особый интерес для исследователей, как правило, представляют нетитульные для конкретных территориальных сред этносы. В рамках настоящего раздела на основе материалов этносоциологических исследований разных лет² постараем-

¹ *Красюков А. В.* Региональные факторы этнической адаптации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 19 с.

² *Армянские диаспоры юга России: социологический портрет и проблемы идентичности / Волков Ю.Г., Мирзоян Г.В., Черноус В.В., Сериков А.В., Бар-*

ся оценить адаптационные и интеграционные возможности представителей армянской диаспоры в Ростовской области за период 2011–2021 гг.

В исследовании 2011 г. индикаторами адаптационного потенциала армян Дона был их уровень социального оптимизма в оценках ситуации в стране и ожидания от ближайшего будущего.

Вопрос об оценке ситуации в стране в целом многоаспектный. Он основан на самоощущении и собственных переживаниях респондентов, которые накладываются на различные виды информационного воздействия. Анализ данных показывает, что в целом респонденты на момент опроса были удовлетворены текущим положением дел в стране. Как видно из данных на рисунке 7.1, несмотря на небольшую долю абсолютных оптимистов, в общей выборке наиболее высока доля умеренно положительно настроенных. Ожидаемо, их количество было выше в городе (42,9 % против 32,5 % в сельской местности). Пессимистичные оценки несколько выше в сельской местности с традиционно более узким рынком труда и низким уровнем дохода, однако даже в этих территориальных локациях положительно настроенные респонденты преобладают.

При оценке динамики ситуации в стране за последние три года в 2011 г. было выявлено преобладание респондентов, не отметивших для себя никаких изменений. Учитывая данные, представленные выше, мы можем говорить о преобладании позитивно настроенных среди опрошенных. В то же время число оптимистов в

ков Ф.А., Нагапетян А.Р., Садко Д.О. Ростов-на-Дону: Южнороссийский филиал Института социологии РАН, 2011. 81 с.; *Суций С. Я.* Армяне России – геодемографические тенденции прошлого, современные реалии и перспективы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 3. С. 127–152; *Батиев Л. В., Суций С. Я.* Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 71–88; *Суций С. Я.* Представители народов Кавказа в статусных социофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 3–16; *Он же.* Социофессиональные ориентации армян Ростовской области: тенденции постсоветского периода (на материалах ряда статусных профессиональных сообществ) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. материалы III Международной научной конференции (30–31 мая 2018 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. С. 186–189.

этом случае несколько преобладает (29,2 % против 26,6 % давших негативные оценки), однако разница достаточно невелика. При этом заметно выше число негативных градаций в сельской местности (35 % против 19,1 % среди городского населения). Важно также отметить, что мнения респондентов по данным вопросам является сформированным: доля затруднившихся ответить в общем массиве не превышает 6 %. Данные представлены на рисунке 7.2.

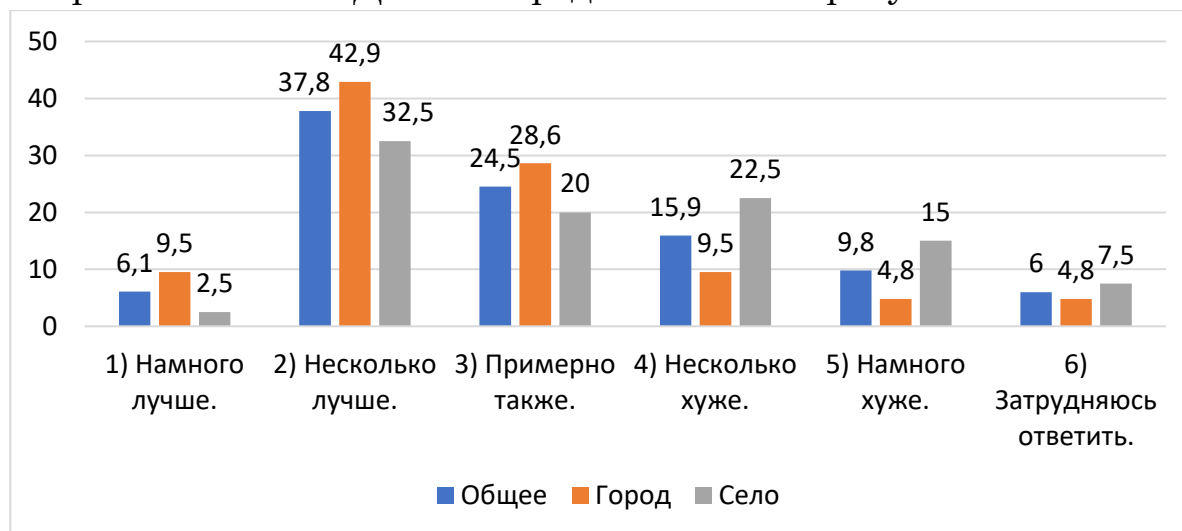

Рисунок 7.1. Распределение ответов респондентов на вопрос «В целом, ситуация в России сегодня складывается лучше или хуже, чем в соседних государствах?», %, 2011 г.

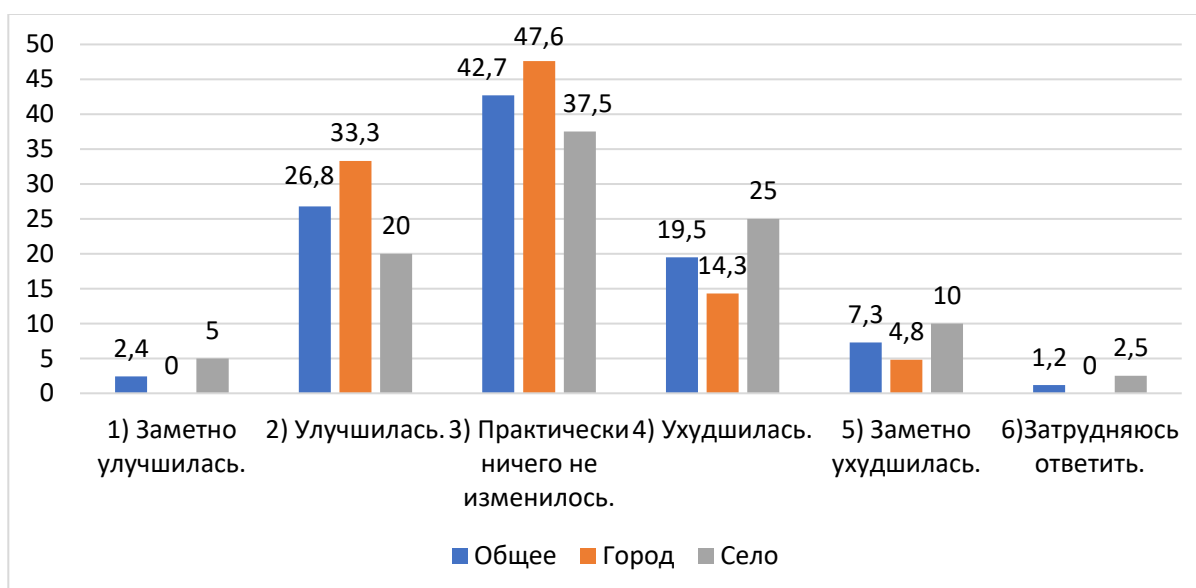

Рисунок 7.2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как, на Ваш взгляд, изменилась ситуация в стране за последние три года?», %, 2011 г.

Традиционно в исследованиях социального самочувствия и адаптационного потенциала населения авторы обращаются не только к оценке ситуации в стране в целом (которая в большей степени является результатом влияния внешних лидеров мнений, СМИ и т.д.), но и к оценке ситуации в регионе проживания, которая чаще основана именно на личном опыте и связана с кругом социальных взаимодействий. Соответствующие вопросы были включены в инструментарий исследования 2011 г. Как видно из данных на рисунке 7.3, в этом случае снова преобладают позитивные градации и тип поселения здесь практически не играет роли. Отметим также, что сравнение своего региона с другими в целом не выявило существенной доли пессимистов (2,5 %). Это косвенно показывает, что опрошенные армяне Дона в 2011 г. имели достаточно высокие адаптационные возможности и были встроены в локальный социум таким образом, что это позволяло им положительно оценивать жизнь в Ростовской области в сравнении с другими субъектами страны. Что касается сравнения с ближайшими соседями, то, как видно из данных на рисунке 7.4, респонденты из Ростовской области более благоприятную ситуацию видели только в Краснодарском крае.

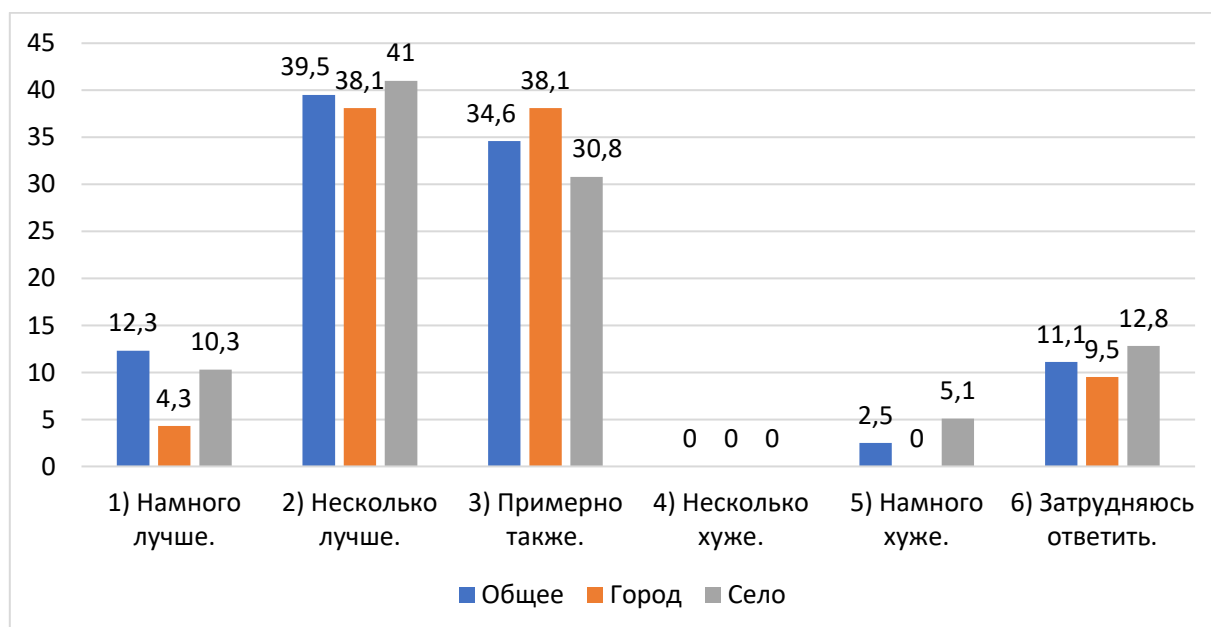

Рисунок 7.3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Сегодня ситуация в Ростовской области складывается лучше или хуже, чем в других регионах?», %, 2011 г.

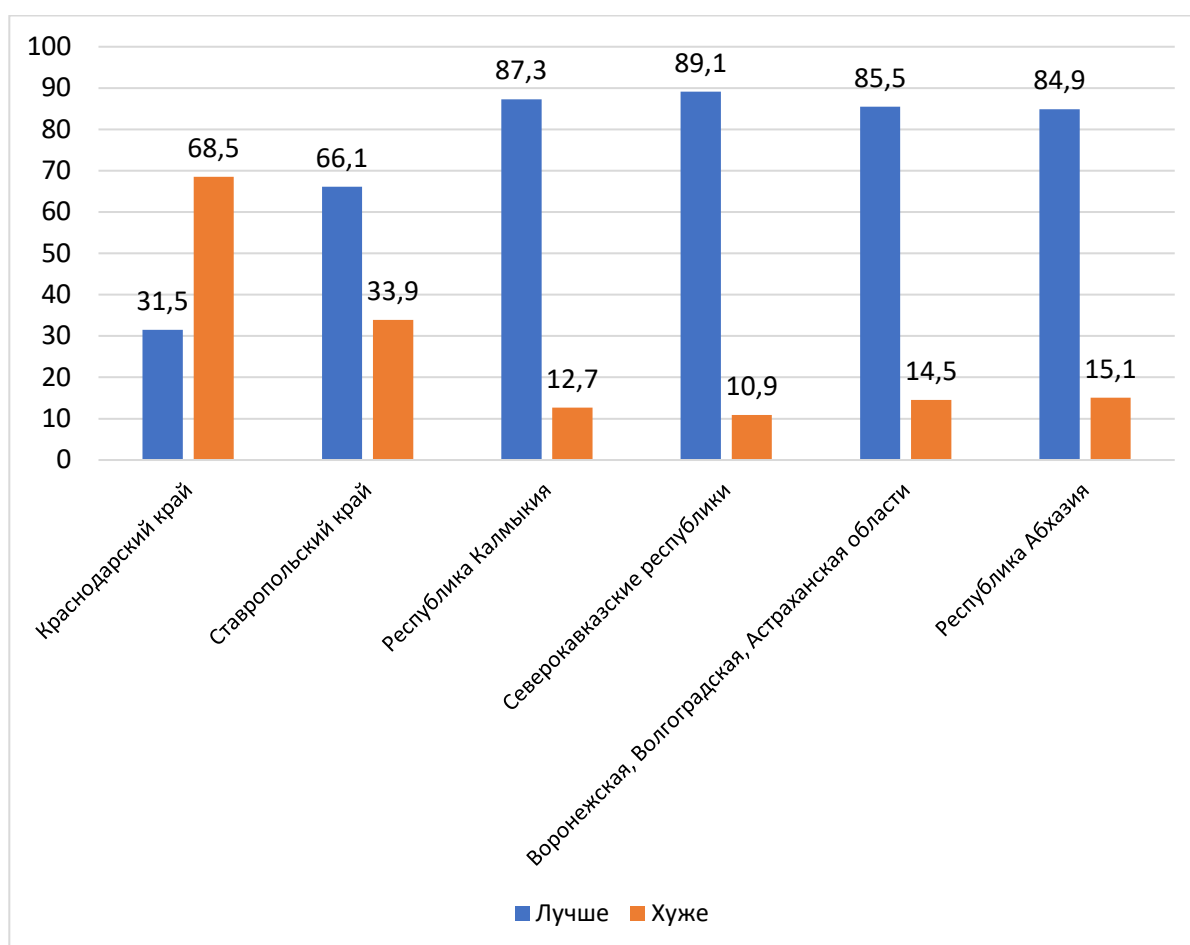

Рисунок 7.4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как, на Ваш взгляд, складывается ситуация в соседних регионах – хуже или лучше, чем в Ростовской области?», %, 2011 г.

Динамика ситуации оценивается в целом позитивно. Как видно из данных на рисунке 7.5, подавляющее большинство опрошенных не видели изменений за последние три года; учитывая выявленный ранее высокий уровень удовлетворенности тем, как обстоят дела в данный момент, мы снова можем сделать вывод о достаточно высоком уровне социального оптимизма. В то же время важно обратить внимание на большой разрыв в уровне положительных оценок среди горожан и сельчан (33,3 % против 10,5 %). Это косвенно свидетельствует о высоком уровне территориальной дифференциации в регионе на момент опроса и демонстрирует гораздо более низкие возможности адаптации, существующие для жителей сельских территорий субъекта.

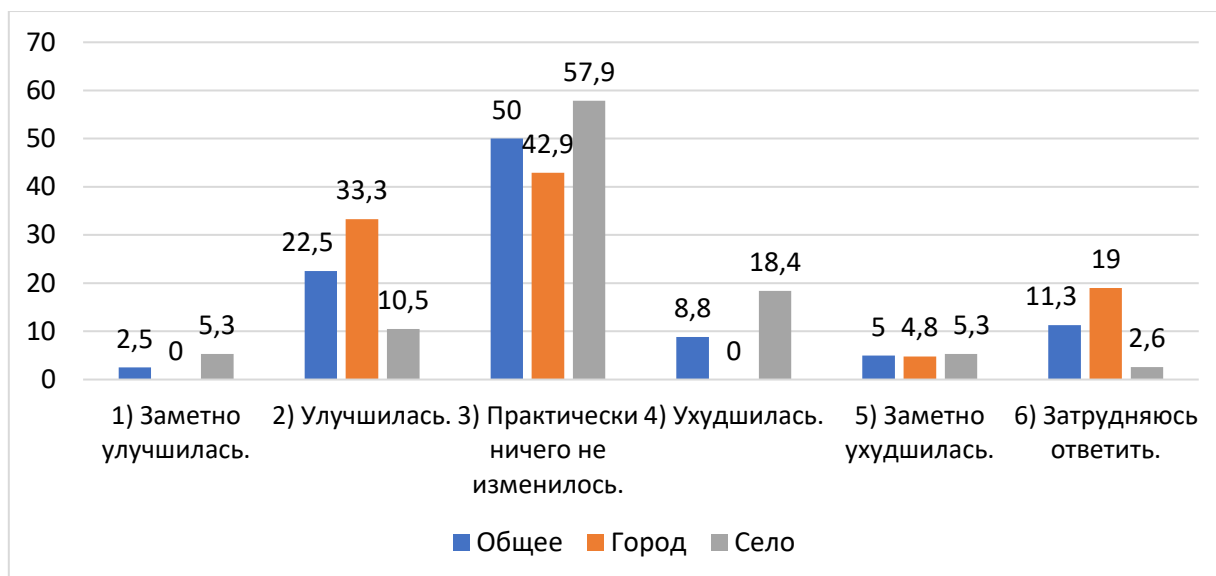

Рисунок 7.5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как, на Ваш взгляд, изменилась ситуация в Ростовской области за последние три года?», %, 2011 г.

Интеграционные возможности армян Дона в исследовании 2011 г. рассматривались через оценку ими состояния межэтнических отношений в месте проживания и регионе в целом. Как видно из данных на рисунке 7.6, оценки, основанные на опыте повседневных взаимодействий, в целом положительные: 56,3 % респондентов выбрали вариант «спокойные, нейтральные» и тип поселения здесь не играет роли. Следующую по численности группу составляют опрошенные, давшие отрицательные градации, однако доля крайне негативных ответов в данном случае отсутствует. Каждый четвертый респондент определяет межнациональные отношения в своем населенном пункте как доброжелательные.

При переходе к оценке ситуации в регионе в целом мнение армян Дона становится значительно более поляризованным. Так, 37,5 % респондентов отмечают межэтническую напряженность, а 5 % – говорят о состоянии конфликта. Данные представлены на рисунке 7.7. Если мы посмотрим на результаты исследований, посвященных состоянию межэтнических отношений в регионе¹, то уви-

¹ Межэтнические и межконфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. М.; Ростов-на-Дону, 2013. С. 94–97.

дим, что именно в этот период, несмотря на работу органов региональной власти по укреплению межэтнической солидарности (имевшей, в основном, воспитательный и культурно-просветительский характер), происходило обострение так называемых бытовых меж-

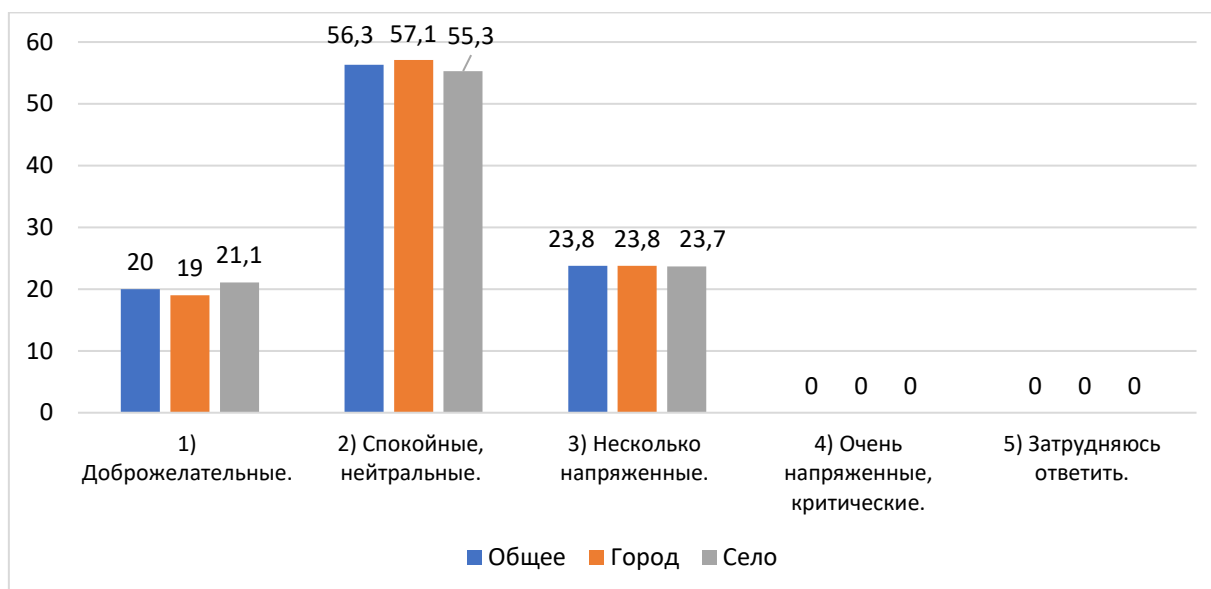

Рисунок 7.6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете отношения между людьми разных национальностей в городе, поселке, районе, где Вы проживаете?», %, 2011 г.

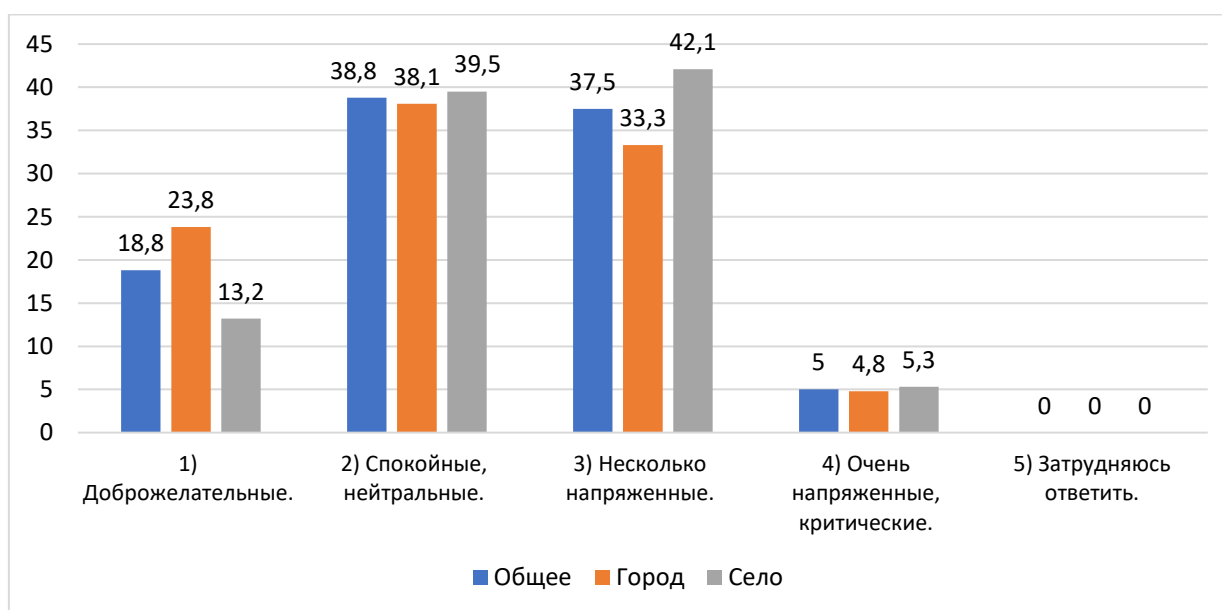

Рисунок 7.7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете отношения между людьми разных национальностей в Ростовской области?», %, 2011 г.

этнических конфликтов: конкуренция за пастбища и землю, сохранение лесополос, которые вырубались мигрантами (а миграция в регион имела этнический характер), рэкет на местных рынках; иными словами, перед коренным населением региона стояла задача по сохранению традиционного уклада жизни. Освещение этих эпизодов в СМИ, передача их через «сарафанное радио» способствовали обострению восприятия отношений между этносами.

Возвращаясь к анализу ситуации на основе личного опыта, мы задали респондентам вопрос: «Чувствовали ли Вы на себе за последний год проявления предубеждений или агрессии из-за Вашей национальности?». Данные, представленные на рисунке 7.8, показывают, что подавляющее большинство опрошенных на себе проявлений межэтнической неприязни не ощущали. Это, с одной стороны, говорит о высоком интеграционном потенциале армянского населения региона в исследуемый период, а с другой – подтверждает сделанный выше вывод: чем меньше восприятие ситуации основано на личном опыте, тем больше агентов влияния может формировать мнение о ней.

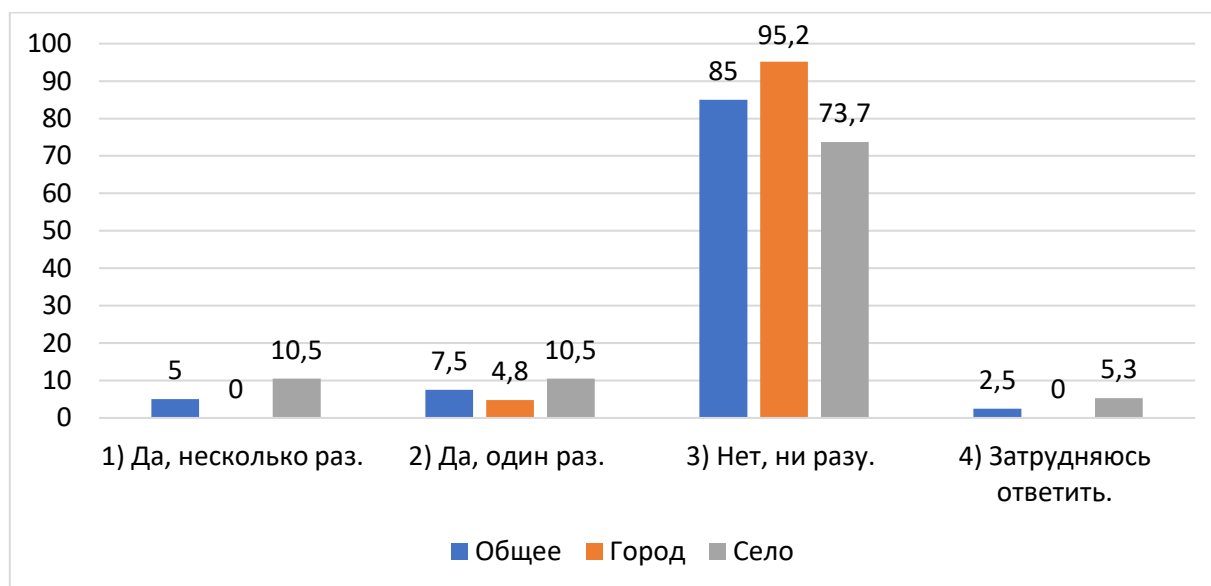

Рисунок 7.8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чувствовали ли Вы на себе за последний год проявления предубеждений или агрессии из-за Вашей национальности?», %, 2011 г.

Важно отметить, что и сами представители армянского этноса Дона достаточно редко испытывают неприязнь по отношению к людям других национальностей, что еще раз подтверждает сделанный выше вывод о его высоких способностях к интеграции (рис. 7.9). Если же неприязнь все-таки испытывается, то происходит она, как правило, на основе личного опыта общения. Вторым по значимости агентом влияния в этом случае являются СМИ (см. рис. 7.10).

Еще одним индикатором степени интегрированности армян региона в его социум в 2011 г. стало ощущение респондентами дискриминации по национальному признаку в разных сферах жизни. Как видно из данных на рисунке 7.11, большинство респондентов подобного рода дискриминации не ощущают. В числе оставшихся преобладают опрошенные, которые сталкивались с ущемлением своих прав в вопросах, связанных с решениями чиновников (20,3 %), в политике и на государственной службе (17,7 %). Таким образом, примерно треть респондентов на момент проведения исследования в 2011 г. смогли интегрироваться в деловую, социальную и культурную сферы региона, однако оказались «выдвинуты» из сфер власти и принятия институциональных решений. При этом территориальный фактор в данном случае не играет заметной роли.

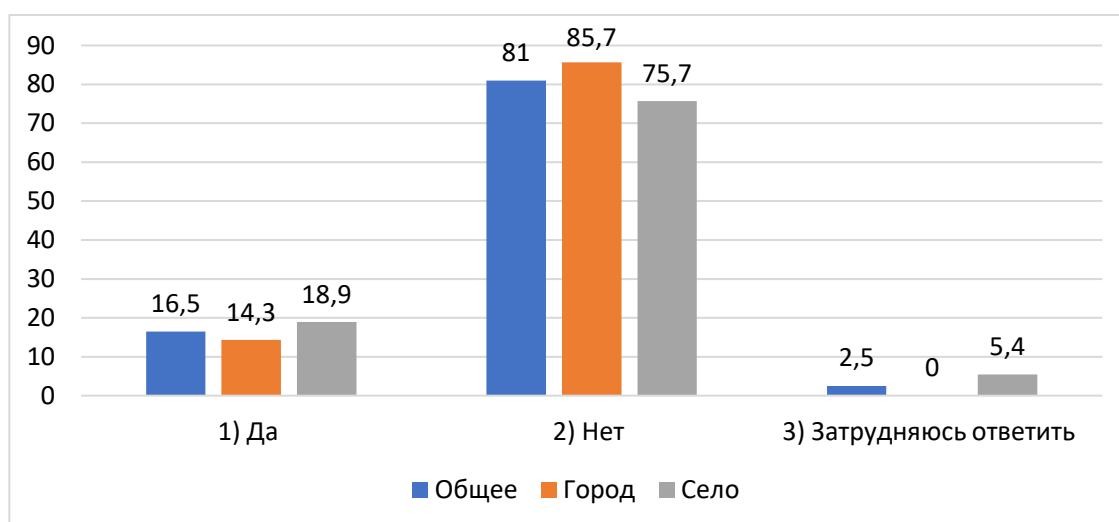

Рисунок 7.9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Испытывали ли Вы когда-нибудь неприязнь к людям других национальностей?», %, 2011 г.

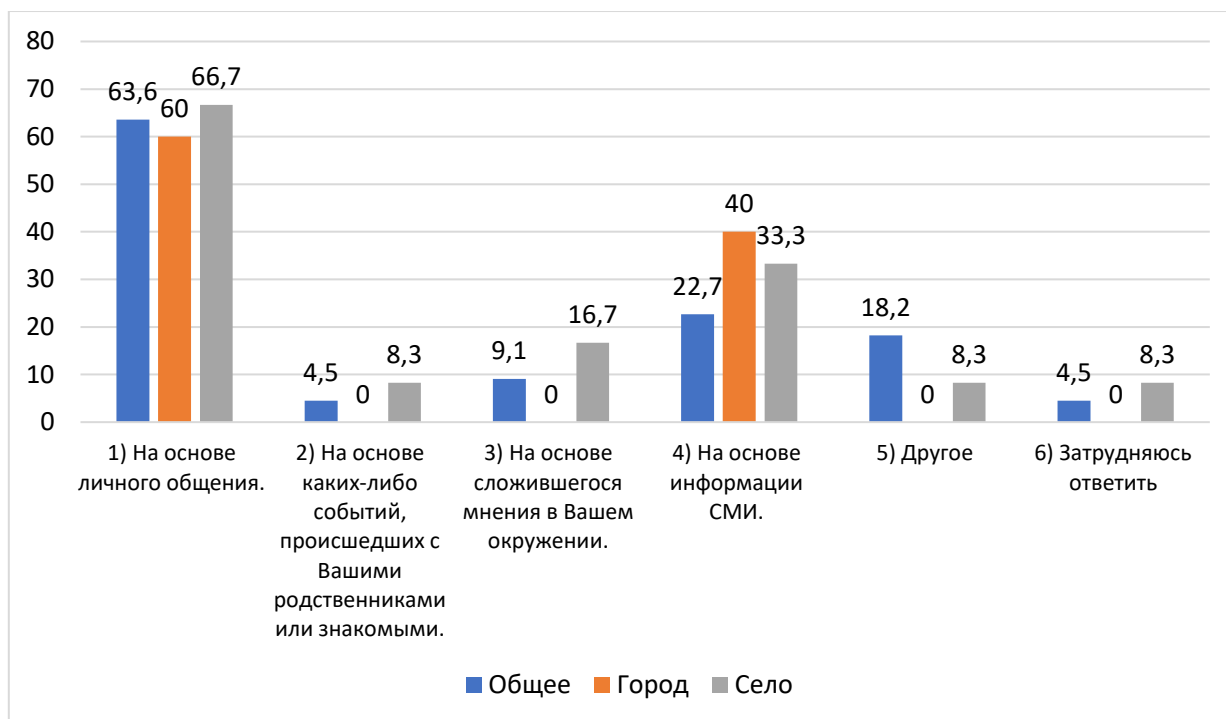

Рисунок 7.10. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы испытывали неприязнь к людям другой национальности, то на основе чего сформировалась эта неприязнь?», %, 2011 г.

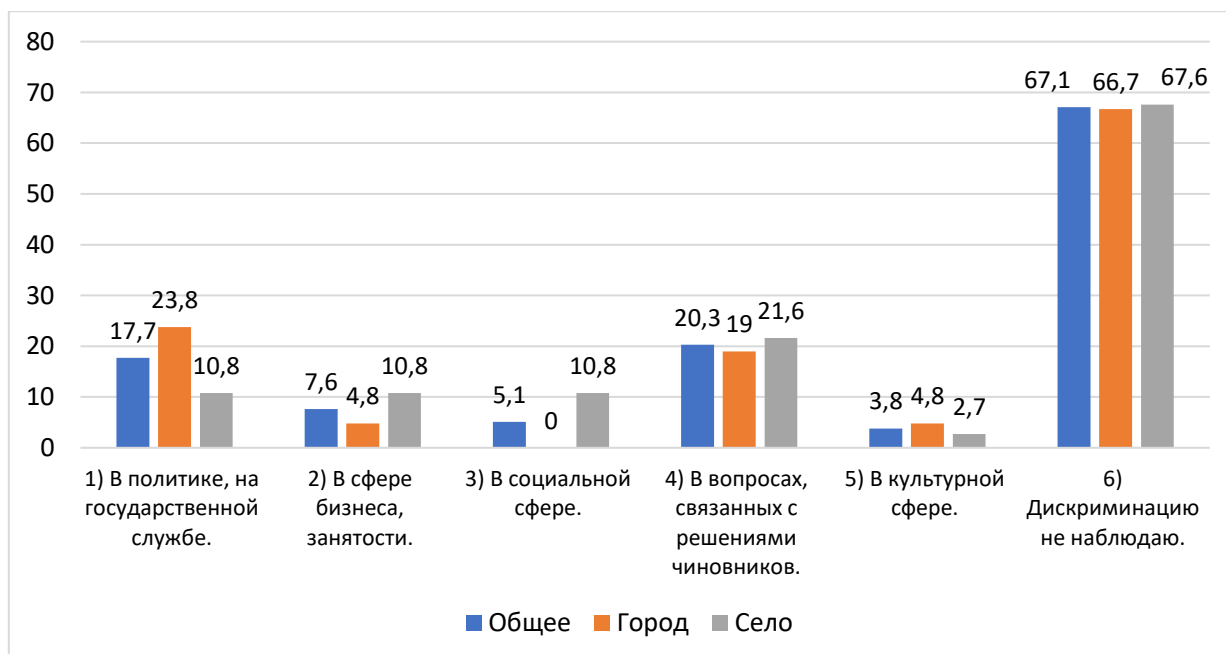

Рисунок 7.11. Распределение ответов респондентов на вопрос «Наблюдаете ли Вы дискриминацию армян по национальному признаку в тех или иных сферах жизни?», %, 2011 г.

Являлась ли, по мнению армян Дона, их этническая принадлежность фактором облегчения доступа к тем или иным социальным позициям или механизмам принятия решений? Данные 2011 г. продемонстрировали существующую на тот момент полярность мнения по этому вопросу (рис. 7.12). Так, 53,8 % опрошенных отметили отсутствие такого влияния их этнической принадлежности. Респонденты, которые подобные преимущества все-таки видели, могли выбрать несколько вариантов ответа. Полученные распределения показали, что социальные связи, основанные на этническом компоненте, результативнее всего работали в бизнесе и сфере занятости (42,4 %) и в культурной сфере (22,5 %). В свою очередь отсутствие каких-либо преимуществ отмечается в политике, на государственной службе (10 %) и в вопросах, связанных с решениями чиновников (3,8 %). Таким образом, эти результаты оказались противоположны распределениям мнений, полученных при ответе на предыдущий вопрос. Таким образом, будучи практически исключенными из сфер принятия политических и институциональных решений, армяне региона смогли объединиться и создать сеть

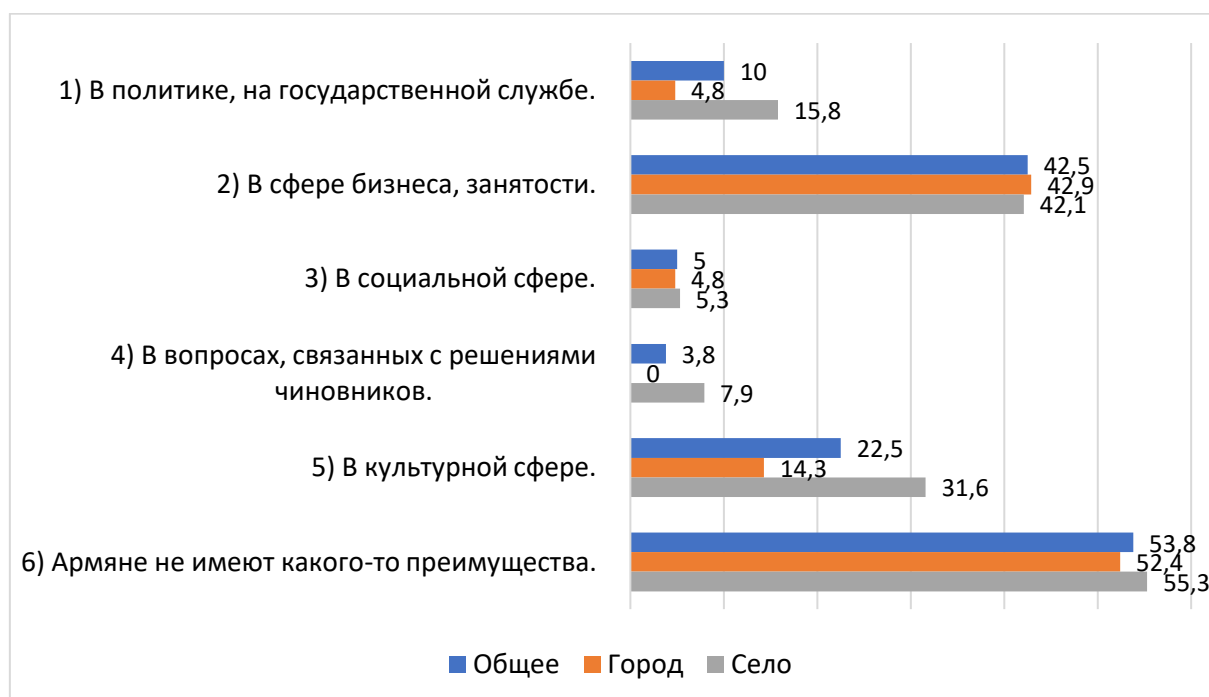

Рисунок 7.12. Распределение ответов респондентов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что армяне имеют преимущества в тех или иных сферах жизни?», %, 2011 г.

социальных взаимодействий в доступных им сферах, выстроить таким образом порядки закрытого доступа для «чужих» и систему социальных лифтов для «своих». С одной стороны, это говорит об их высоком адаптационном потенциале, а с другой – о низких возможностях интеграции.

Этот вывод подтверждают распределения, полученные при ответах на вопрос о том, в каких сферах, по мнению армян региона, они добиваются наибольших успехов. В их число вошли торговля (81,1%), строительство (63,5%), сфера культуры, науки и образования (58,1%). Сферы, связанные с судебной, политической, правоохранительной системами, выбирались респондентами гораздо реже (рис. 7.13).

Рисунок 7.13. Распределения ответов респондентов на вопрос «Назовите сферы деятельности, в которых армяне, как правило, добиваются наибольших успехов», %, 2011 г.

Анализ представленных индикаторов по результатам исследования 2011 г. позволил выделить три основных группы респондентов: оптимистов, пессимистов и тех, чьи оценки текущей ситуации имеют настороженно-умеренную окраску. В общем массиве респондентов несколько преобладают последние. Вторая по представленности в общем массиве – группа оптимистов, чьи социальные ожидания описываются в позитивных определениях, а текущее положение оценивается как довольно благополучное. Самую малочисленную группу составили пессимисты; они более категоричны в оценках текущей ситуации. Это позволяет нам оценить адаптационный потенциал армян региона на момент проведения исследования как высокий. Интеграционные возможности, по данным опроса, оказались несколько ниже, о чем свидетельствует исключение значительного числа опрошенных из сфер власти, политики и принятия институциональных решений.

В инструментарии исследований армянской диаспоры Дона 2018 г. были заложены другие индикаторы адаптационных и интеграционных возможностей; их смысловое пересечение хоть и не дает широких возможностей для прямого сравнения, однако все же позволяет сделать некоторые выводы.

Оценка уровня социального оптимизма в данном случае основана на восприятии своей жизни и динамики собственной жизненной ситуации. Как видно из данных на рисунке 7.14, в 2018 г. респонденты в своем большинстве также придерживались умеренной позиции: 56,2 % отметили как негативные, так и позитивные изменения. В числе оставшихся так же, как и в 2011 г., преобладают оптимисты (29 %). Негативно настроенными оказались 14,8 %.

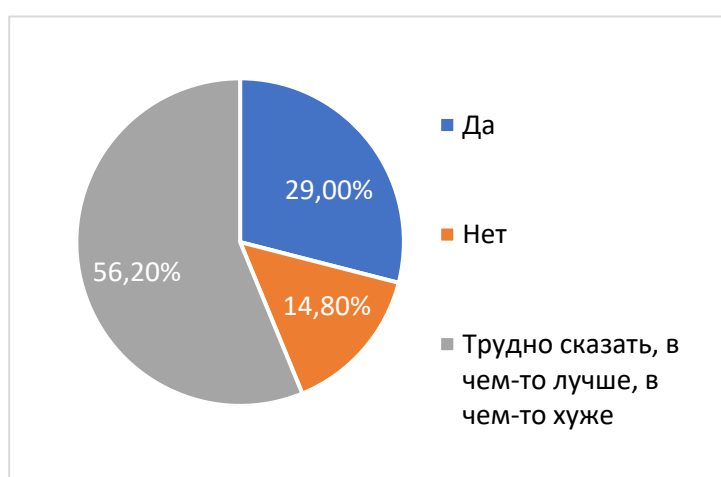

Рисунок 7.14. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете свою жизнь? Становится ли она лучше с течением времени?», %, 2018 г.

Распределения ответов на этот вопрос в сегментах выборки, дифференцированной по сроку проживания в своей территориальной локации, еще раз показывают высокие адаптационные возможности армян региона. Так, наиболее позитивные оценки динамики своей жизненной ситуации дают те респонденты, которые приехали в населенный пункт 1–2 года назад – в их числе каждый второй отмечает, что его жизнь стала лучше с течением времени. Таким образом, адаптационный потенциал этой группы опрошенных позволил им достаточно быстро освоиться на новом месте проживания. Далее по мере увеличения срока проживания и, соответственно, включенности в локальный социум вопросы адаптации уходят на второй план и растет доля умеренно настроенных. Самое высокое их число – среди уроженцев. Данные представлены на рисунке 7.15.

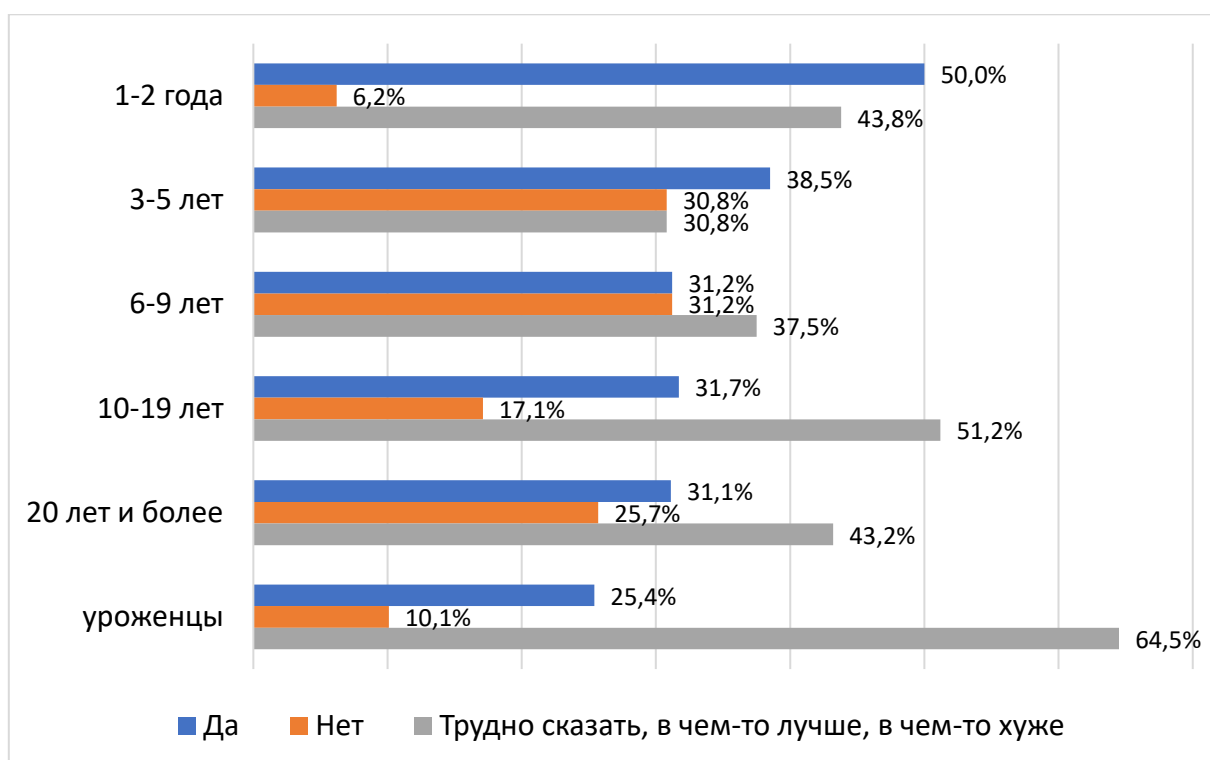

Рисунок 7.15. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете свою жизнь? Становится ли она лучше с течением времени?», в зависимости от срока проживания в населенном пункте, 2018 г.

Если оценивать удовлетворенность жизненной ситуацией в разрезе выборки по возрасту, то можно увидеть следующее. Группа оптимистов преобладает только в одном возрастном сегменте –

25–30 лет. В остальных группах преобладают умеренно настроенные; чем старше респонденты, тем чаще они дают умеренные оценки. Доля пессимистов наиболее высока в сегменте выборки 41–50 лет. Данные представлены на рисунке 7.16.

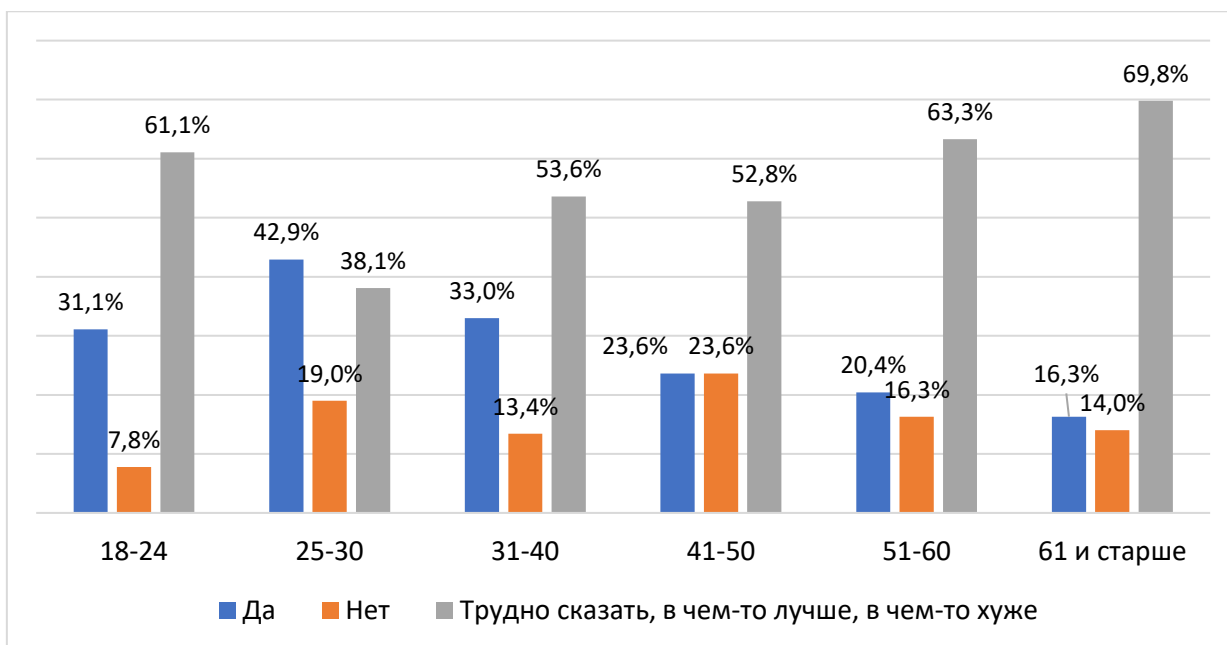

Рисунок 7.16. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете свою жизнь? Становится ли она лучше с течением времени?», в зависимости от возраста, 2018 г.

Удовлетворенность работой – еще один индикатор, с помощью которого можно дополнить выводы о степени адаптированности исследуемой группы населения. Как показали результаты опроса, подавляющее большинство респондентов на момент проведения исследования высказались положительно. Доля пессимистов в общей выборке не превысила 8 % (рис. 7.17).

Рисунок 7.17. Распределение ответов респондентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы своей работой?», 2018 г.

В социально-профессиональную структуру места проживания лучше других встроены уроженцы этих территориальных локаций: именно они выражают наибольшую удовлетворенность своей работой (72,2 %). В то же время и среди прибывших недавно этот показатель довольно высок (58,3 % в группе приехавших 1–2 года назад, 54,5 % приехавших 3–5 лет назад). Способность за небольшой срок проживания на новом месте найти подходящую для себя работу – индикатор, позволяющий нам дополнить сделанный выше вывод о высоких возможностях адаптации армян региона. Данные представлены на рисунке 7.18.

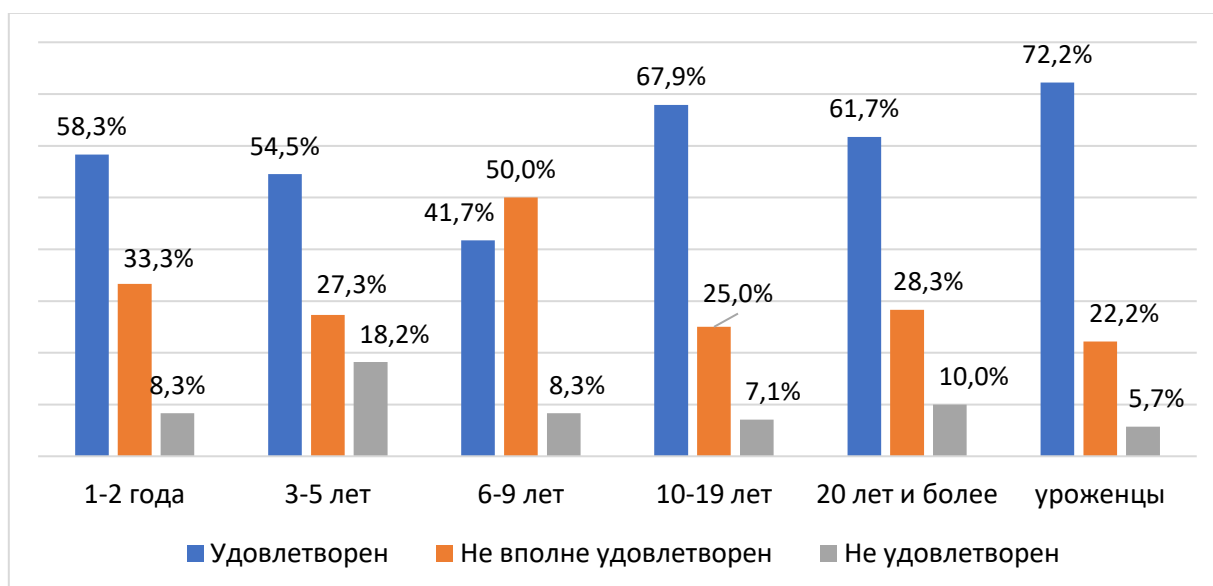

Рисунок 7.18. Распределение ответов респондентов на вопрос «Удовлетворены ли Вы своей работой?», в зависимости от срока проживания в населенном пункте, 2018 г.

Распределения ответов по возрастным группам не показали статистически значимых различий.

Отношения с другими этносами как один из показателей степени интегрированности в региональный и локальный социум был использован в качестве индикатора в инструментарии опроса 2018 г. В данном случае осуществлялся замер социальной дистанции между представителями армянского этноса и другими группами.

Так, мы спросили респондентов, приемлемы ли для них межнациональные браки. 70,2 % допускают подобное в своей жизни;

9,7 % – нет. При этом каждый четвертый опрошенный затруднился с ответом. Разрез выборки по сроку проживания населенном пункте и возрасту также не показал значимых различий.

Помимо брачно-семейных связей армяне региона активно включают в свой социальный круг первого порядка друзей другой этнической принадлежности (90 %). Опять же, срок пребывания в населенном пункте не играет в данном случае определяющей роли: и приехавшие недавно, и старожилы, и уроженцы примерно с одинаковой частотой говорят о допустимости подобного рода отношений (86,7 % среди респондентов, переехавших 1–2 года назад, 88,9 % – 3–5 лет назад, 70 % – 6–9 лет назад, 71,4 % – 10–19 лет назад, 84 % – 20 лет и более, 94,7 % – среди уроженцев). Нет значительных отличий и среди представителей разных возрастных групп опрошенных (71,8 % в группе 18–24 лет, 64,9 % в группе 25–30 лет, 66,7 % в группе 31–40 лет, 70 % в группе 41–50 лет, 74,4 % в группе 51–60 лет, 80 % в группе 61 год и старше).

Подобные тенденции были выявлены и ответах на вопросы о допустимости представителя другой национальности в качестве соседа по дому (87,8 %), коллеги по работе или учебе (94,7 %), жителя одного города (91,9 %). Дифференциация выборки по различным параметрам также не выявила значительных отличий. Эти данные говорят о высоком потенциале интеграции в направлениях, касающихся установления социальных связей и повседневных взаимодействий.

Данные представлены в таблице 7.1.

Таблица 7.1. Межэтнические взаимодействия респондентов в разных сферах повседневной жизни, в %, 2018 г.

Приемлемы ли для Вас брачные отношения с человеком другой национальности?	
Да	70,2
Нет	9,7
Затрудняюсь ответить	20,1
Приемлема ли для Вас личная дружба с человеком другой национальности?	
Да	90
Нет	2,4
Затрудняюсь ответить	7,6

Окончание таблицы 7.1

Приемлемо ли для Вас соседство по дому с человеком другой национальности?	
Да	87,8
Нет	3,8
Затрудняюсь ответить	8,4
Приемлемо ли для Вас быть коллегами по работе (учебе) с человеком другой национальности?	
Да	94,7
Нет	1,9
Затрудняюсь ответить	3,4
Приемлемо ли для Вас быть жителями одного города с человеком другой национальности?	
Да	91,9
Нет	2,1
Затрудняюсь ответить	6

Возникает вопрос: насколько этот потенциал реализуется? Чтобы получить на него ответ, мы задали респондентам вопросы о национальности их брачного партнера и близкого друга. Полученные распределения дают возможность сделать интересные выводы. Так, несмотря на то, что подавляющее большинство опрошенных допускают представителя другой этнической группы в качестве мужа или жены, 78,3 % из них женаты на представителях армянского этноса (или замужем за ними). 67,4% в качестве лучшего друга имеют также представителя своего этноса. Таким образом, выявленный интеграционный потенциал в большинстве случаев является скорее готовностью, а не реальными социальными практиками. Данные представлены ниже на рисунках 7.19 и 7.20.

Вопреки гипотезе о более высокой степени интеграции респондентов, давно проживающих в своем населенном пункте, именно среди них большинство браков моноэтничные: 77,4 % среди переехавших 10–19 лет назад, 80 % – 20 и более лет назад, 80,9 % – среди уроженцев. В свою очередь те, кто переехал недавно, гораздо чаще, чем в целом по выборке и среди старожилов, заключают браки с русскими (данные представлены далее на рисунке 7.21). В свою очередь дружба с представителями других этносов в одинаковой степени распространена между всеми сегментами выборки, выделенными по сроку переезда. Таким образом, такие формы межэтнического взаимодействия, как дружба, работа или учеба,

являются более открытыми, чем поведение в сфере семейных отношений.

Рисунок 7.19. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы замужем или женаты, то какой национальности Ваш муж (жена)?», %, 2018 г.

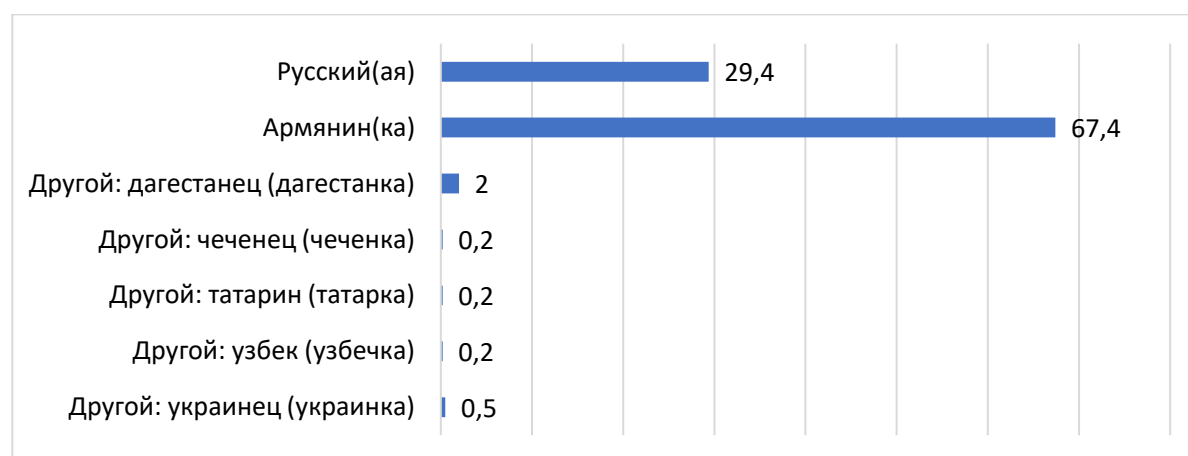

Рисунок 7.20. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какова национальность Вашего близкого друга?», %, 2018 г.

Инструментарий исследования 2018 г. не содержал вопросов, нацеленных на выявление представленности армян в социально-профессиональной структуре области как показателя степени их интеграции в региональный социум. В связи с этим мы обратились за данными к результатам исследования Южного научного центра

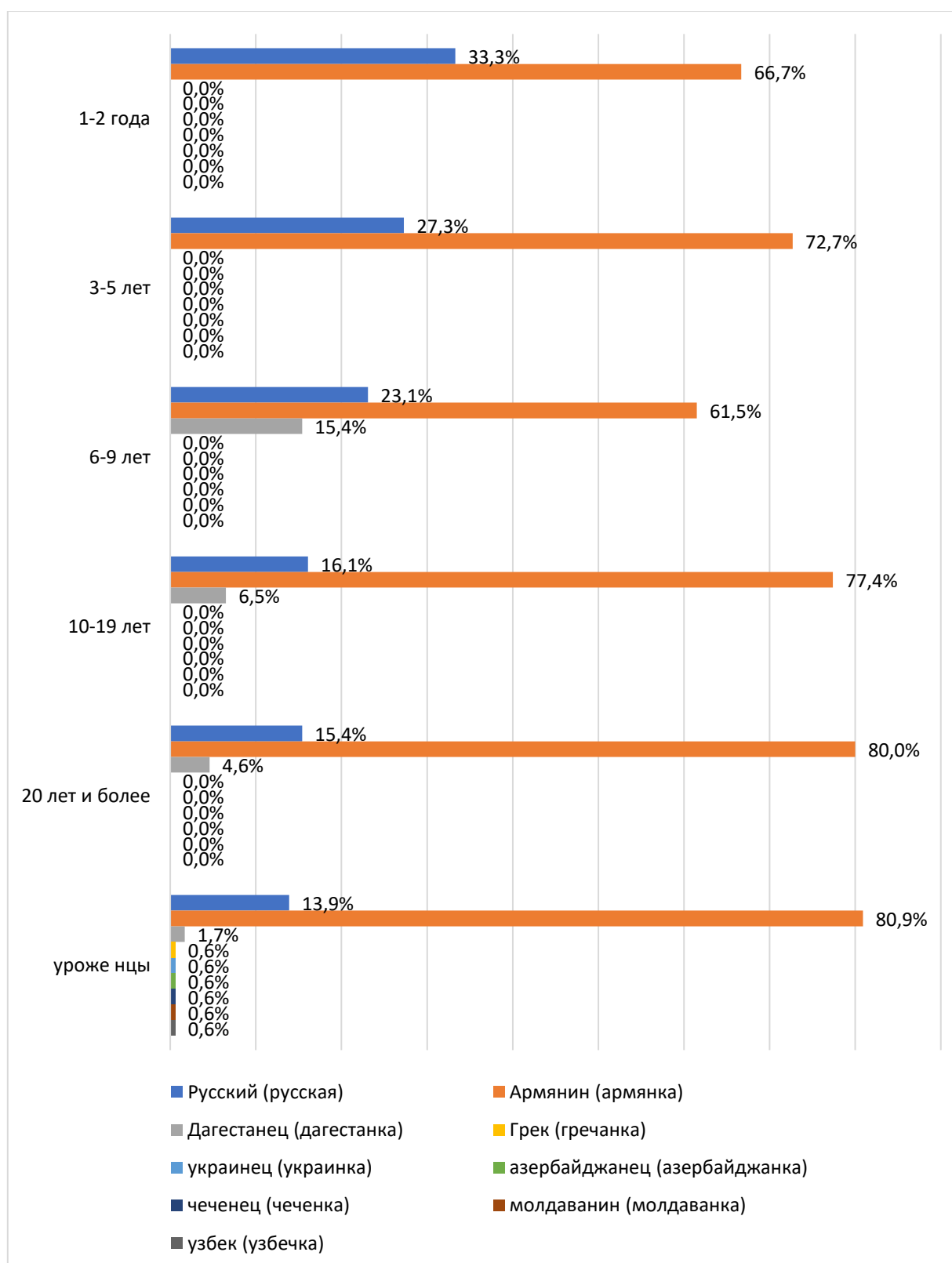

Рисунок 7.21. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы замужем или женаты, то какой национальности Ваш муж (жена)?», в зависимости от срока проживания в населенном пункте, 2018 г.

Российской академии наук «Проблемы демографического и социально-экономического развития южного макрорегиона (2016–2018 гг.)» (руководитель С. Я. Суций)¹. Для реализации поставленной задачи авторами был использован анализ именных данных человека, которые на Кавказе отличаются достаточно высокой спецификой. При этом включенность армян (наряду с представителями других народов Большого Кавказа) анализировалась в таких областях, как здравоохранение, наука и высшая школа, суд и охрана правопорядка, административная и управленческая сфера. Данные собирались по административным центрам регионов Юга России, применительно к нашему исследованию – в Ростовской области.

Рассмотрим каждую сферу. Здравоохранение – наиболее привлекательная сфера занятости для представителей армянской диаспоры города. Авторами были проанализированы списки сотрудников 10 районных поликлиник Ростова-на-Дону. Как показали результаты исследования, доля представителей армянского этноса в них составила 11,9 %; это, как отмечают авторы, значительный результат: он в 3,1 раза выше удельного веса представителей диаспоры в общей структуре населения города. Если говорить о конкретных специальностях, то в число наиболее востребованных вошли следующие: стоматолог-ортопед (15,1 %), гинеколог (7,6 %), анестезиолог-реаниматолог (5,8 %).

Следующая сфера – наука и высшее образование. Как видно из данных, представленных в таблице 7.2, в вузах Ростовской области, находящихся в Ростове-на-Дону, представленность армян значительно ниже, чем в медицине. Так, например, в Ростовском государственном экономическом университете их доля не превышает 3,5 %, в Донском государственном техническом университете – 3,9 %, в Южном федеральном университете – 2,7 %. Возникает вопрос, как трактовать эти цифры? По данным Росстата, на территории Ростовской области сегодня проживают представители более

¹ Суций С. Я. Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2017. № 5(397). С. 3–16.

150 этнических групп¹. Учитывая такое этническое разнообразие, можно сделать вывод, что представленные долевые значения являются достаточно высокими. Это подтверждают проведенные авторами исследования расчеты уровня представленности армян в сфере науки и образования (отношение доли представителей этнической группы в данном профессиональном сообществе к доле этой группы в составе всего населения данного центра (региона)), значения которого во всех трех вузах превышают единицу (табл. 7.2, колонка 3). Важно также отметить, что удельный вес армянского населения с ученой степенью на момент сбора данных был выше, чем у русских и представителей большинства других этнических групп региона.

Таблица 7.2. Армяне в составе штатного персонала ряда вузов Ростова-на-Дону²

Вузы	Число сотрудников, чел.		Доля, %		Уровень представленности	
	Армяне	Остальное население	Армяне	Остальное население	Армяне	Остальное население
Южный федеральный университет	108	3865	2,7	97,3	1,05	1,0
Донской государственный технический университет	48	1178	3,9	96,1	1,52	0,99
Ростовский государственный экономический университет	17	482	3,5	96,5	1,37	0,00

Судебная и правоохранительная системы. Выше мы отмечали, что эти сферы наряду с государственной службой и политикой являются теми, в которых армяне региона в наибольшей степени

¹ Национальный состав населения области [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области: [сайт]. URL: <https://rostov.gks.ru/folder/28951> (дата обращения: 28.08.2022).

² Суцый С. Я. Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2017. № 5(397). С. 8.

ощущают дискриминацию по этническому признаку. По данным С. Я. Суцего и его исследовательского коллектива можно сделать вывод, что это действительно так. Однако есть некоторые оговорки. Действительно, среди работников прокуратуры и судов присутствие армян минимальное. Некоторую роль в данном случае играл территориальный фактор: так, в группе мировых судей областной столицы (54 чел.) в 2016 г. вообще не было представителей общины; но в других городах и районах Ростовской области таковых было 5 человек (из 110 мировых судей)¹. Однако в этом случае говорить о широкой представленности армян в этих сферах не представляется возможным. А вот адвокатская деятельность оказалась для них более доступной: в региональном адвокатском сообществе доля армян по состоянию на 2016 г. составляла 6,2 %. Что касается системы МВД, то здесь ситуация также неоднозначная. Если рассматривать данные по Ростову-на-Дону, то можно увидеть востребованность этой сферы у представителей армянского этноса и открытость ее для них (среди участковых полицейских Ростова доля армян составляла 12,4 % (25 из 201), т. е. была почти в 3,3 раза выше, чем у остального населения города)². Однако в других крупных городах области (Таганрог, Волгодонск, Новочеркасск) их доля в общей этнической структуре работников оказалась незначительной.

Административно-управленческая сфера. Выше мы обращали внимание на то, что значительная доля представителей армянского этноса региона чувствуют дискриминацию по этническому признаку в сферах, связанных с управлением и принятием институциональных решений. Исследование коллектива ЮНЦ РАН показывает, что, действительно, персональный состав представителей верхних этажей исполнительной власти, в 2016 г. за единичными исключениями не содержал работников из числа армян (табл. 7.3). То же самое касалось и регионального правительства (как в целом, так и его структурных подразделений) (табл. 7.4). За исключением Мясников-

¹ Суций С. Я. Социoproфессиональные ориентации армян Ростовской области: тенденции постсоветского периода (на материалах ряда статусных профессиональных сообществ) // Сборник научных статей. Ереван: Изд-во Ереванского госуниверситета, 2020. С. 184.

² Там же.

ского района армяне не присутствовали и среди руководителей городских и районных муниципальных образований области.

Таблица 7.3. Представители армянского этноса в органах исполнительной власти Ростовской области¹

Созывы	Значения
Первый, чел.	–
уровень представленности, %	–
Второй, чел.	–
уровень представленности, %	–
Третий, чел.	1
уровень представленности, %	1,4 (0,26)
Четвертый, чел.	3
уровень представленности, %	4,3 (0,8)
Пятый, чел.	2
уровень представленности, %	2,0 (0,37)

Таблица 7.4. Представители армянского этноса среди депутатов Законодательного собрания Ростовской области разных созывов²

Центры	Всего, чел.	Доля	Уровень представленности
Правительство области (заместители губернатора, министры)	–	–	–
Заместители министров правительства области	1	2,8	1,09
Структурные подразделения правительства области	5	1,5	0,69
Главы муниципальных образований (городов, районов)	1	1,8	0,71

Подведем промежуточные итоги. В 2016–2018 гг. армяне региона смогли сохранить достаточно высокий уровень социального оптимизма. Кроме того, следует отметить их высокие адаптационные возможности, способность быстро осваиваться на новом месте и встраиваться в принимающий социум: даже недавно переехавшие в свой населенный пункт респонденты позитивно оценивают свою жизнь и удовле-

¹ Суцый С. Я. Представители народов Кавказа в статусных социoproфессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2017. № 5(397). С. 12.

² Там же.

творены работой, которую имели на момент проведения замеров. В то же время лучше встроенными в социально-профессиональную структуру территории проживания все же оказались уроженцы этих территорий. Здесь важно сказать о том, что наиболее престижные социально-профессиональные сферы в неравной степени открыты для армян: если в сфере науки и медицины их представленность значительна, то сферы государственного управления, правопорядка и суды оказались для армян региона порядками закрытого доступа.

В целом эмпирические данные 2016–2018 гг. говорят о высоких адаптационных возможностях изучаемого этноса, которые, однако, ограничены так называемым институциональным потолком. Что же касается интеграционных возможностей, то здесь мы, с одной стороны, можем наблюдать высокий уровень толерантности, а с другой – сохранение социальной дистанции в сфере повседневных социальных взаимодействий.

В инструментарии исследования 2021 г. не была напрямую заложена задача исследования адаптационных и интеграционных возможностей представителей армянского этноса в Ростовской области; в то же время ответы на отдельные вопросы помогают пролонгировать выделенные выше тенденции.

Так, при ответе на вопрос о том, каков процент друзей респондентов являются армянами, вариант «Большинство» выбрали 60,7 % опрошенных (рис. 7.22). Чаще других подобную точку зрения разделяют молодежь и представители старшего поколения (рис. 7.23). Распределения ответов по времени прибытия в Россию не показали статистически значимых результатов.

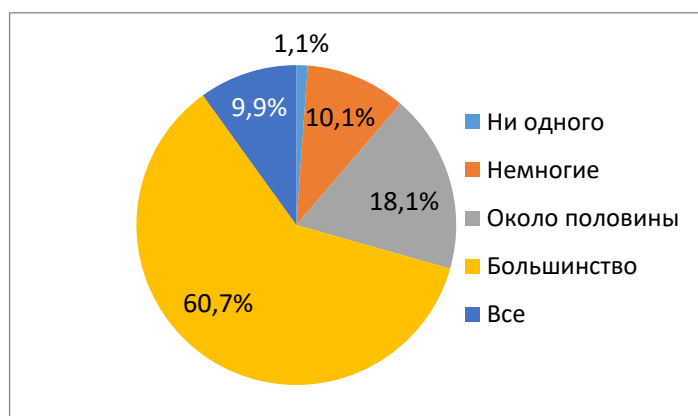

Рисунок 7.22. Распределение ответов респондентов на вопрос «Примерно какой процент Ваших друзей армяне?», 2021 г.

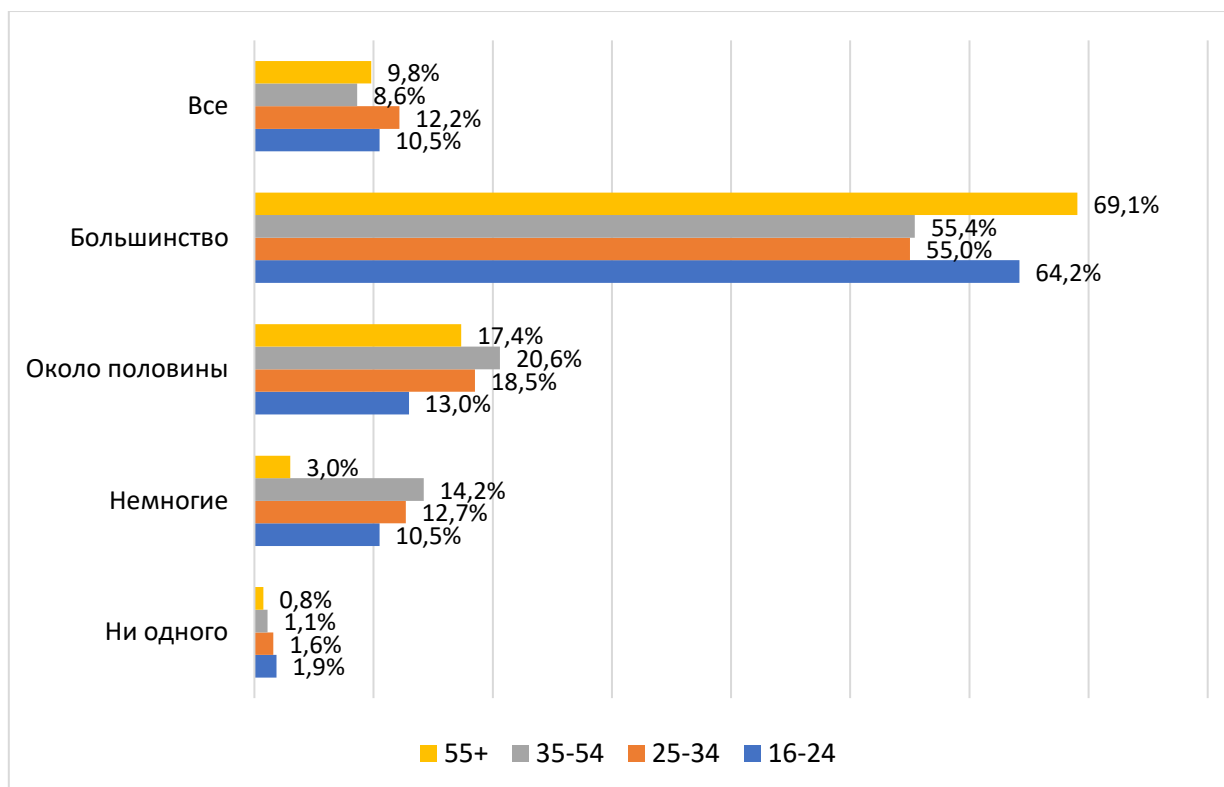

Рисунок 7.23. Распределение ответов респондентов на вопрос «Примерно какой процент Ваших друзей армяне?», в зависимости от возраста респондентов, 2021 г.

Романтическими партнерами в большинстве случаев также были (или являются) в основном представители армянского этноса (рис. 7.24). Молодежь, как показали данные, в этом смысле оказалась наиболее толерантной (17,2 % в сегменте выборки 16–24 года не имели партнеров своего этноса; в остальных группах этот показатель колеблется от 1,9 % (55+ лет) до 6,8 % (25–34 года) (рис. 7.25).

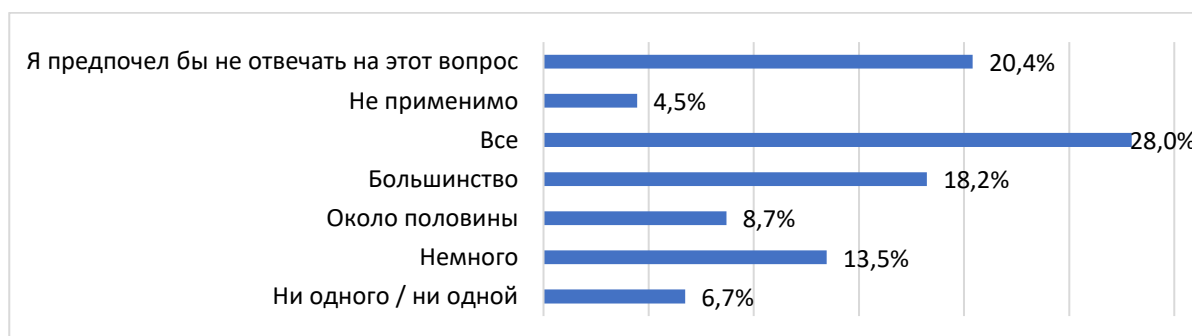

Рисунок 7.24. Распределения ответов респондентов на вопрос «Примерно какой процент Ваших романтических партнеров является/был армянином (ками)?», 2021 г.

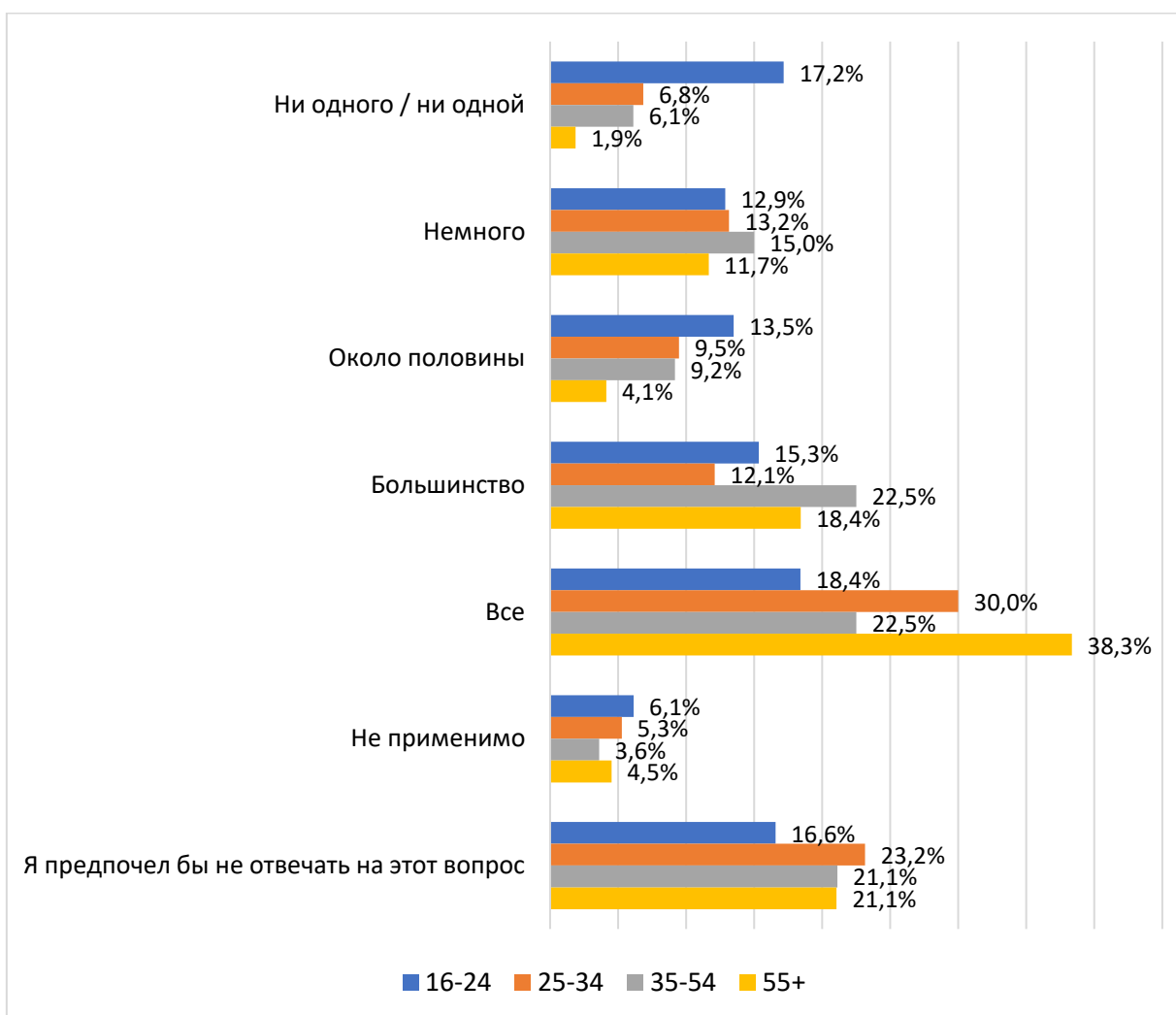
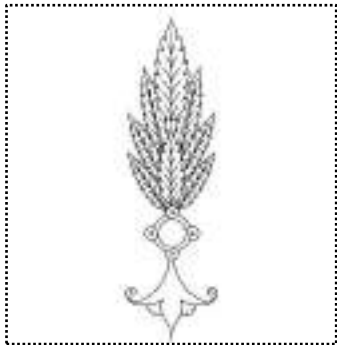

Рисунок 7.25. Распределения ответов респондентов на вопрос «Примерно какой процент Ваших романтических партнеров является/был армянином (ками)?», в зависимости от возраста респондентов, 2021 г.

Анализ представленных данных позволяет сделать ряд важных выводов. Первое – оценивая адаптационные возможности армян региона в исследуемый период, можно отметить достаточно высокий их уровень. Это выражается в низком уровне социального пессимизма и тревожности, позитивных оценках состояния межэтнических отношений. Второе – армяне региона обладают высоким интегративным потенциалом, однако этот потенциал скорее выражается в теоретической возможности включать представителей других этносов в социальные круги первого порядка. Данные показывают, что, несмотря на высокий уровень толерантности, бли-

жайшее окружение респондентов по состоянию на 2018 год оставалось моноэтничным. Те, кто переехал недавно, гораздо чаще, чем в целом по выборке и среди старожилов, заключают браки с русскими. В свою очередь дружба с представителями других этносов в одинаковой степени распространена между всеми сегментами выборки, выделенными по сроку переезда. Третье – представители армянской диаспоры региона слабо включены в наиболее престижные социально-профессиональные сферы, связанные с властью и принятием институциональных решений. В то же время внутри группы представители армянского этноса показали сплоченность, создав как альтернативу сеть социальных связей, допусков и барьеров в тех сферах, которые оказались для них доступны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Армянская община Ростовской области является одним из самых многочисленных и укоренных национальных сообществ нашего края, занимающим второе место по численности после русских. Несмотря на последующие миграции армян в регион, больше половины современных донских армян (52,4 %) считают себя приемниками крымских переселенцев конца XVIII в.¹

Добившись высокого уровня интеграции в социально-экономическую, культурную, политическую жизнь региона, значительная часть армянской общины в условиях длительного, у многих многопоколенного проживания в инонациональном окружении, сумела сохранить многие характерные черты этнокультурной специфики². Этот исторический феномен, социально-значимый опыт донской армянской общины заслуживает внимательного изучения. Не случайно данной проблематике посвящены многочисленные исследования. Глубокий анализ этнической идентичности донских армян, ее динамики в различные исторические периоды этого сообщества содержится в работах Л. В. Батиева, А. В. Серикова и В. В. Черноуса, С. Я. Суцего, Р. Г. Тикиджьяна, С. С. Казарова и других.

¹ Сериков А. В., Черноус В. В. Армяне Ростовской области: проблемы идентичности // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 67.

² Там же.

Прежде всего, следует выделить *общие* исторически сложившиеся стратегии выживания и сохранения этнической идентичности, выработанные армянами в условиях измеряемой тысячелетиями диаспоральной жизни за пределами исторической родины, в условиях многовековой утраты национальной государственности. В процессе тысячелетнего рассеивания, диаспорального существования армянские колонисты выработали целостный *этнокультурный комплекс*, призванный сохранить основы национальной идентичности, традиционные условия жизни за пределами этнической территории в отсутствие в течение веков национального государства, адаптируясь к инациональной среде. Этот комплекс существенно варьировался в разных странах армянского рассеивания, но сформировались и некоторые общие черты этой стратегии.

Важнейшее составляющее этого комплекса – *этническое сознание* армян, его опорные константы. Символами их национальной идентичности являлись и являются: первое в истории принятие христианства как государственной религии (301 г. н.э.), суверенная национальная христианская Армянская апостольская церковь, графическая национальная форма письменности, самобытные формы культовой архитектуры (крестово-купольный принцип построения храмов), хачкары, характерные черты образа жизни, семьи, национального характера¹.

Армянские диаспоры в условиях отсутствия национального государства, веками находясь в инациональном окружении, выработали собственные *институты управления*, среди которых – Армянская апостольская церковь, национальное образование, национальная элита, общественные организации, институт семьи².

Вместе с тем исторический опыт успешной адаптации донской армянской общины к условиям инациональной среды, сохранения ее значительной частью этнонациональной самобытности имеет не только общие черты с другими армянскими диаспорами, но и

¹ Тер-Саркисянц А. Е. Армяне в России // Армяне. М.: Наука, 2012. С. 554–578.

² Там же. С. 550.

существенную *специфику*, обусловленную особенностями процесса его формирования.

Перемещения армян за пределы исторической родины происходили как стихийно, так и организовано. *Компактное расселение* донских армян стало чрезвычайно важным условием устойчивого воспроизводства ими этнокультурной специфики. Компактность поселения донских армян, сохраняющаяся в течение двух с лишним веков, плотность армянской национальной среды на Нижнем Дону, которая, естественно, постепенно размывалась, тем не менее создавала благоприятные условия для повседневного общения армян, создания моноэтнических семей, организации культурной и религиозной жизни на основе национальных традиций и, в конечном счете, для относительно устойчивого воспроизводства основной массой донских армян этнокультурной специфики, хотя влияние культуры преобладающего русского населения неизбежно усиливалось.

Свою роль в сплоченности донских армян, относительной устойчивости воспроизводства ими этнокультурных ценностей в течении длительного периода сыграло *общее происхождение* ядра донской общины, представители которого переселились на Донскую землю из Крыма, где до этого они проживали несколько веков в другом инациональном окружении (крымских татар, греков и др.) и обрели черты *субэтнической группы* армянского народа (западно-армянский диалект армянского языка с примесью тюркизмов, влияние некоторых обычаев, кухни и других элементов культуры Крыма XIV–XVIII вв.)¹.

Существенное значение для устойчивого воспроизводства донскими армянами основ армянской идентичности имело также длительное *автономное существование* и предоставленные царским правительством льготы и привилегии.

Как уже отмечалось, для армян *образование* всегда оставалось одной из важнейших ценностей. Представители донской армянской элиты прекрасно понимали роль образования и воспитания

¹ Шагинян М. С. Человек и время. История человеческого становления. М.: Советский писатель, 1982. С. 14.

как основных наиболее эффективных каналов трансляции культуры и национальной идентичности.

Среди армянских этнических ценностей особое место занимали и занимают *семейные ценности*. Вплоть до конца XIX в. в Нахичевани-на-Дону абсолютно преобладали моноэтнические семьи. Традиционная устойчивость семейных ценностей, семейных устоев, существенная разница этих традиций у армян и русских объясняют то, что смешанные браки среди донских армян длительный период, вплоть до 20–30-х гг. XX в., составляли незначительную долю в их общем числе. Во второй половине XX – начале XXI вв. их число увеличивается, но и сегодня они вряд ли превышают третью часть общего количества браков в этой среде¹. Это положение снижает потенциал ассимиляционных процессов среди донских армян. В то же время современные исследования свидетельствуют, что молодое поколение проявляет уже большую толерантность к межэтническим бракам.

Чрезвычайно важную роль в сохранении и утверждении относительной устойчивости воспроизводства донскими армянами этнокультурной специфики последние три десятилетия играет такой институт как Ростовская региональная общественная организация «*Нахичеванская-на-Дону армянская община*», которая была создана в 1988 г. Возникнув на волне демократизации советского общества в конце 80-х гг. XX в., эта армянская общественная организация уже в начале своей деятельности поставила перед собой цель: «возрождение и сохранение самобытной многовековой национальной культуры донских армян, содействие в решении задач в области совершенствования межнациональных отношений»². Нахичеванская армянская община, опираясь на всех своих активных членов, энтузиастов возрождения культуры донских армян, развернула масштабную организаторскую, культурно-просветительскую, издательскую, исследовательскую, пропагандистскую деятельность, направленную на реализацию поставленных целей.

¹ Суцый С. Я. Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк). Ростов-на-Дону, 2015. С. 229–230.

² Хурдаян К. Д. Нахичеванская-на-Дону армянская община // Смирнов В. В. Летопись Нахичевани-на-Дону... Ростов-на-Дону, 2018. С. 349.

Важным направлением работы Нахичеванской-на-Дону армянской общины является образовательная деятельность, организация изучения армянского языка, истории и культуры армянского народа. В Ростовской области в 20-ти классах учащиеся изучают армянский язык, эта работа ведется также и в воскресных школах, организованных армянскими храмами. Создан Армянский виртуальный колледж, в котором, опираясь на современные информационные технологии, учащиеся из разных стран в течение трех лет изучают армянский язык, историю и культуру армянского народа, его выпускники получают сертификаты международного образца¹.

Анализируя языковую ситуацию в среде донских армян, **А. В. Сериков и В. В. Черноус** на основании анализа данных этого социологического исследования пришли к выводу, что «у донских армян, особенно представителей традиционной диаспоры, сложилась двойная языковая идентичность с приоритетом использования русского языка и владения им»².

Результаты социологического исследования также свидетельствуют о том, что ряд базовых идентификационных признаков этнической идентичности сохраняется, в том числе у тех армян, которые потомственно проживают в Донском крае длительное время. Большинство местных армян используют армянский и русский языки в качестве родного, проявляют заинтересованность в сохранении армянской культуры, стремятся узнать больше о традициях и культуре армянского народа. Значительная часть донских армян сохраняет связи с армянами в Республике Армения и в соседних регионах России³.

Данные социологического исследования свидетельствуют о высокой степени интегрированности донских армян в региональный и российский социумы. Таким образом, идентичность донских ар-

¹ Сурмалян А. А. Из истории армянской общины на Дону. Аспекты общественно-политической деятельности // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012. С. 201–204.

² Там же. С. 68.

³ Сериков А. В., Черноус В. В. Донские армяне в контексте укрепления российской идентичности // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2012. С. 278.

мян, являющихся гражданами России, является многосоставной, гибридной, в ней представлены признаки, черты как армянской, так и российской идентичностей («русский армянин»). Абсолютное большинство традиционных донских армян принадлежит российской и армянской культурам одновременно.

Актуальным и сложным является вопрос об перспективах, устойчивости этнокультурной специфики нахичеванских донских армян. Прогнозы в этой области выстраивать сложно, даже пунктиром, поскольку не все составляющие, факторы, условия, риски этого процесса можно представить, находясь в русле научного дискурса. Естественными факторами риска усиления ассимиляционных потерь в среде донских армян являются: продолжающийся процесс все более активного использования русского языка в большинстве сфер жизнедеятельности, рост межнациональных браков, влияние преобладающей русскоязычной российской культуры¹.

Необходимо также учитывать позитивное влияние на процесс разрешения проблемы устойчивого воспроизводства донскими армянами этнокультурной специфики тех акторов, о которых уже говорилось, – Армянская апостольская церковь, Нахичеванская-на-Дону армянская община, тесное взаимодействие Ростовской области, донской армянской общины, местных жителей армянской национальности с Республикой Армения.

Стратегическая цель современной России – формирование многоэтнической гражданской нации. Донские армяне, которые являются в своем большинстве потомственными гражданами нашей страны и связывают с ней свое будущее, для жизненного преуспевания в большом российском пространстве, очевидно, должны стремиться разрешить двуединую проблему – дальнейшей, все более полной интеграции в региональный и российский социумы, вместе с тем сохраняя исторически выработанные основные черты этнического своеобразия.

¹ Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.

Как свидетельствует опыт других многонациональных государств, оптимальной стратегией их развития является формирование множественных взаимодополняющих идентичностей граждан в рамках единого государственного сообщества¹.

Нахичеванская-на-Дону армянская община как активный актор, влияющий на сознание и деятельность местных армян, на наш взгляд, должна всячески способствовать решению этой сложной задачи, акцентируя внимание на ее второй составляющей, исходя из того, что первую мощно стимулируют объективные процессы жизнедеятельности армян в большом российском социуме.

Вместе с тем, по современным гуманитарным представлениям, следует создавать условия для реализации свободного выбора представителями разных этнических традиций культурных альтернатив в полиэтническом российском обществе².

¹ *Тишков В.* Понимание и управление культурным многообразием в России // Повестка дня для России. М., 2009. С. 8.

² *Матвеев Г. А.* О причинах, условиях и факторах относительной устойчивости воспроизводства армянами этнокультурной специфики в условиях длительного проживания в инонациональной среде // Изборник. Книга 2. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2022. С. 34–50.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Федеральный закон «О национально-культурной автономии», (В редакции федеральных законов от 10.11.2003 № 136-ФЗ; от 04.11.2014 № 336-ФЗ) [Электронный ресурс] // СПС Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/135765>.

Абрамян, Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча [Текст] / Л. Абрамян // XXI век. – 2005. – № 2. – С. 137–155.

Аваков, П. А. «О селениях... армянских, вышедших из Крыма, Вашей светлости донести я должен» [Текст] / П. А. Аваков // Исторический архив. – 2018. – № 6. – С. 169–181.

Авдашкин, А. А. Диаспора: Происхождение и развитие понятия [Текст] / А. А. Авдашкин // Социум и власть. – 2013. – № 2(40). – С. 107–111.

Авксентьев, А. В. Этнические группы и диаспоры Ставрополя (краткий справочник) [Текст] / А. В. Авксентьев, В. А. Авксентьев. – Ставрополь: СГУ, 1997. – 89 с.

Айкина, Л. П. Пути сохранения этнической культуры диаспоры в рамках деятельности этнокультурного объединения [Текст] / Л. П. Айкина, М. Геворгян // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2018. – № 3(17). – С. 100–104.

Акопян, В. З. Донской Шаумян. К истории западноармянских поселений на Дону [Текст] / В. З. Акопян // «Нахичевань-на-Дону: история и современность (К 240-летию переселения армян на

Дон)»: материалы международной научной конференции. г. Ростов-на-Дону, 18–19 октября 2019 г. С. 18–35.

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества [Текст] / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 286 с.

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Б. Андерсон. / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

Араджиони, М. А. Формирование армянских общин в Восточном Крыму (конец XVIII – первая половина XIX веков) [Текст] / М. А. Араджиони // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008.

Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.) [Текст]. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – 304 с.

Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.) [Текст]. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – 222 с.

Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г.) [Текст]. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 416 с.

Армяне Юга России: опыт социологического исследования [Текст]: коллективная монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов н/Д.; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 176 с.

Армяне [Текст]. – М.: Наука, 2012. – 648 с.

Армяне. Народы и культуры [Текст] / отв. ред. Л. М. Варданян, Г. С. Саркисян, А. Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии НАН РА. – М.: Наука, 2012.

Армянские диаспоры юга России: социологический портрет и проблемы идентичности / Ю. Г. Волков, Г. В. Мирзоян, В. В. Черноус, А. В. Сериков, Ф. А. Барков, А. Р. Нагапетян, Д. О. Садко. – Ростов н/Д.: Южнороссийский филиал Института социологии РАН, 2011. – 81 с.

Арутюнов, С. А. Диаспора – это процесс [Текст] / С. А. Арутюнов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 74–78.

Асвацатурова, М. А. Межкультурный диалог в поле диаспор: [Этн. группы в Ставропольском крае] [Текст] / М. А. Асвацатурова // Этнические проблемы современности. – 2000. – Вып. 6. – С. 13–17.

Асвацатурова, М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (на материалах Северо-Кавказского региона) [Текст]: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / М. А. Асвацатурова. – М., 2003. – 47 с.

Асвацатурова, М. А. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели [Текст] / М. А. Асвацатурова // Диаспора. – 2003. – № 2. – С. 185.

Бархударян, В. Б. История армянской колонии Новая Нахичеван. 1779–1917 [Текст] / В. Б. Бархударян. – Ереван: Айастан, 1996. – 528 с.

Батиев, Л. В. Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству [Текст] / Л. В. Батиев, С. Я. Суций // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 3. – С. 71–88.

Батиев, Л. В. Нахичеванская армянская община – первая форма национально-культурной автономии на Дону в 1918–1919 гг. [Текст] / Л. В. Батиев // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 160–177.

Батиев, Л. В. Нахичеванская на Дону армянская община как первый опыт национально-культурной автономии на Дону [Текст] / Л. В. Батиев // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 160–177. – DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-160-177.

Батиев, Л. В. Численность и этнический состав населения Нахичевани-на-Дону: перепись 1897 vs данных полицейского учета [Текст] / Л. В. Батиев // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы IV Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 28–29 сентября 2021 г.). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2021. – С. 86–94.

Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 8. Дебитор-Евкалипт [Текст] / глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 591 с.

Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

Брубейкер, Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с роинами [Текст] / Р. Брубейкер // *Диаспоры*. – 2005. – С. 44–71.

В РФ во втором квартале 2022 года въехало рекордное за шесть лет число трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/15417683> (дата обращения: 05.11.2022).

Вартанян, В. Г. История Армянской апостольской церкви на Дону (XVIII–XX вв.) [Текст] / В. Г. Вартанян, С. С. Казаров. – 2-е изд., перер. и доп. – Таганрог: Изд-во ТИУиЭ, 2008. – 124 с.

Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы [Текст]. – 1893. – № 10.

Вишневский, А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор [Текст] / А. Г. Вишневский // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 3. – С. 115–130.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XI. Ч. 4. Екатеринославская губерния [Текст]. – СПб.: В тип. департамента Генерального штаба, 1850. – 186 с.

Геллнер, Э. Нации и национализм [Текст] / Э. Геллнер; пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.

Гири, К. Интерпретация культур [Текст] / К. Гири; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.

Города России 1910 г. [Текст]. – СПб., 1914. – 1200 с.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 579. Оп. 1. Д. 85.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 790. Оп. 1. Д. 47.

Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 660. О. 1. Д. 477.

Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 2012 [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилёв. – URL: http://vmk78.narod.ru/Gumilev_Ethnogenez.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

Демографический понятийный словарь [Текст] / под ред. Л. Л. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. – М., 2003. – 352 с.

Диаспоры в современных обществах [Текст] // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. – 1991. – № 1.

Дин, Ю. И. Термин «диаспора» в российской науке и корейская община Сахалина [Текст] / Ю. И. Дин // *Ученые записки Сахалинского государственного университета*. – 2013. – Вып. X. – С. 161–170.

Донско-азовский календарь на 1887 год [Текст]. – Ростов-на-Дону, 1886. – С. 123–126.

Дятлов, В. И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе [Электронный ресурс] / В. И. Дятлов // *ДемоскопWeekly*: [сайт]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php> (дата обращения: 07.11.2022).

Дятлов, В. И. Диаспора: попытка определиться в понятиях [Текст] / В. И. Дятлов // *Диаспоры*. – 1999. – № 1. – С. 8–23.

Дятлов, В. И. Диаспоры: экспансия термина в общественную практику современной России [Текст] / В. И. Дятлов // *Диаспоры*. – 2004. – № 3. – С. 126–139.

Исторический феномен диаспоры [Текст] // *Этнопанорама*. – 2000. – № 2. – С. 2–12.

История Мясниковского района [Электронный ресурс] // Межпоселенческая центральная библиотека Мясниковского района : [сайт]. – URL: // http://www.chaltlib.ru/articles/history/Date_osnov/ (дата обращения: 09.01.2022).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Ростовской области. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1: Статистический сборник [Текст] / Ростовстат. – Ростов н/Д., 2013. – С. 4–20.

Итоги переписи населения: За 12 лет число армян в Грузии сократилось на 32 % [Электронный ресурс] // news.am: [сайт]. – URL: <https://news.am/rus/news/325167.html> (дата обращения: 17.11.2022).

Казаров, С. С. Нахичеванское купечество (конец XVIII - начало XX века) [Текст] / С. С. Казаров. – Ростов-на-Дону: ООО «Ковчег», 2012. – 143 с.

Келле-Шагинов, И. М. Моя единственная жизнь [Текст] / И. М. Келле-Шагинов. – Ростов н/Д.: Старые русские, 2015. – 320 с.

Кондратьева, Т. С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс] / Т. С. Кондратьева // Исторический фонд «Перспектива»: [сайт]. – URL Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия – Перспективы (perspektivy.info) (дата обращения: 07.11.2022).

Кондратьева, Т. С. К вопросу о понятии «диаспора»: Дискуссия в научном сообществе [Текст] / Т. С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 4. – С. 17–43.

Красюков, А. В. Региональные факторы этнической адаптации [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / А. В. Красюков. – Саратов, 2005. – 19 с.

Краткая Российская Энциклопедия [Текст]. – М.: Большая Российская Энциклопедия, ОНИКС, 21 век. 2004. – Т. 1.

Куцаева, М. В. Сохранение этнической культуры чувашей в условиях московской диаспоры [Текст] / М. В. Куцаева // Этническая культура. – 2019. – № 1(1). – С. 27–39.

Лубский, А. В. Функциональная роль диаспор и потенциал интеграции мигрантов (на примере Ростовской области) [Текст] / А. В. Лубский, А. В. Сериков, А. А. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 11. – С. 49–54.

Лурье, С. В. Культурная традиция и этнос. Опыт историко-этнологического анализа [Электронный ресурс] / С. В. Лурье // Историческая этнология. – URL: <http://svlourie.ru> (дата обращения 28.08.2022).

Малхасян, А. Г. Печатное слово донских армян [Текст] / А. Г. Малхасян // Нор-Нахичеван. – 2009. – № 21.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. I. Вып. 2. Диаметр – Донинское [Текст]. – СПб., 1907.

Маргулян, Я. А. Социокультурные факторы укрепления национальной идентичности [Текст] / Я. А. Маргулян // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 206. – С. 170–174.

Матвеев, Г. А. О причинах, условиях и факторах относительной устойчивости воспроизводства армянами этнокультурной специфики в условиях длительного проживания в инонациональной среде [Текст] / Г. А. Матвеев // Изборник. Книга 2. – Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2022. – С. 34–50.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния [Текст]. – СПб.: Тип. департамента генерального штаба, 1862. VII. – 352 с.

Межэтнические и межконфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад [Текст] / под ред. В. А. Тишкова, Л. Л. Хоперской, В. В. Степанова. – М.; Ростов н/Д., 2013. – С. 94–97.

Мелконян, Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) [Текст] / Э. Мелконян // Диаспоры. – 2000. – № 1–2. – С. 6–28.

Милитарев, А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) [Текст] / А. Ю. Милитарев // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 24–33.

Милитарев, А. Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) [Текст] / А. Ю. Милитарев // Диаспоры. – 2005. – № 3. – С. 8–17.

Мирзоян, С. С. О деятельности общественных организаций Ростова-на-Дону и Ново-Нахичевани по оказанию помощи беженцам (1915–1916 гг.) [Текст] / С. С. Мирзоян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 141–145.

Мокин, К. С. Диаспоры: Диаспорная идентичность в динамике: конвергенция и энтропия (изучая армян Саратовской области) [Текст] / К. С. Мокин // Диаспоры. – 2006. – № 4. – С. 150–168.

Молот. – 1926. – 12 мая.

Мурзакевич, Н. А. Описание городов и уездов Азовской губернии [Текст] / Н. А. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. 3. – С. 289–305.

Мыльников, М. А. Современные диаспоры в глобальном коммуникационном пространстве [Текст] / М. А. Мыльников // Вестник Московского Университета. – 2007. – Сер. 18. Социология и политология. – № 2.

Нации и этносы в современном мире. Словарь-справочник [Текст] / ред. М. Н. Росенко. – СПб.: ИД «Петрополис», 2007. – 174 с.

Национальный архив Армении (НАА). Ф. 139. Ново-Нахичеванский армянский магистрат (1780–1918 гг.). Оп. 1. Ф. 329. Д. 240.

Национальный состав населения области [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области: [сайт]. – URL: <https://rostov.gks.ru/folder/28951> (дата обращения: 28.08.2022).

Обидина, Ю. С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях [Текст] / Ю. С. Обидина // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. – 2012. – Вып. № 4–5. – С. 5–18.

Областной Войска Донского наказной атаман. Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1888 г. Ч. 2: Часть гражданская [Текст]. – Новочеркасск, 1889. – 90 с.

Областной Войска Донского наказной атаман. Отчет Войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1899 г. Ч. 2: Часть гражданская [Текст]. – Новочеркасск, 1900. – 70 с.

Отечественные записки. – 1824. – Ч. 23. – № 64.

Оценка численности постоянного населения на 1 января 2016 года и в среднем за 2015 год (опубликовано 09.03.2016) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/

rosstat.ru/statistics/population/demography (дата обращения: 17.11.2022).

Памятная книжка для Екатеринославской губернии на 1860 г. [Текст]. – Екатеринослав: В типографии губернского правления, 1860.

Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год [Текст]. – Екатеринослав, 1864.

Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1867 год. – Екатеринослав, 1867. Часть 1 и 2 [Текст]. – 526 с.

Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1875 г. [Текст]. – Екатеринослав, 1875. IV. – 88 с.

Патканян, Р. История Новой Нахичевани [Текст] / Р. Патканян. – Нахичевань н/Д., 1917 (на арм. яз.). – 120 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Область Войска Донского [Текст]. – СПб., 1905.

Пешкова, В. Особенности диаспорных коммуникаций в современной России [Текст] / В. Пешкова // Власть. – 2013. – № 10. – С. 74–78.

Погосян, Г. А. Армянское общество в трансформации [Текст] / Г. А. Погосян. – Ереван: Лусабац, 2003. – 459 с.

Попков, В. «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина [Текст] / В. Попков // Диаспоры. – 2002. – № 1. – С. 6–22.

ПСЗ-I. Т. 20. № 14942. Т. 24. № 18033. Т. 24. № 18811. 4 января 1798 г.

ПСЗ-II. Т. 11. № 8970. 11 марта 1836 г. Высочайше утвержденное положение о управлении делами Армяно-Григорианской Церкви в России, опубликованное 10 апреля.

ПСЗ-II. Т. 50. № 54506.

Распределение населения Ростовской области по национальности. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года [Текст]: стат. сб. / Ростовстат. – Ростов н/Д., 2005. – С. 9–19.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ). Ф. 68. № 232. Л. 5.

Российская диаспора как фактор укрепления национальных интересов России на постсоветском пространстве [Текст] / Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2011. – 148 с.

Россия заняла четвертое место в мире по числу принятых мигрантов [Электронный ресурс] // Российская газета: [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2019/09/18/rossiia-zaniala-chetvertoe-mesto-v-mire-po-chislu-priniatyh-migrantov.html> (дата обращения: 05.11.2022).

Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 1. Ростовский на Дону уезд и Таганрогское градоначальство [Текст] / сост. Статистическим отделением Екатеринославской губернской земской управы. – Екатеринослав: Печатано в губернской типографии, 1884. III, VI, 319, IX, 76, 69, VI с. разд. паг.

Сериков, А. В. Армяне Ростовской области: проблемы идентичности [Текст] / А. В. Сериков, В. В. Черноус // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.). – Ростов н/Д., 2015.

Сериков, А. В. Донские армяне в контексте укрепления российской идентичности [Текст] / А. В. Сериков, В. В. Черноус // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. – Ростов н/Д., 2012.

Сивков, С. М. Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917–1930-х гг. [Текст] / С. М. Сивков, И. Г. Иванцов // *Oriental Studies*. – 2013. – № 6 (3). – С. 96–101.

Сидоров, В. С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1–5 [Текст] / В. С. Сидоров. – Ростов н/Д.: Гефест. Т. 1. – 1994. – 224 с.; Т. 2. – 1994. – 294 с.; Т. 3. – 1995. – 223 с., Т. 4. – 1996. – 404 с., Т. 5. – 1999. – 430 с.

Симонов, С. Г. Формирование диаспор и диаспоральной культуры Тюменской области: социологический анализ [Текст] / С. Г. Симонов, М. А. Хаматханова // Омский научный вестник. – 2011. – № 4(99). – С. 37–40.

Скальковский, А. А. Ростов-на-Дону и торговля Азовского бассейна, 1749–1863 гг. [Текст] / А. А. Скальковский. – Екатеринослав, 1865–1866. 2, II. – 83 с., – 1 л. план.

Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823. Ч. II. С 1796 по 1823 [Текст] / А. А. Скальковский. – Одесса, 1838.

Словарь социолитературных терминов [Текст]. – М., 2006. – 312 с.

Смирнов, В. В. Летопись Нахичевани-на-Дону в историческом, бытописательном, статистическом и иллюстративном интерьерех и с приложениями, включающими важные, полезные и интересные сведения [Текст] / В. В. Смирнов; ред.-сост. С. М. Саядов. – Ростов н/Д.: АО «Книга», 2018. – 456 с.

Смирнов, С. Д. К вопросу о населении, рождаемости и смертности г. Ростова-на-Дону: из Санитарного Бюро Ростовской-на-Дону Городской Управы [Текст] / С. Д. Смирнов. – Ростов н/Д.: Электротипография М. И. Турцевич, 1905. – 59 с.

Советский энциклопедический словарь [Текст]. Изд. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1988.

Социология: Энциклопедия [Текст] / сост.: А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

Сперанский, М. М. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое [Текст] / М. М. Сперанский // Типография II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии. – 1830 – Т. XX. – № 14943.

Список национально-культурных объединений России. Сборник методических материалов [Текст]. – М., 2014. – Вып. 10. – 142 с.

Статистический сборник по г. Ростову на Дону [Текст]. 1-я часть. № 1–6. Январь-Июль 1914. – Ростов-на-Дону, 1915. – 179 с. – 25 л. диагр.

Стефаненко, Т. Г. Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие / Т. Г. Стефаненко // Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и межконфессиональ-

ного взаимодействия [Текст] / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. А. Тишкова, П. М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 367–399.

Сурмалян, А. А. Из истории армянской общины на Дону. Аспекты общественно-политической деятельности [Текст] / А. А. Сурмалян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 201–204.

Суций, С. Я. Армяне России – геодемографические тенденции прошлого, современные реалии и перспективы [Текст] / С. Я. Суций // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. – № 3. – С. 127–152.

Суций, С. Я. Армяне Юга России и Крыма (геодемографический очерк) [Текст] / С. Я. Суций. – Ростов н/Д.: Изд-во Копицентр, 2015. – 286 с.

Суций, С. Я. Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода [Текст] / С. Я. Суций // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 3–16.

Суций, С. Я. Социопрофессиональные ориентации армян Ростовской области: тенденции постсоветского периода (на материалах ряда статусных профессиональных сообществ) [Текст] / С. Я. Суций // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – С. 186–189.

Тавадьян, Т. Армянские национальные «очаги» в Краснодарском крае степень организованности и перспективы [Электронный ресурс] / Т. Тавадьян // Фонд «НОРАВАНК»: [сайт]. – URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/290_ru.pdf (дата обращения: 17.11.2022).

Тер-Саркисянц, А. Е. Армяне в России [Текст] / А. Е. Тер-Саркисянц // Армяне. – М.: Наука, 2012. – С. 554–578.

Тер-Саркисянц, А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции [Текст] / А. Е. Тер-Саркисянц. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 397 с.

Тикиджьян, Р. Г. Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII –

начале XXI вв. [Текст] / Р. Г. Тикиджьян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – С. 284–290.

Тишков, В. А. Диаспора как коллективная память и как предписание [Электронный ресурс] / В. А. Тишков // Институт этнологии и антропологии РАН: [сайт]. – URL: http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n43_diaspor.html (дата обращения: 15.11.2022).

Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры [Текст] / В. А. Тишков // Исторические записки 3 (121). – М.: Наука, 2000. – С. 207–236.

Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры [Текст] / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 43–63.

Тишков, В. А. Исторический феномен диаспоры [Текст] / В. А. Тишков // Этнопанорама. – 2000. – № 2. – С. 2–12.

Тишков, В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии [Текст] / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – С. 435–490.

Тишков, В. А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) [Текст] / В. А. Тишков // Диаспоры. – 2003. – № 2. – С. 160–184.

Тишков, В. А. Понимание и управление культурным многообразием в России // Повестка дня для России. – М., 2009 [Электронный ресурс] // URL: http://levonabrahamian.com/cntnt/publicatio/articles_b/stati/vtishkov.html (дата обращения: 10.11.2022).

Тощенко, Ж. Т. Диаспора как объект социологического исследования [Текст] / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

Тощенко, Ж. Т. Концепция национальной политики опять не состоялась? [Текст] / Ж. Т. Тощенко // Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. – М.: РГГУ, 1997.

Третьяков, В. Конец диаспор? (Обзор журнала “Diaspora: A Journal of Transnational Studies”) [Текст] / В. Третьяков // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 3. – С. 49–61.

Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года [Текст] / Э. Хобсбаум ; пер. с англ. А. А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.

Хурдаян, К. Д. Нахичеванская-на-Дону армянская община [Текст] / К. Д. Хурдаян // Смирнов В. В. Летопись Нахичевани-на-Дону. – Ростов-на-Дону, 2018.

Шагинян, М. С. Человек и время. История человеческого становления [Текст] / М. С. Шагинян. – М.: Советский писатель, 1982. – 560 с.

Шахазиз, Е. Исторические зарисовки [Текст] / Е. Шахазиз. – Тифлис, 1903. – 239 с. (на арм. яз.).

Шахазиз, Е. Нахичеван и нахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана [Текст] / Е. Шахазиз. – Ростов н/Д.: ЗАО «Книга», 2005. – 240 с.

Швырев, В. С. Идеальный тип [Электронный ресурс] / В. С. Швырев // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия: [сайт]. URL:<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0c181709923b7e0d63380c> (дата обращения: 13.11.2022).

Шеффер, Г. Диаспоры в мировой политике [Текст] / Г. Шеффер // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 162–185.

Шнирельман, В. Мифы диаспоры [Текст] / В. Шнирельман // Диаспоры. – 1999. – № 2–3. – С. 6–33.

Экономическое состояние городских поселений Евр России в 1861–62 гг. Ч. 1 [Текст]. – СПб., 1863. – 917 с. разд. паг.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Ха^а Десмургия – Домициан [Текст]. – СПб.: Типолиитография И. А. Ефрона, 1893. – 960 с.

Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / под общ. ред. акад. Ю. В. Бромлея и проф. С. И. Вайнштейна; отв. ред. выпуска докт. ист. наук, проф. В. И. Козлов. – М.: ИЭА РАН, 1995. – 216 с.

Янг, К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность / Этничность и власть в полиэтничных государствах: Ма-

териалы междунар. конф. [25–27 янв.] 1993 г. [Текст] / К. Янг; отв. ред. В. А. Тишков. – М.: Наука, 1994. – 313 с.

Aviv, C. S. New Jews: The End of the Jewish Diaspora [Text] / C. S. Aviv, D. Shneer. – N.Y.: New York University Press, 2005. XVI. – 214 p.

Bell, D. Ethnicity and Social Change [Text] / D. Bell // Ethnicity. Theory and Experience. – N.Y., 1989. – P. 141–177.

Butler, K. D. Defining Diaspora, Refining a Discourse [Text] / K. D. Butler // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 2001. – № 2. – P. 189–219.

Cohen, R. Global Diasporas [Text] / R. Cohen. – London, 1997. – 228 p.

Fishman, J. A. The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity [Text] / J. A. Fishman // J. A. Fishman, M. H. Gertner, E. G. Lowy, W. G. Milán ... – Berlin; New York; Amsterdam: Mouton, 1985. XVI. – 531 p.

Glazer, N. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City [Text] / N. Glazer, D. P. Moynihan. – Cambridge, Massachusetts Massachusetts Institute of Technology Press, 1963. (Second expanded edition M.I.T. Press, 1974. – 363 p.)

Glazer, N. Ethnicity: Theory and experience [Text] / N. Glazer, D. P. Moynihan, C. S. Schelling (ed.). – Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1975. – 512 p.

Kim Sandra So Hee Chi. Redefining Diaspora through a Phenomenology of Postmemory [Text] / Kim Sandra So Hee Chi // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 2007. – № 3. – P. 337–352.

Král, F. Mapping Diaspora Studies: (Un)settled Past, Heterogeneous Present, and Multidisciplinary Future(s) [Text] / F. Král // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. – 2011. – № 3. – P. 391.

Rothschild, J. Ethnopolitics, A Conceptual Framework [Text] / J. Rothschild. – New York: Columbia University Press, 1981. X. – 290 p.

Safran, W. Describing and Analyzing of Diaspora: An Attempt at Conceptual Cleansing [Text] / W. Safran // Paper presented at the con-

ference «Diasporas: Transnational Traditions and the Politics of the Homeland». University of California at Berkeley. November 12–13, 1999.

Safran, W. Diaporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return [Text] / W. Safran // *Diaspora*. – 1991. – Vol. 1. – № 1. – P. 83–99.

Smith, A. D. The ethnic revival [Text] / A. D. Smith. – New York: Cambridge University Press, 1981. XXIV. – 240 p.

Stratton, J. (Dis) placing the Jews: Historicizing the Idea of Diaspora [Text] / J. Stratton // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. – 1997. – № 3. – P. 301–329.

Tölölyan, K. Rethinking diaspora (s): Stateless power in the transnational moment [Text] / K. Tölölyan // *Diaspora: a journal of transnational studies*. – 1996. – T. 5. – № 1. – P. 3–36.

Van den Berghe, P. L. The Ethnic Phenomenon [Text] / P. L. Van den Berghe. – New York: Elsevier, 1981. XIV. – 301 p.

Vertovec, S. Three Meanings of “Diaspora”, Exemplified among South Asian Religions [Text] / S. Vertovec // *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. – 1997. – Vol. 6. – № 3. – P. 277–299.

World Migration Report 2022 [Electronic resource] // INTERNATIONAL ORGANIZATION FOR MIGRATION : [website]. – URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive> (date of application: 05.11.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батиев Левон Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией социологии и права, Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону.

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Бинеева Наталья Камильевна – кандидат социологических наук, доцент, руководитель Центра прикладных социологических исследований – заместитель директора Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Матвеев Герман Аронович – кандидат исторических наук, профессор, руководитель оргкомитета международной конференции «Шагиняновские чтения», г. Ростов-на-Дону.

Назарьян Илона Никитична – аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, стажер-исследователь, Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону.

Нор-Аревян Оксана Аведиковна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной конфликтологии и медиации Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Пантелеев Вадим Геннадьевич – младший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону.

Панфилова Юлия Сергеевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Саядов Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, руководитель Центра арменоведения Института социологии и ре-

гионоведения Южного федерального университета, исполнительный директор Ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община», г. Ростов-на-Дону.

Щукина Елена Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Линейные распределения ответов на вопросы анкеты (общий массив)¹

1. Распределение ответов на вопрос «Что из следующих фраз лучше всего описывает то, кем Вы себя воспринимаете?», Ростовская область, 2021 г., %

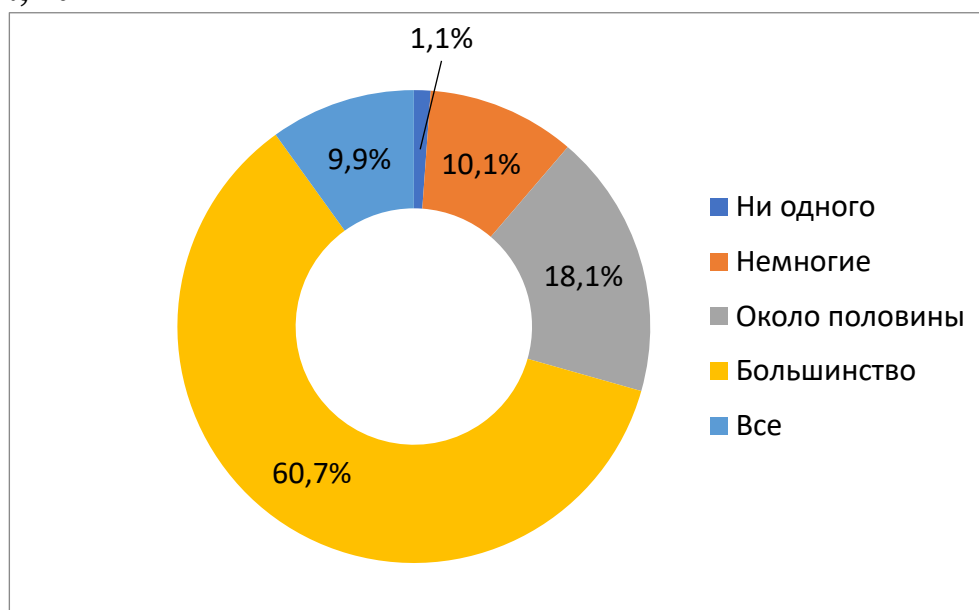

¹ Исследование армянской диаспоры в Ростовской области было проведено в рамках международного проекта, реализуемого в 4 странах: России, Бельгии, Франции, Великобритании. Опрос представителей армянской общины проведен в мае-июле 2021 года. География опроса: г. Азов, г. Аксай, г. Баттайск, г. Волгодонск, г. Новочеркасск, г. Ростов-на-Дону, г. Таганрог; Мясниковский район – село Чалтырь, село Большие Салы, село Крым, хутор Ленинанаван, хутор Ленинанакан; Егорлыкский район – хутор Кавалерский, хутор Шаумяновский; Азовский район – село Кулешовка; Красносулинский район – г. Красный Сулин. В опросе приняли участие 969 респондентов, из них 55 % мужчины и 45 % женщины.

2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы определяете свою армянскую идентичность?», Ростовская область, 2021 г., %

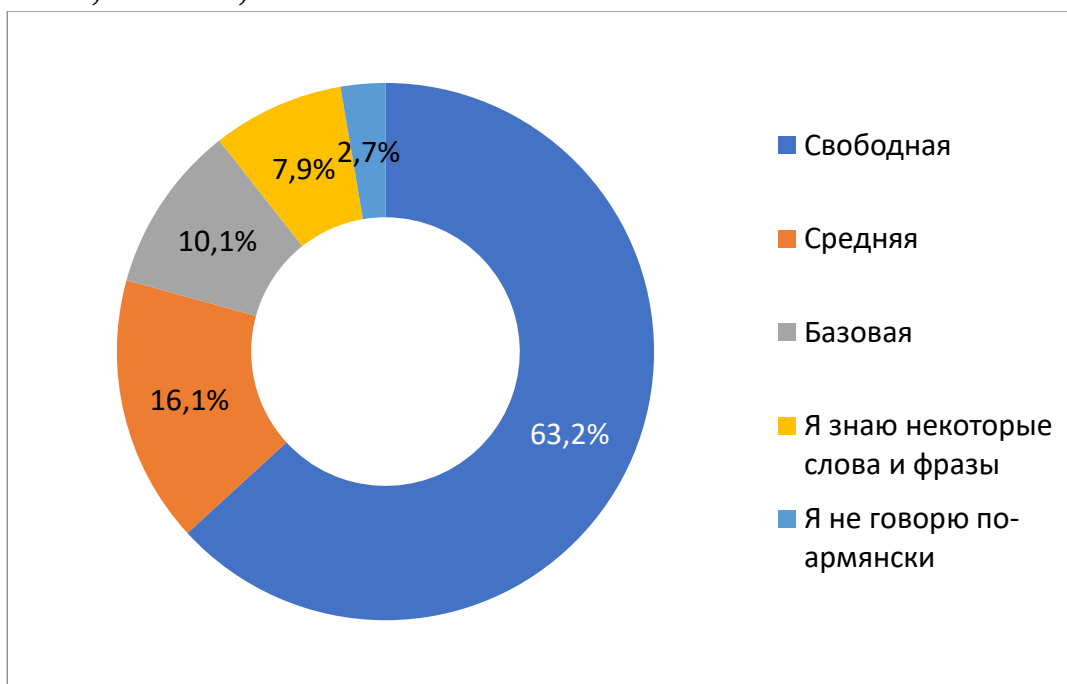
3. Распределение ответов на вопрос «Примерно какой процент Ваших друзей армяне?», Ростовская область, 2021 г., %

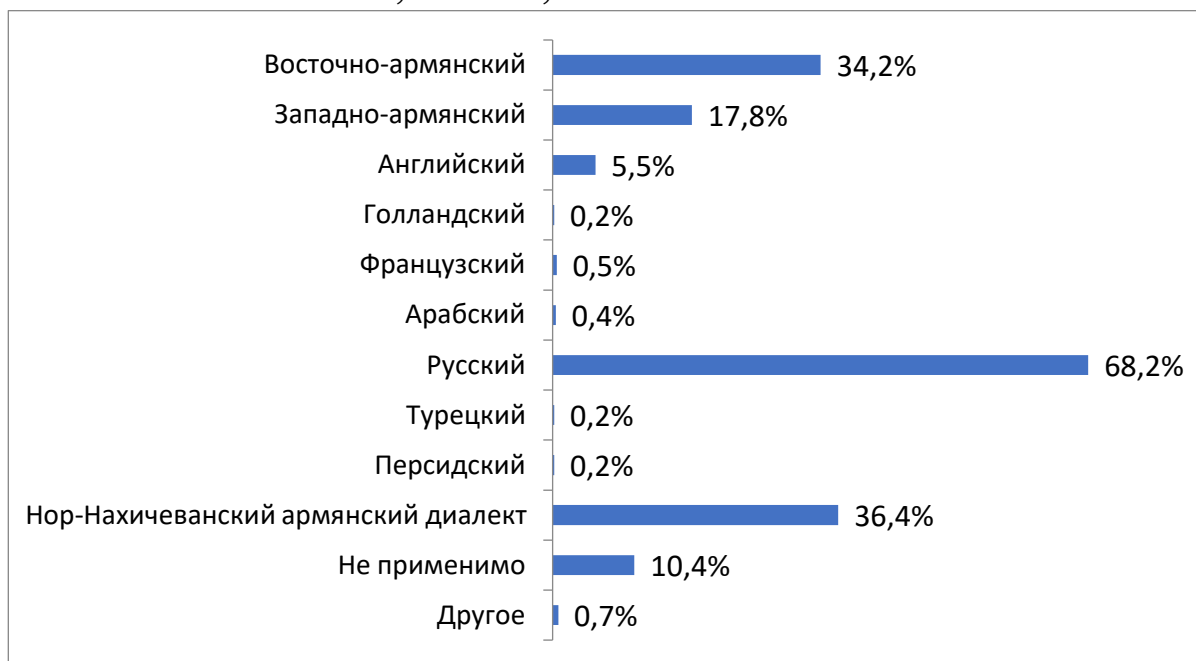
4. Распределение ответов на вопрос «Примерно какой процент Ваших романтических партнеров является/был армянином(ками)?», Ростовская область, 2021 г., %

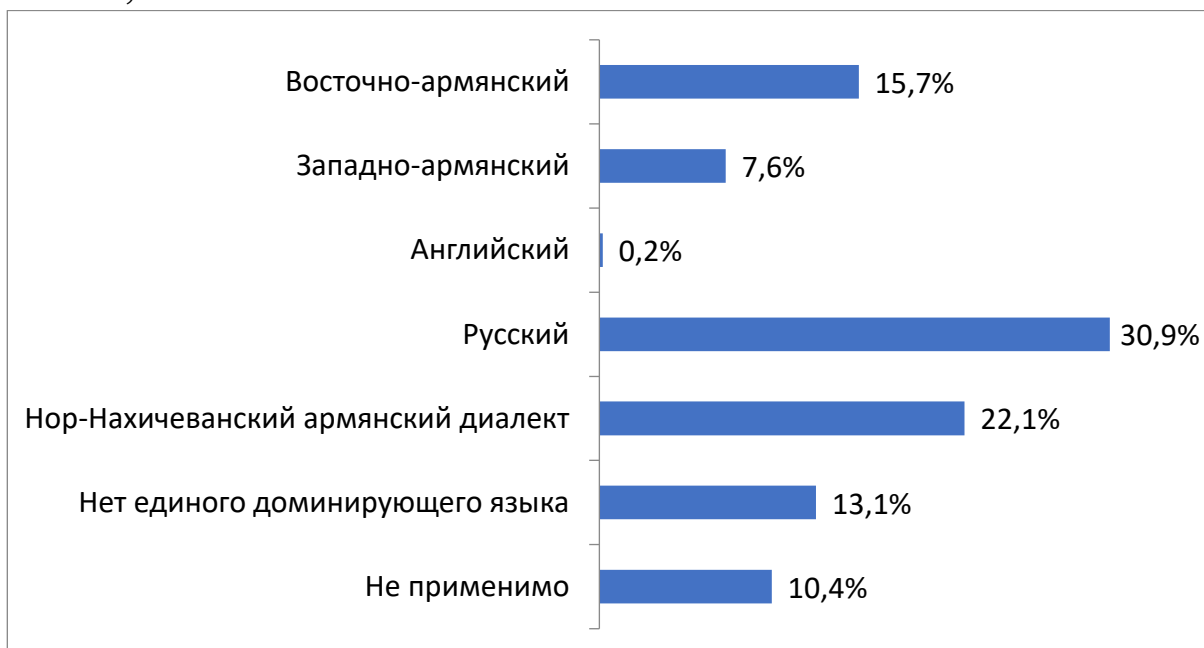
5. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили беглость Вашей устной речи на армянском?», Ростовская область, 2021 г., %

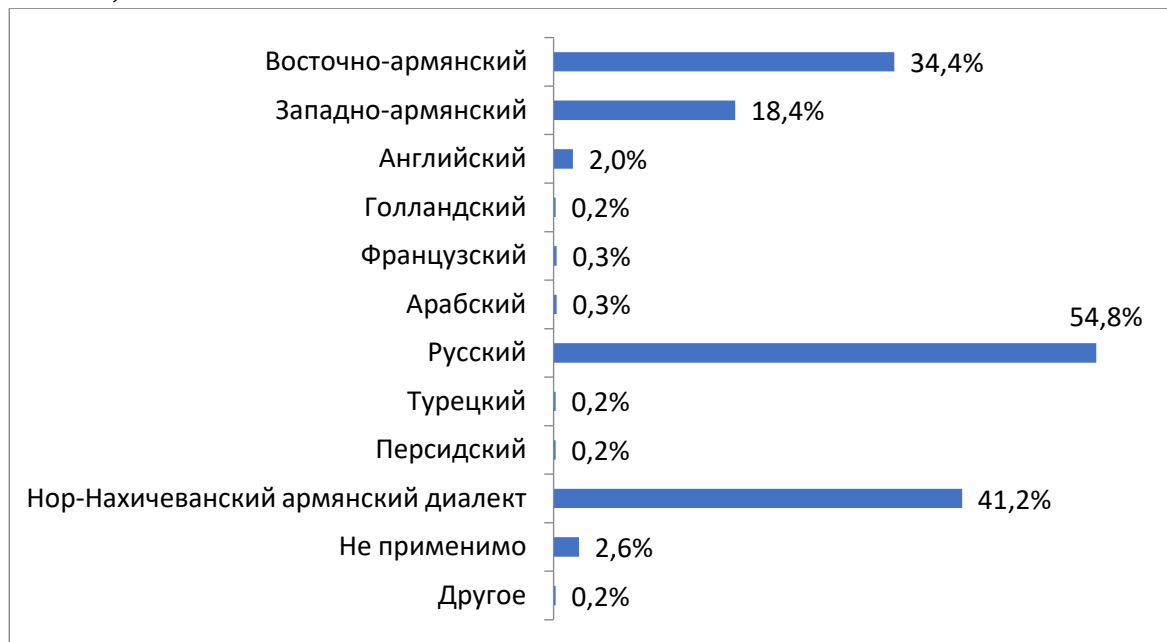
6. Распределение ответов на вопрос «На каких языках Вы говорите с Вашим(ей) супругом(ой)/партнером(кой)?», Ростовская область, 2021 г., %

7. Распределение ответов на вопрос «Доминирующий язык в общении с супругой/супругом», Ростовская область, 2021 г., %

8. Распределение ответов на вопрос «На каком языке Вы говорите (говорили) с родителями?», Ростовская область, 2021 г., %

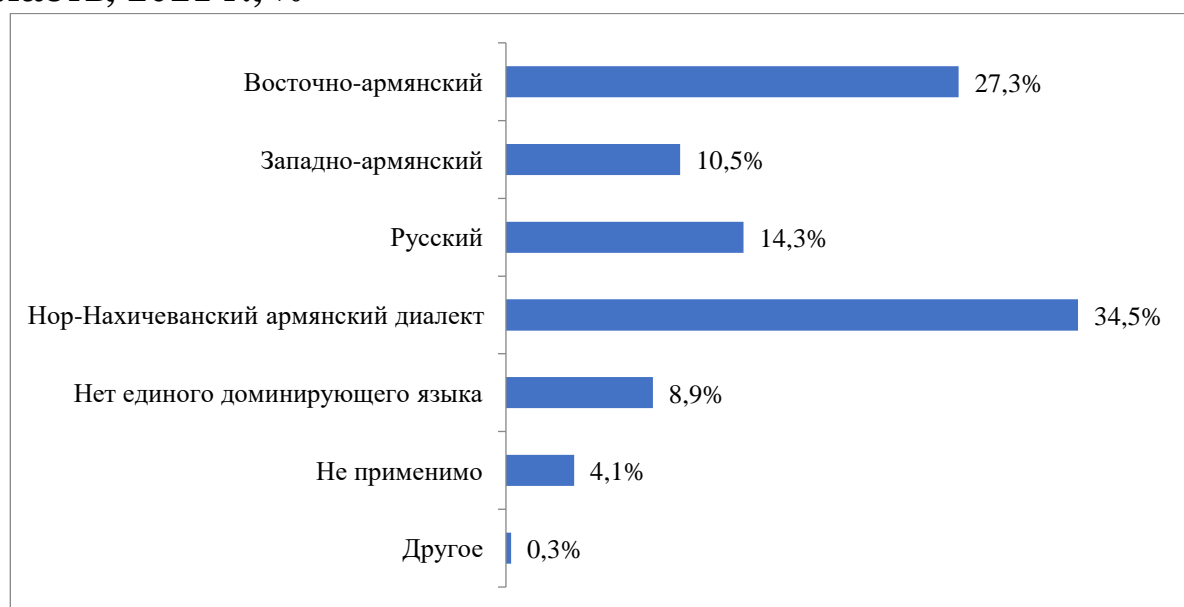
9. Распределение ответов на вопрос «Доминирующий язык в общении с родителями?», Ростовская область, 2021 г., %

10. Распределение ответов на вопрос «Как насчет Ваших бабушек и дедушек: на каких языках Вы говорите (говорили) с ними?», Ростовская область, 2021 г., %

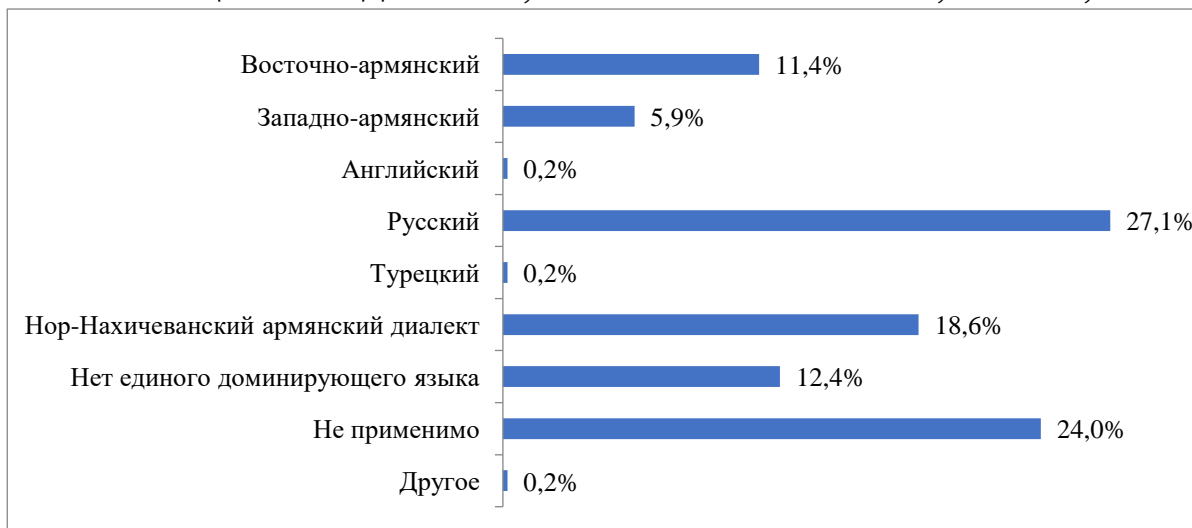
11. Распределение ответов на вопрос «Доминирующий язык в общении с бабушками/дедушками», Ростовская область, 2021 г., %

12. Распределение ответов на вопрос «Если Вы говорите (говорили) более чем на одном языке с вашими детьми, отметьте все варианты», Ростовская область, 2021 г., %

13. Распределение ответов на вопрос «Доминирующий язык в общении с детьми», Ростовская область, 2021 г., %

14. Распределение ответов на вопрос «Из нижеперечисленных ответов, что является самой большой угрозой крепости Вашей армянской общины?», Ростовская область, 2021 г., %

15. Распределение ответов на вопрос «Какие мероприятия необходимы в местной армянской общине?», Ростовская область, 2021 г., %

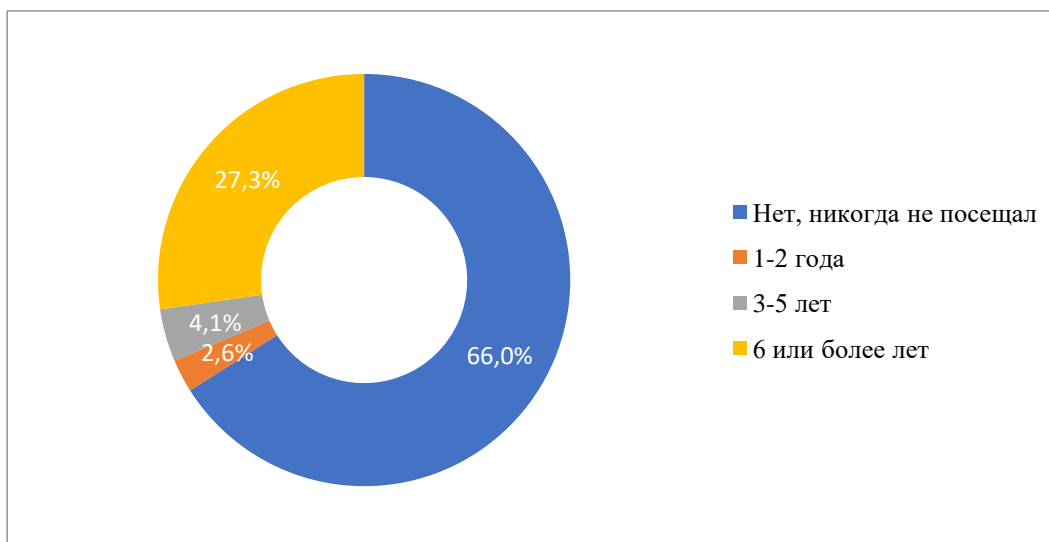
16. Распределение ответов на вопрос «Вы участвуете активно в каких-либо армянских политических партиях или движениях?», Ростовская область, 2021 г., %

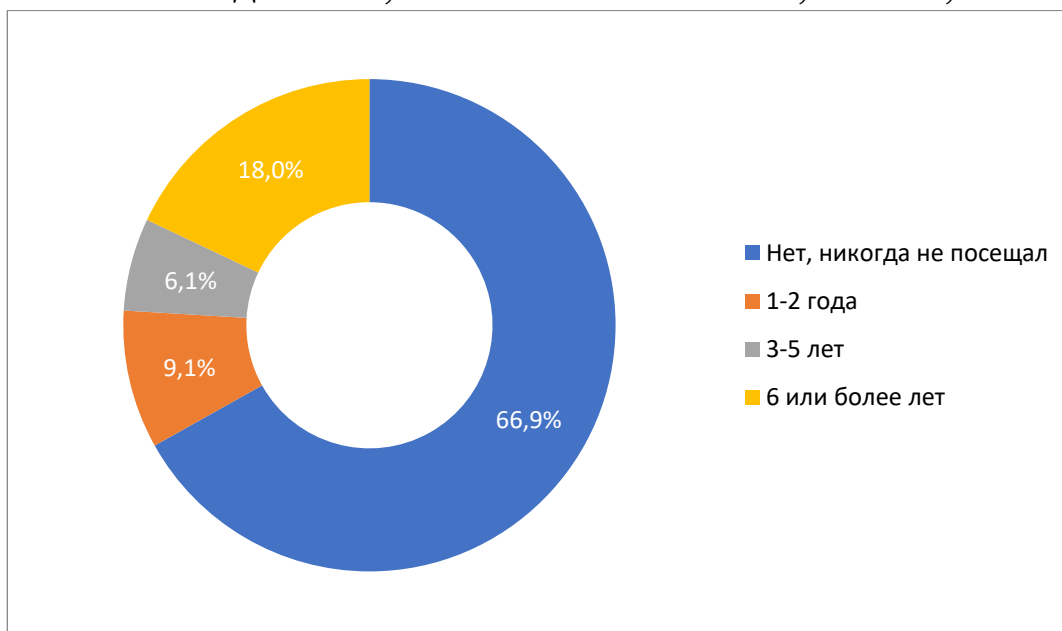
17. Распределение ответов на вопрос «Если нет, то не могли бы Вы указать причины неучастия в армянских мероприятиях?», Ростовская область, 2021 г., %

18. Распределение ответов на вопрос «Вы посещали армянскую общеобразовательную школу в детстве? Как долго?», Ростовская область, 2021 г., %

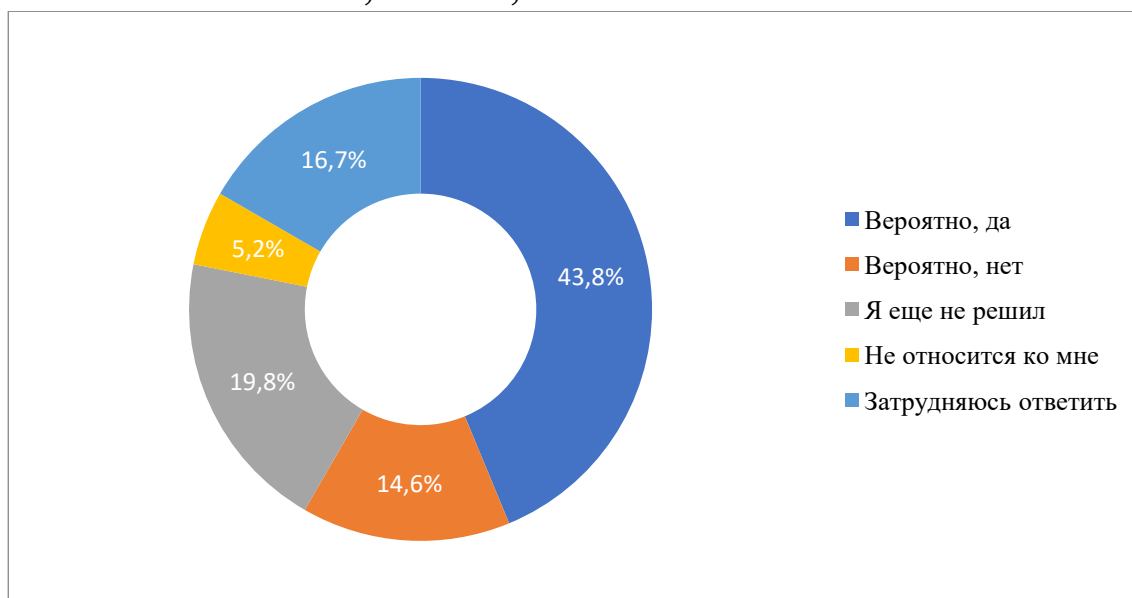
19. Распределение ответов на вопрос «Вы посещали армянские уроки после школьных занятий либо на выходных в детстве? Как долго?», Ростовская область, 2021 г., %

20. Распределение ответов на вопрос «Ваши дети ходят/ходили в армянскую общеобразовательную школу?», Ростовская область, 2021 г., %

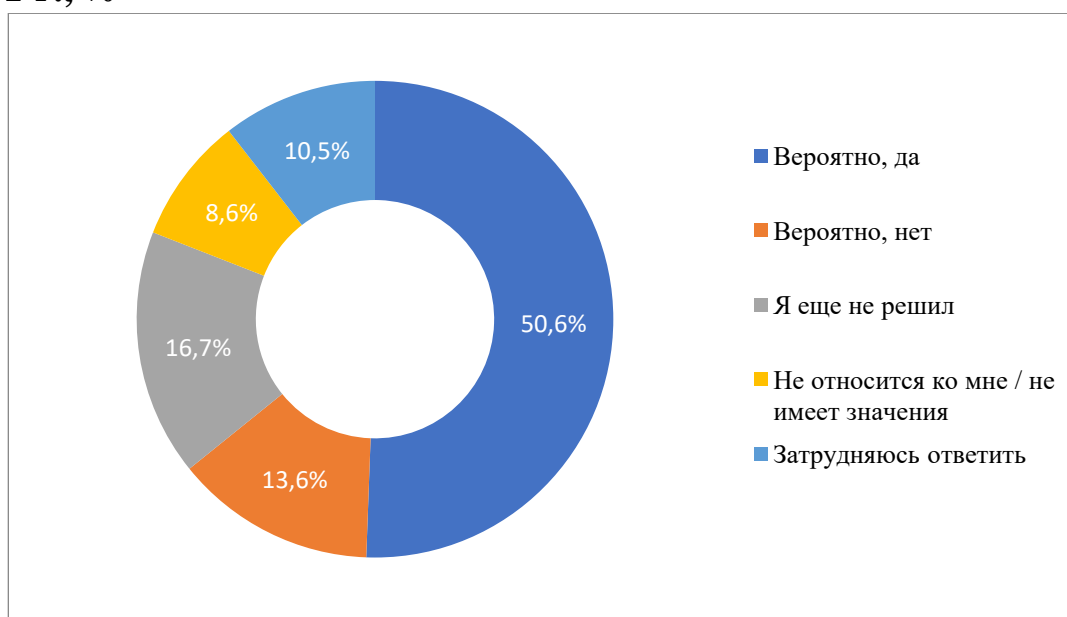
21. Распределение ответов на вопрос «Вы бы отправили своих детей в армянскую общеобразовательную школу?», Ростовская область, 2021 г., %

22. Распределение ответов на вопрос «Вы повели бы Ваших детей на занятия/программы по армянскому языку после школы/в выходной день?», Ростовская область, 2021 г., %

23. Распределение ответов на вопрос «Вы бы отправили своих детей на занятия/программы по армянскому языку после школы/в выходной день?», Ростовская область, 2021 г., %

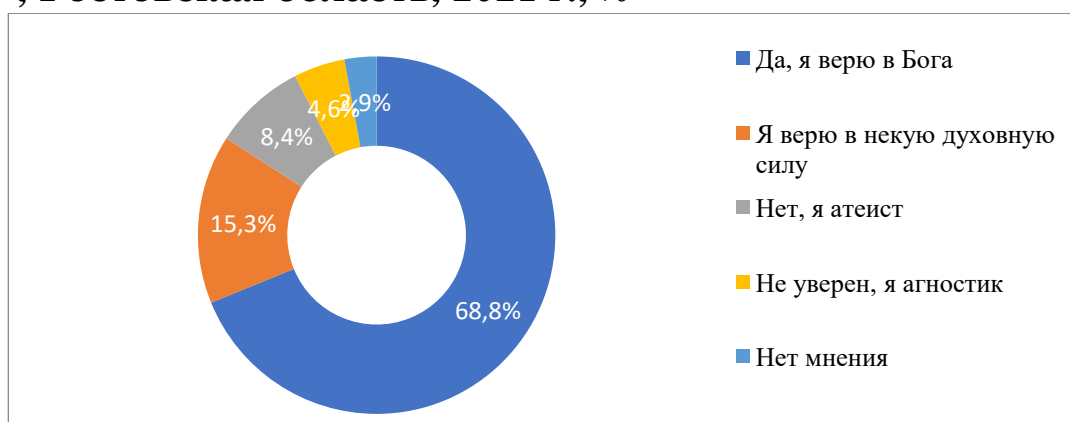
24. Распределение ответов на вопрос «Что бы Вы хотели, чтобы армянские школы обеспечивали детям?», Ростовская область, 2021 г., %

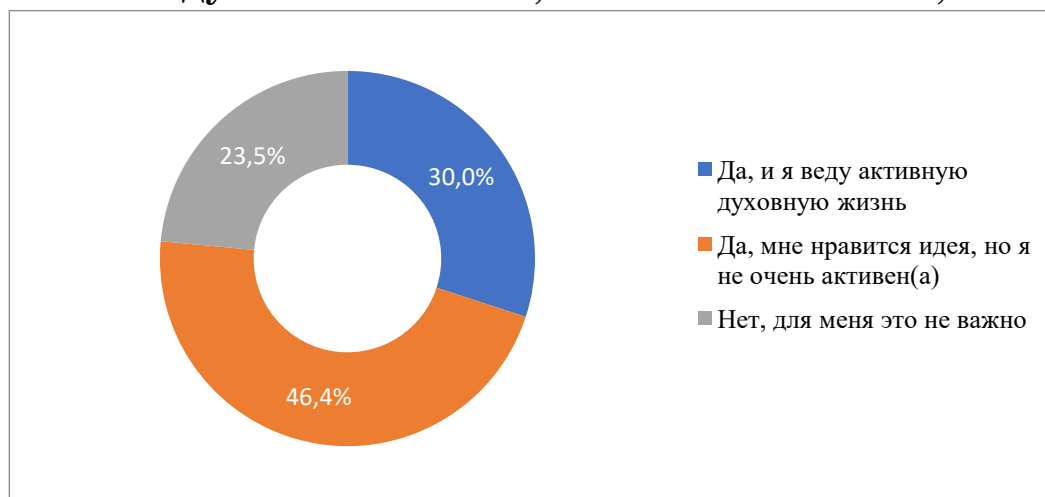
25. Распределение ответов на вопрос «Вы принадлежите к какой-либо из следующих церквей?», Ростовская область, 2021 г., %

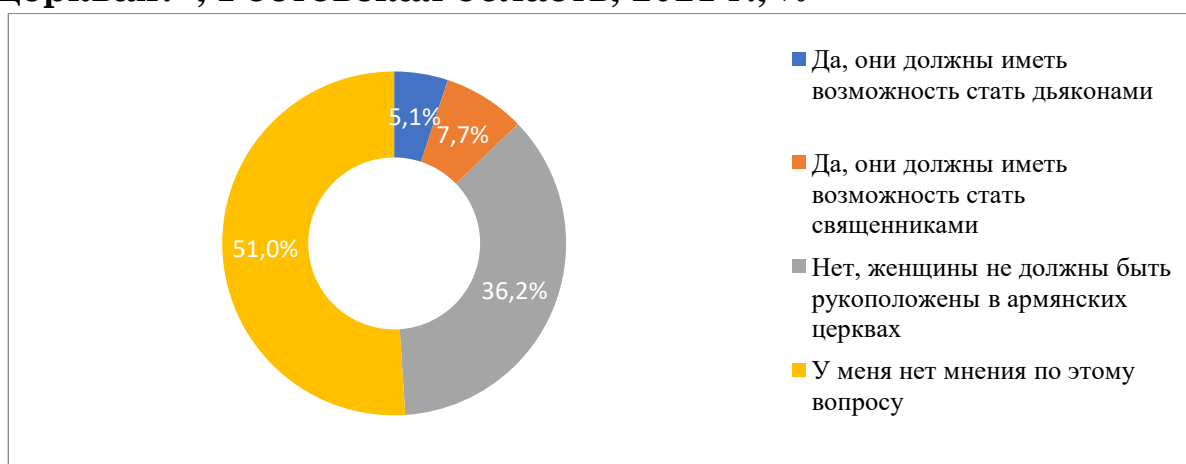
26. Распределение ответов на вопрос «Вы верите в Бога?», Ростовская область, 2021 г., %

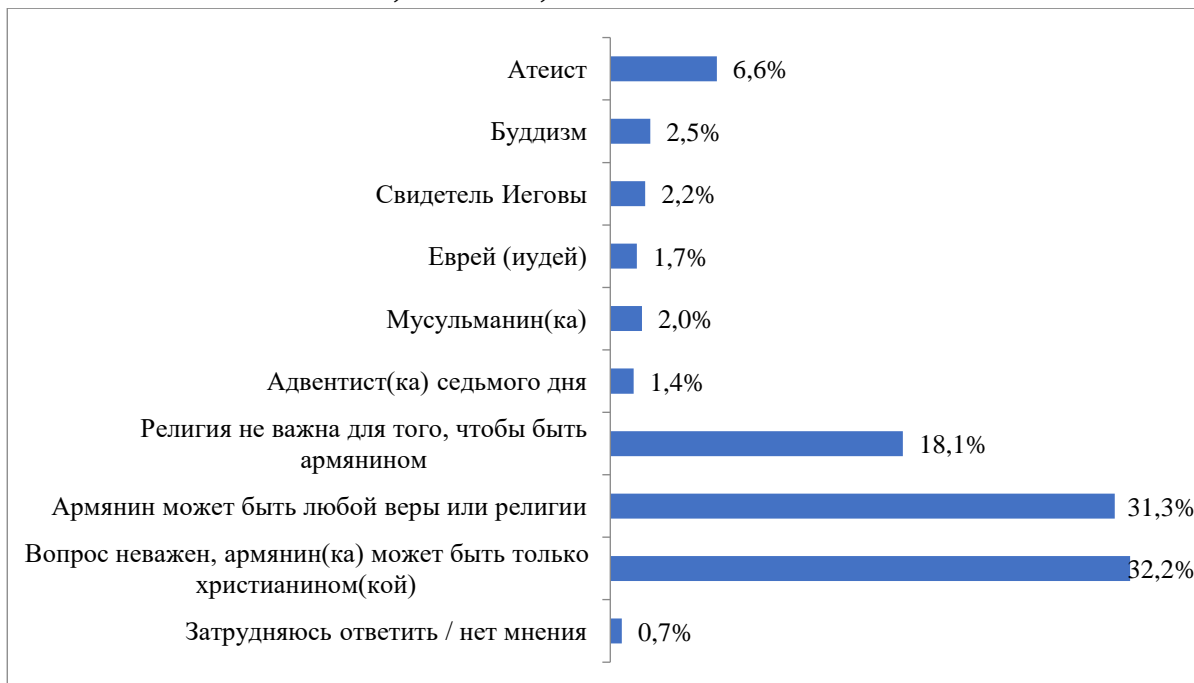
27. Распределение ответов на вопрос «Важна ли для Вас религия или духовная жизнь?», Ростовская область, 2021 г., %

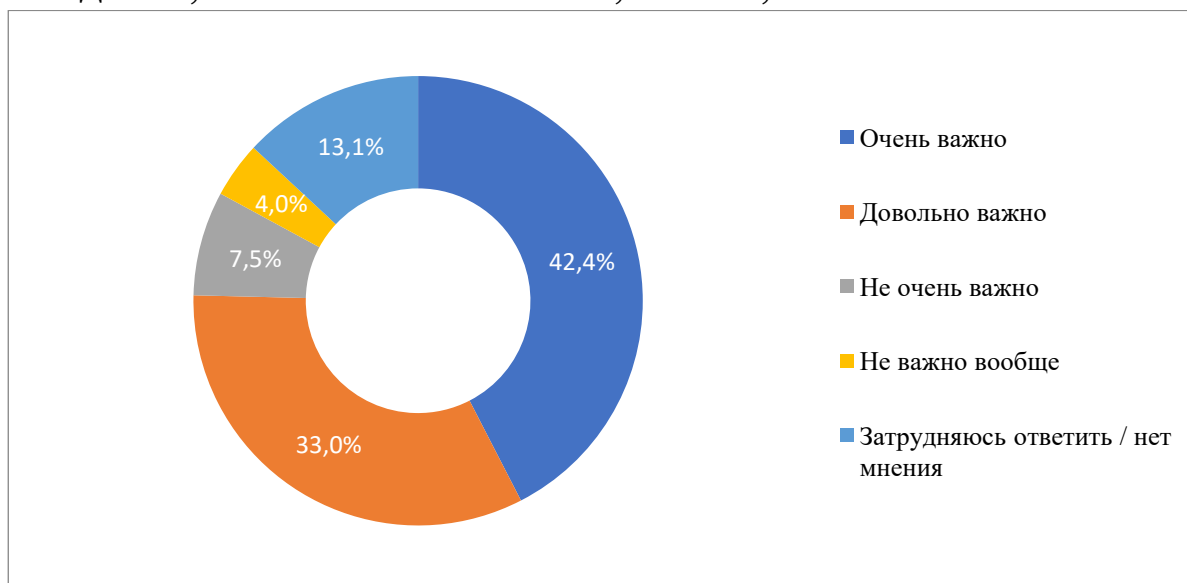
28. Распределение ответов на вопрос «Должны ли женщины иметь возможность быть рукоположены в армянских церквах?», Ростовская область, 2021 г., %

29. Распределение ответов на вопрос «Может ли человек быть другой веры и быть при этом армянином(кой)?», Ростовская область, 2021 г., %

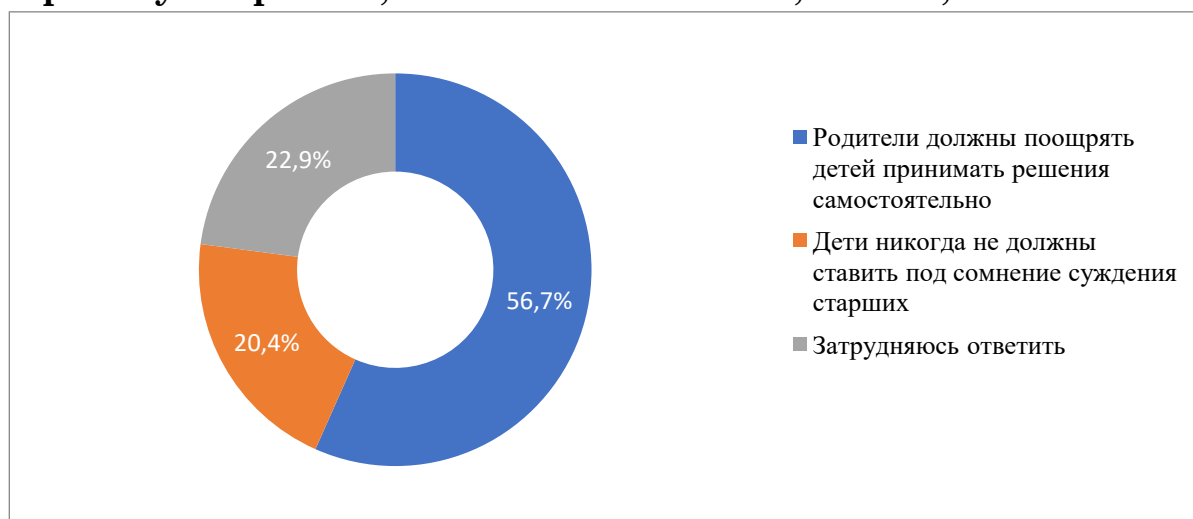
30. Распределение ответов на вопрос «Насколько важным является христианство для армянской идентичности сегодня?», Ростовская область, 2021 г., %

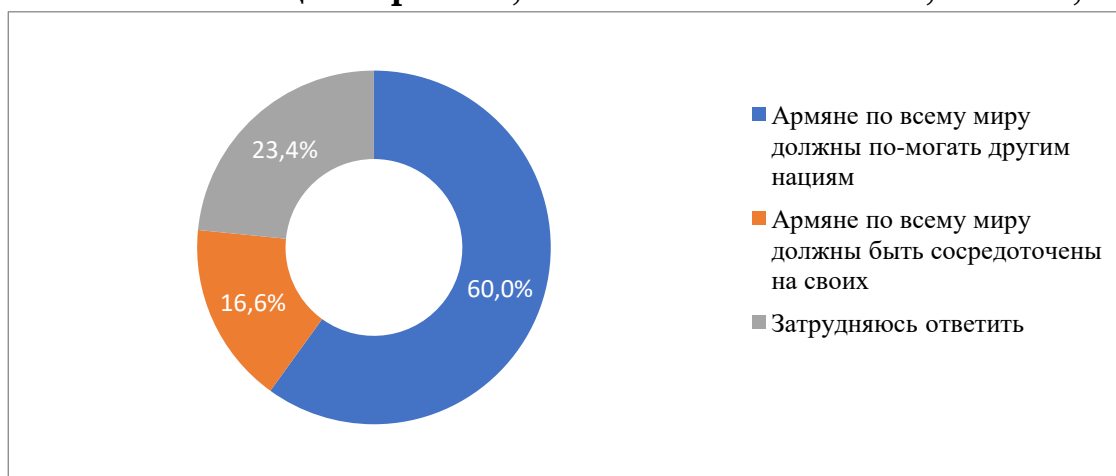
31. Распределение ответов на вопрос «Общались ли Вы с армянскими священниками или священнослужителями по поводу следующих вопросов...?», Ростовская область, 2021 г., %

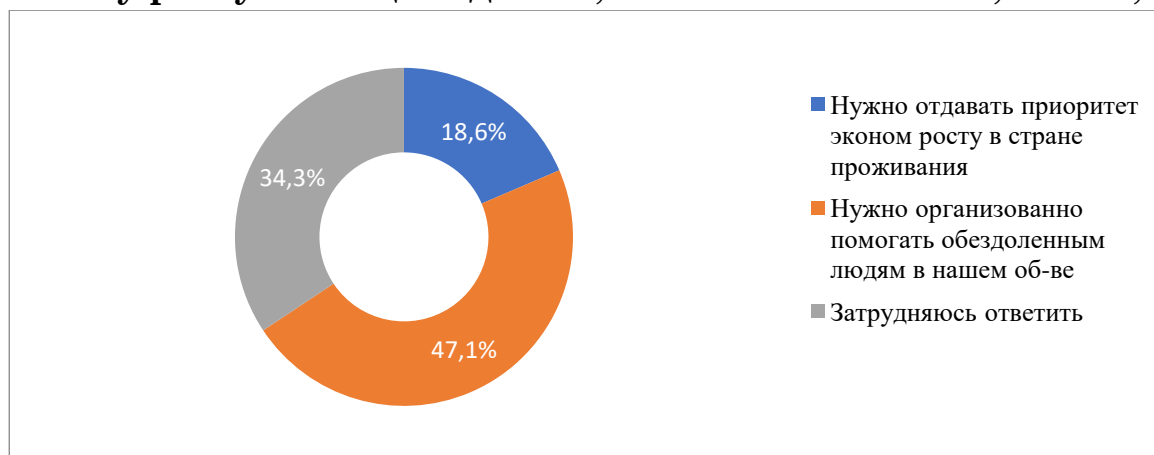
32. Распределение ответов на вопрос «Отношению к авторитету старших», Ростовская область, 2021 г., %

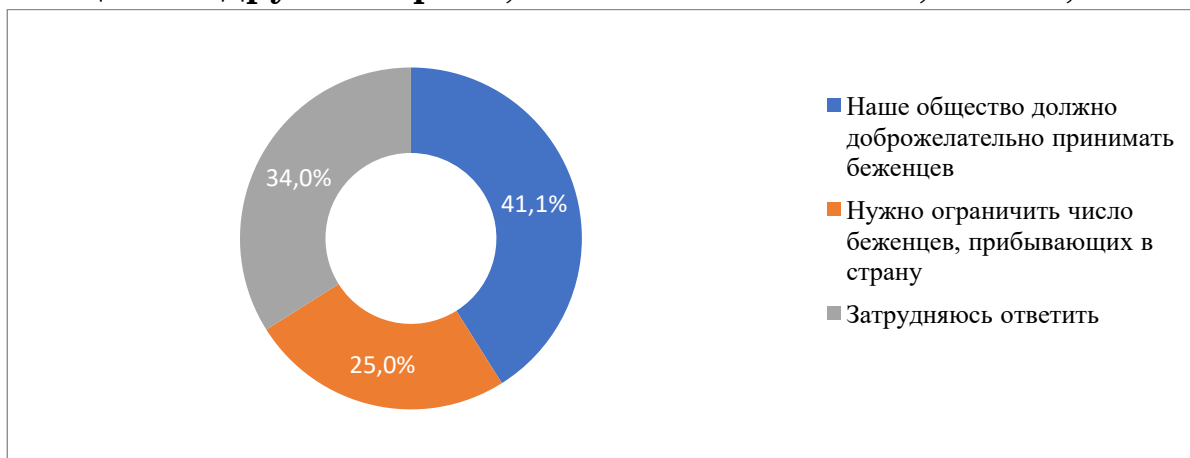
33. Распределение ответов на вопрос «Отношение к открытости/изоляции армян», Ростовская область, 2021 г., %

34. Распределение ответов на вопрос «Отношение экономическому росту/помощь бедным», Ростовская область, 2021 г., %

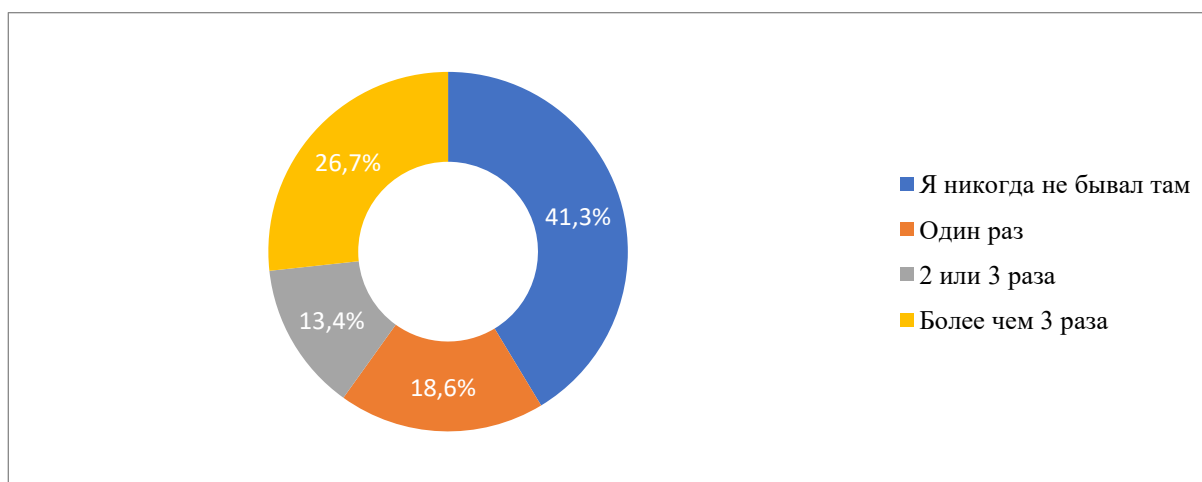
35. Распределение ответов на вопрос «Отношение к беженцам из других стран», Ростовская область, 2021 г., %

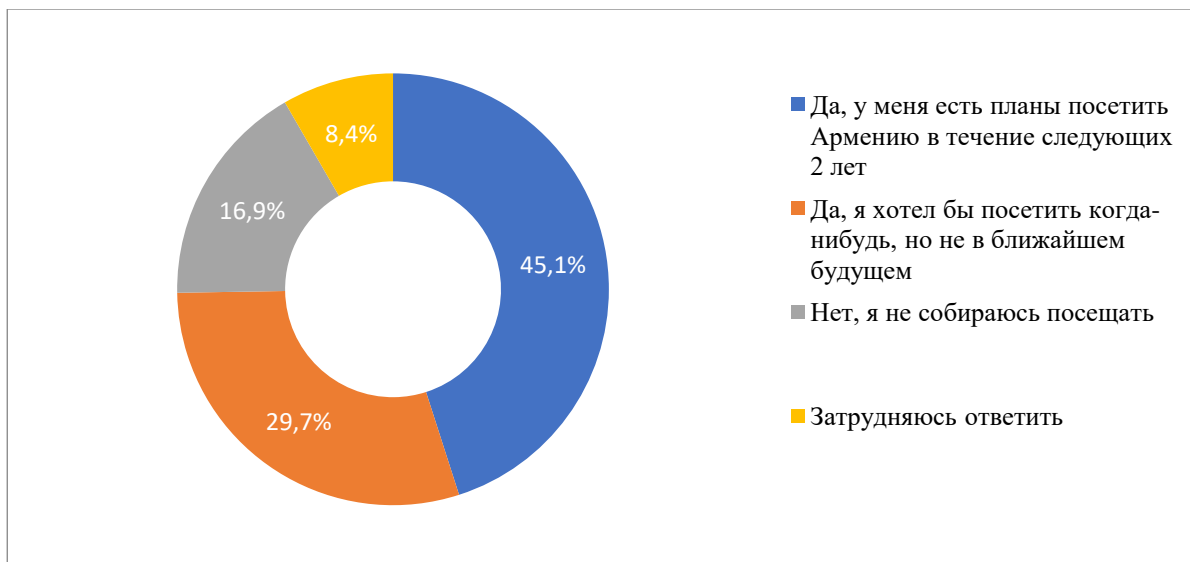
36. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного ниже Вы считаете своей родиной?», Ростовская область, 2021 г., %

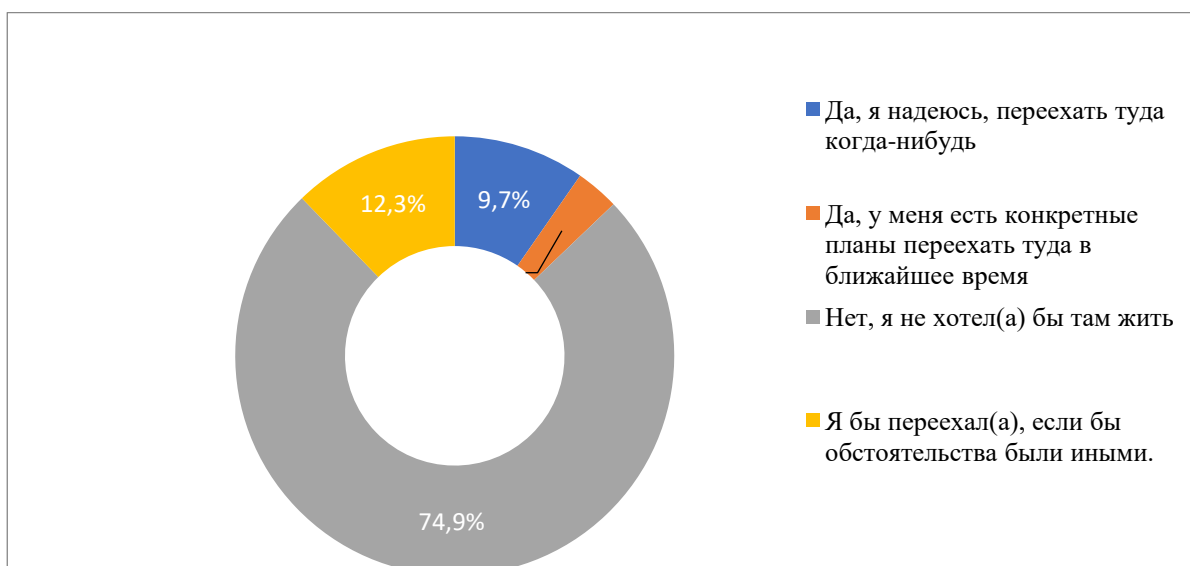
37. Распределение ответов на вопрос «Вы когда-нибудь посещали Республику Армения?», Ростовская область, 2021 г., %

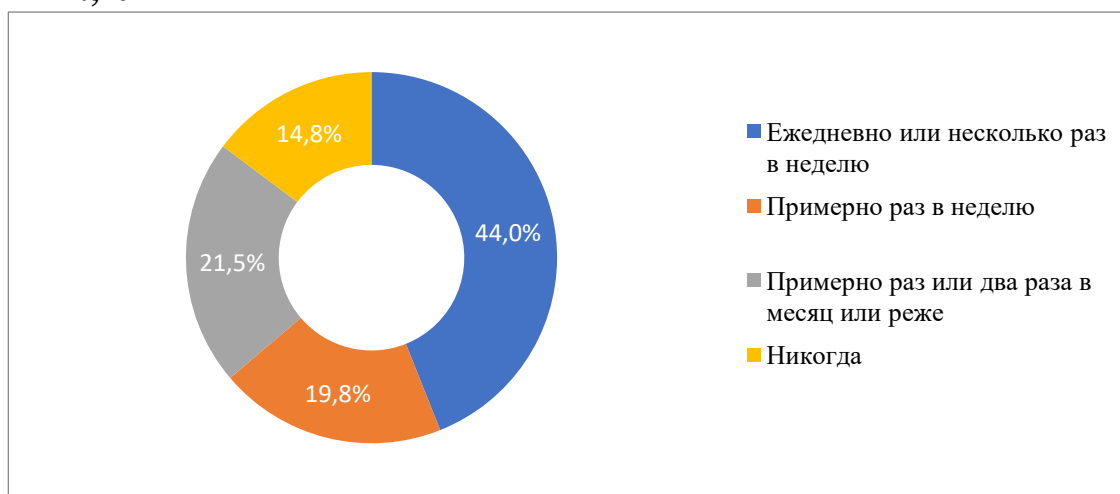
38. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли Вы посетить Республику Армения в будущем?», Ростовская область, 2021 г.,%

39. Распределение ответов на вопрос «Рассматривали ли Вы возможность постоянного проживания в Республике Армения и/или Арцахе?», Ростовская область, 2021 г.,%

40. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы следите за текущими событиями в Республике Армения и Арцахе в СМИ или через Интернет?», Ростовская область, 2021 г., %

41. Распределение ответов на вопрос «По-вашему, какие из следующих сфер должны диаспоры поддерживать в Республике Армения и/или в Арцахе?», Ростовская область, 2021 г., %

42 Распределение ответов на вопрос «Как Республика Армения могла бы поддержать местное сообщество?», Ростовская область, 2021 г.,%

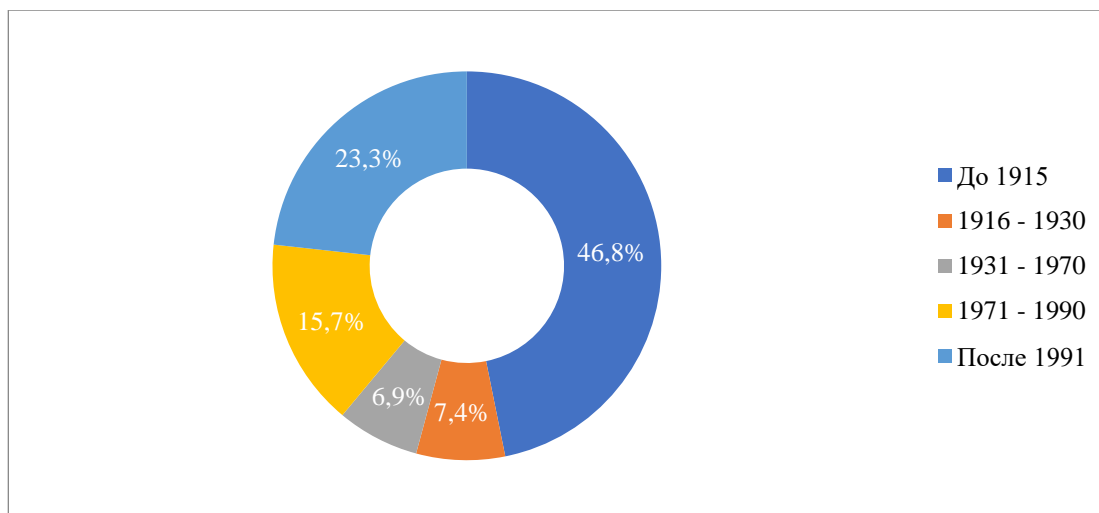
43. Распределение ответов на вопрос «Какие активные связи у Вас есть в настоящее время в Республике Армения или Арцахе?», Ростовская область, 2021 г.,%

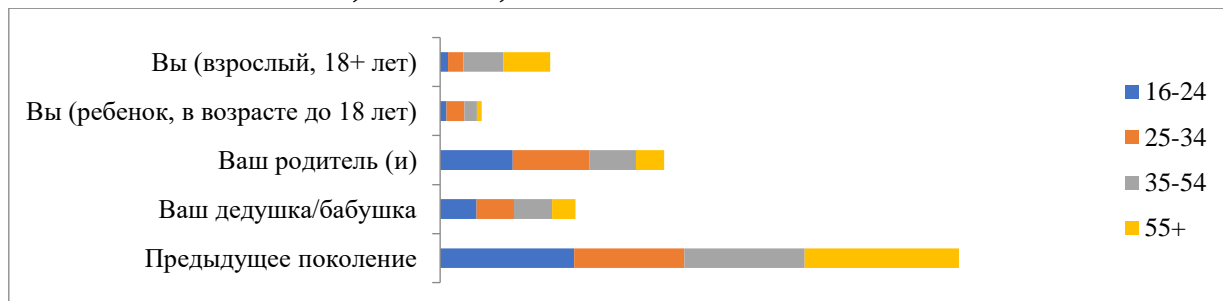
44. Распределение ответов на вопрос «Какие армянские онлайн-мероприятия Вы бы хотели посетить?», Ростовская область, 2021 г.,%

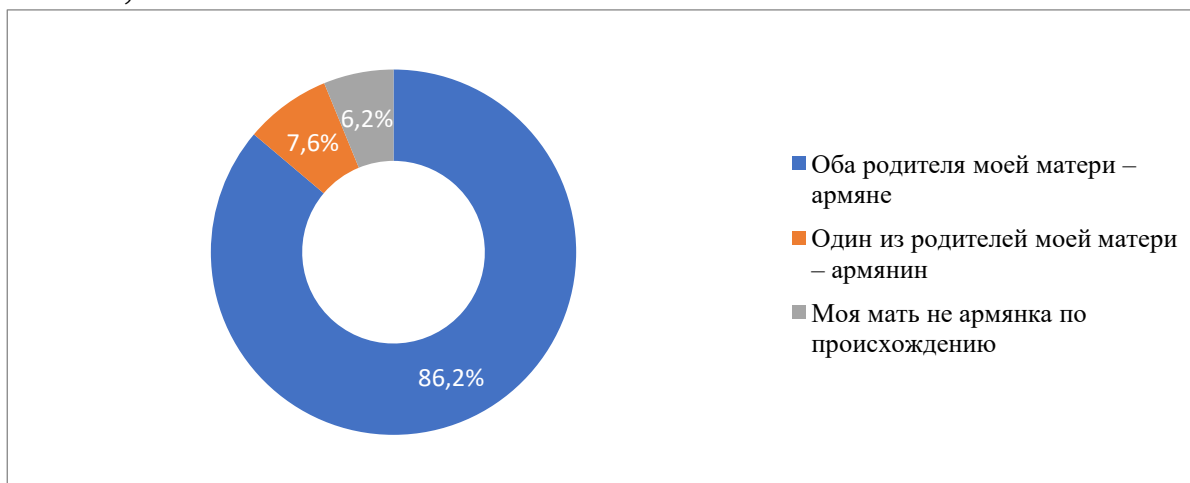
45. Распределение ответов на вопрос «В каком году первые ваши родственники обосновались в стране пребывания?», Ростовская область, 2021 г.,%

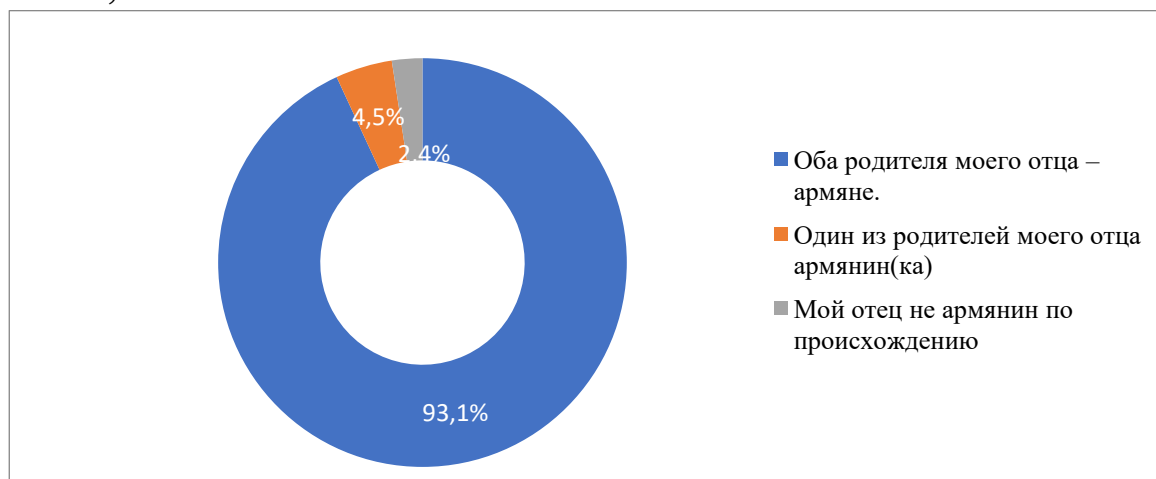
46. Распределение ответов на вопрос «Кто из Ваших родственников первым обосновался в Ростовской области», Ростовская область, 2021 г.,%

47. Распределение ответов на вопрос «Укажите этническую принадлежность Вашей матери», Ростовская область, 2021 г.,%

48. Распределение ответов на вопрос «Укажите этническую принадлежность Вашего отца», Ростовская область, 2021 г.,%

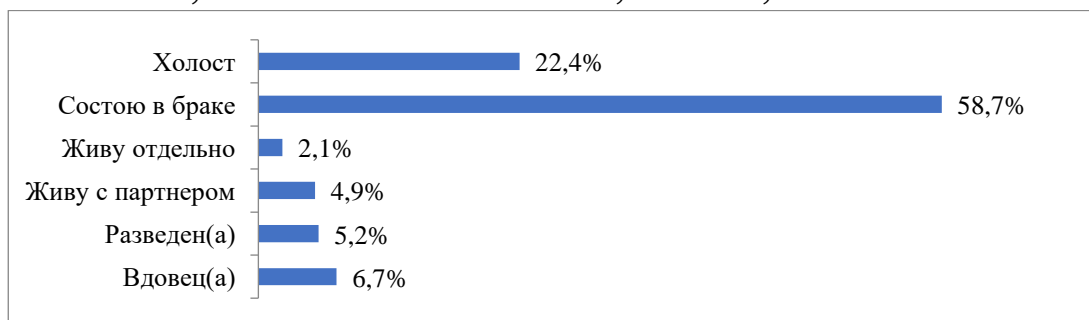

49. Распределение ответов на вопрос «Ваше образование», Ростовская область, 2021 г.,%**50. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, тип и статус Вашей занятости», Ростовская область, 2021 г.,%**

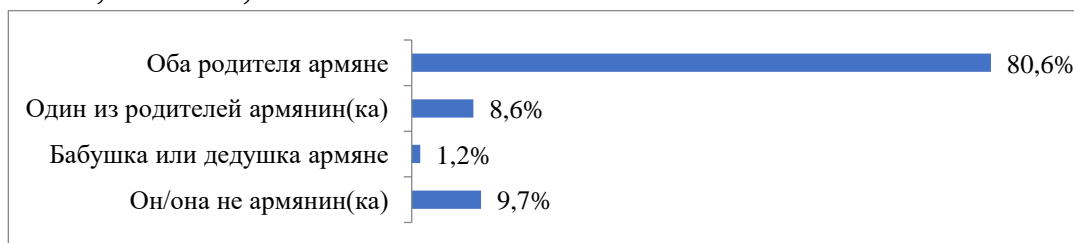
51. Распределение ответов на вопрос «Укажите вид Вашей занятости», Ростовская область, 2021 г., %

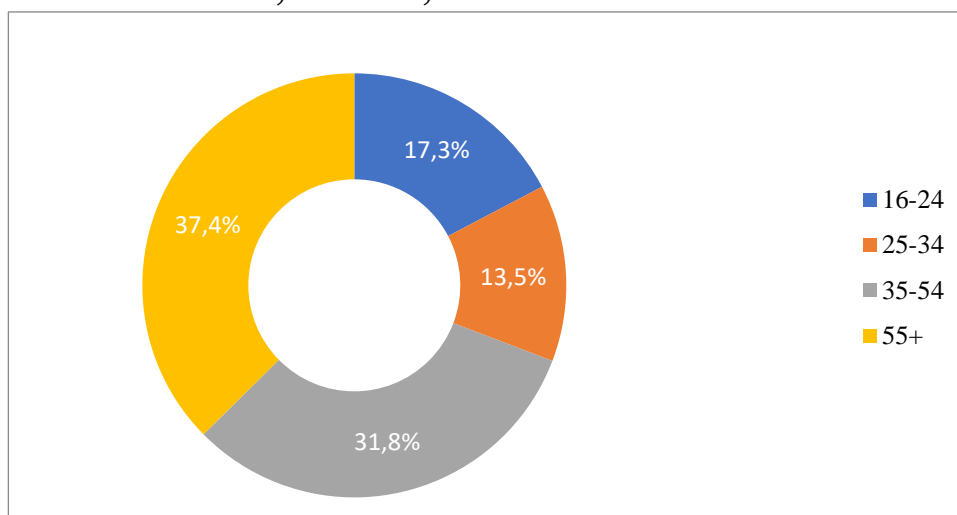
52. Распределение ответов на вопрос «Ваше семейное положение», Ростовская область, 2021 г., %

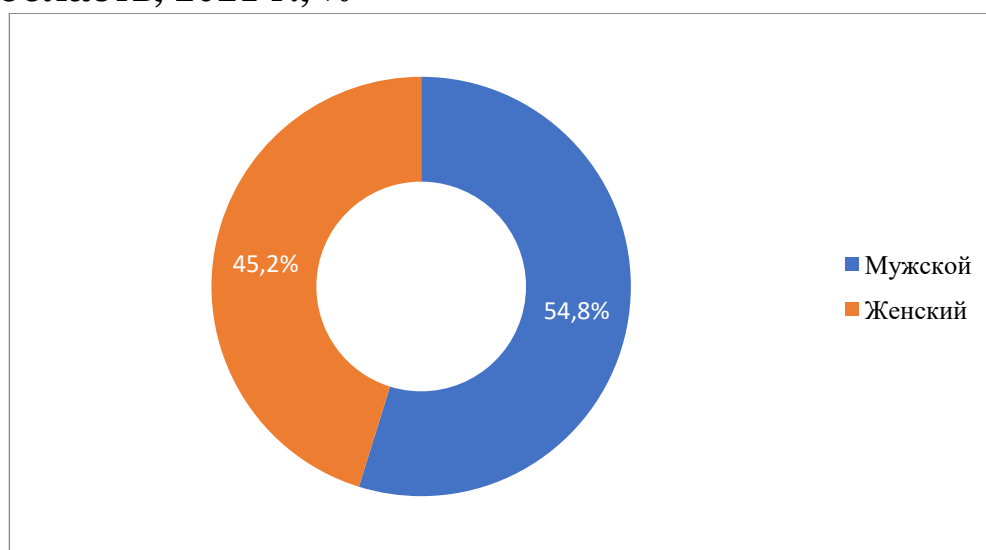
53. Распределение ответов на вопрос «Этническое происхождение Вашего/Вашей супруга/супруги», Ростовская область, 2021 г., %

54. Распределение ответов на вопрос «Ваш возраст», Ростовская область, 2021 г., %

55. Распределение ответов на вопрос «Ваш пол», Ростовская область, 2021 г., %

Научное издание

БАТИЕВ Левон Владимирович,
БЕДРИК Андрей Владимирович,
БИНЕЕВА Наталья Камильевна,
МАТВЕЕВ Герман Аронович,
НАЗАРЬЯН Илона Никитична,
НОР-АРЕВЯН Оксана Аведиковна,
ПАНТЕЛЕЕВ Вадим Геннадьевич,
ПАНФИЛОВА Юлия Сергеевна,
САЯДОВ Сергей Михайлович,
ЩУКИНА Елена Львовна

**АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА НА ДОНУ:
ИНТЕГРАЦИЯ И СОХРАНЕНИЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Монография

Подписано в печать 29.12.2022
Бумага офсетная. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 300 экз. Усл. печ. лист. 13,02
Уч.-изд. л. 9,33. Заказ № 8850

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной
и сувенирной продукции Издательско-полиграфического
комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1
Тел. (863) 243-41-66